

HAN FOOK KWANG | ZURAIDAH IBRAHIM | CHUA MUI HOONG | LYDIA LIM
IGNATIUS LOW | RACHEL LIN | ROBIN CHAN

Includes
interviews
with Lee Kuan Yew

LEE KUAN YEW

HARD TRUTHS TO KEEP SINGAPORE GOING

Annotation

На русском языке вышла по указанию президента Татарстана летом 2011 г.

Английский оригинал книги вышел в сингапурском издательстве Straits Times Press в январе 2011 года (оригинальное название Lee Kuan Yew: Hard Truths To Keep Singapore Going).

Издание, как сообщается в аннотации, предназначено для «молодых сингапурцев». Основана книга на 16 интервью с Ли Куан Ю, которые взяли семь местных журналистов в 2008 — 2009 годах. «Зачем я написал эту книгу? Я хочу, чтобы читатели знали нелегкую правду», — заявляет он. Книга отвечает на вопросы, почему Ли трудно находить общий язык с политическими оппонентами. Положительно или отрицательно влияет растущая религиозность Сингапура на его экономику? Как на маленькую страну влияют рост Китая и Индии? Почему богатый Сингапур так скуп, когда нужно раскошелиться на бедных и обездоленных? На вопросы, которые также стоят и перед российской, и перед татарстанской экономикой, Ли дал довольно противоречивые ответы, сообщается в аннотации к английскому изданию. 458-страничная книга, основанная на основе 32 часов интервью, представляет Ли «политически некорректным», часто нетерпеливым, высказывающим пренебрежение мнениями тех, кто критикует его мировоззрение. Но он стоит на своем, хотя находит время оглянуться назад и признать, что мог бы быть более сговорчивым и поступить иначе.

Ранее, в 2005 году, в России уже издавалась книга Ли Куан Ю — «Сингапурская история: из третьего мира в первый».

-
- [ИНТЕРВЬЮ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ БОЛЕЕ 32 ЧАСОВ](#)
 - [---](#)
 - [ЗДЕСЬ НЕТ СЛУГ, КОТОРЫЕ БЫ ПРИНОСИЛИ ЗА ВАС МЯЧИ](#)
 - [80-ЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ, СТОЯЩЕЕ НА БОЛОТИСТОЙ ПОЧВЕ](#)
 - [«НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ» В РЕГИОНЕ](#)
 - [ЕСЛИ МЫ НЕ БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ, ТО МЫ - ГЛУПЦЫ](#)
 - [СНИЗИТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ](#)
 - [«Я ОБЛАДАЮ БАЗОЙ ДАННЫХ, КОТОРУЮ НЕ СКОРО НАКОПИТ КАКОЙ-НИБУДЬ МОЛОДОЙ МИНИСТР»](#)

- ОН НИ РАЗУ НЕ ПОЖАЛОВАЛСЯ НА СЛАБОСТЬ ИЛИ УСТАЛОСТЬ
- ДАНИЯ ИЛИ ШВЕЦИЯ ОБОЙДУТСЯ И ПОСРЕДСТВЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, А СИНГАПУР - НЕТ
 - «Если мы неуязвимы, зачем мы год за годом тратим от 5 до 6 процентов ВВП на оборону? Разве мы сумасшедшие?»
 - РАЗМЫШЛЯЛ ТОЛЬКО О ТОМ, КАК ЗАСТАВИТЬ ЭТУ СТРАНУ РАБОТАТЬ
 - НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ РАБОТАТЬ
 - НЕЛЬЗЯ ИМЕТЬ СИЛЬНУЮ ОБОРОНУ И КРЕПКИЕ ФИНАНСЫ БЕЗ СИЛЬНОГО, ЕДИНОГО, ОБРАЗОВАННОГО И СПЛОЧЕННОГО ОБЩЕСТВА
 - У НАС НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОСТЯМИ, РЕЛИГИЯМИ, КУЛЬТУРАМИ, ЯЗЫКАМИ
- ЗАПАДНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ ПРЕДПОЧИТАЮТ ДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО ВСЕ ЛЮДИ РАВНЫ
 - ---
 - БУДЕТ ЛИ ВАША СОБСТВЕННОСТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ СТОИТЬ В СЛУЧАЕ КОНФЛИКТОВ?
 - ГЛАВНЫЙ ПЛЮС В ТОМ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО МОЖНО ПОМЕНЯТЬ БЕЗ НАСИЛИЯ
 - ЧТО БУДЕТ ДЕРЖАТЬ НАС ВМЕСТЕ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ МИРА, СТАБИЛЬНОСТИ И РОСТА
 - А ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ИЗБИРАТЕЛИ ПОУМНЕЛИ
 - У НАС БЫЛО В 10 РАЗ МЕНЬШЕ ФАКТОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЧЕМ У ДРУГИХ
 - ОДНА ПОЖИМАЛА РУКИ ТОРГОВЦАМ РЫБОЙ, А ПОТОМ МЫЛА РУКИ
 - МЫ САМИ ОГРАНИЧИЛИ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА
- ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МИНИСТРЫ РАБОТАЛИ 20 ЛЕТ, ЖЕРТВУЯ СВОИМИ СЕМЬЯМИ?
 - ---
 - ЧЕРНЫЕ ВЕРНУЛИСЬ В ТРУЩОБЫ, А БЕЛЫЕ - В КОТТЕДЖИ
 - НЕДОСТАТОЧНО ИМЕТЬ ХОРОШУЮ ПОЛИТИКУ - НУЖНО УМЕТЬ УБЕЖДАТЬ ЛЮДЕЙ
- МЫ ПОСТАВИЛИ НА КАРТУ СВОИ ЖИЗНИ, КОГДА БРОСИЛИ ВЫЗОВ КОММУНИСТАМ

- ---
- Я НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ. Я ПРОВЕЛ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ, СТРОЯ ЭТУ СТРАНУ
- УЛИЧНЫЕ БОИ: «ЛИБО ТЫ ПРОИГРАЛ, ЛИБО Я»
- УКРОТИТЬ КРИТИКОВ В СМИ
 - ---
 - ЕСЛИ СМИ СЕЮТ ЛОЖЬ, У НАС ЕСТЬ ПРАВО ОТВЕТИТЬ
 - Я ЗАЩИЩАЛ СВОЮ ПОЗИЦИЮ ЗУБАМИ И КОГТЯМИ. Я ВЫИГРАЛ.
- ПАРТИИ НУЖНЫ РАЗНЫЕ ЛЮДИ, НО СМОГУТ ЛИ ОНИ УПРАВЛЯТЬ МИНИСТЕРСТВОМ?
 - ---
 - МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЯВИТЬСЯ ИЗ НИОТКУДА? НЕТ.
 - «РАСПРОСТРАНЕННОЕ МНЕНИЕ, ЧТО МЫ ЭЛИТАРНЫ, - ЭТО ПРОСТО ГЛУПОСТЬ!»
 - СОГЛАСНЫ ОНИ С НАМИ ИЛИ НЕТ - ЭТО НЕ КРИТЕРИЙ
 - ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ ОДИН БОЕВОЙ САМОЛЕТ F15
 - ТАК РУКОВОДИТЕЛИ В РОССИИ СТАЛИ КОРРУМПИРОВАННЫМИ, ТАК ЖЕ И В КИТАЕ, И ВО ВЬЕТНАМЕ
 - ОНИ НЕ ВИДЯТ ПРИЧИН ПРИНОСИТЬ ТАКИЕ ЖЕРТВЫ
 - РАБОТА, А НЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
- МЫ НАЧИНАЛИ С ПОТОМКАМИ ФЕРМЕРОВ
 - ---
 - НЕ ПРОЯВИМ ГОСТЕПРИИМСТВА К ТАЛАНТАМ - НЕ БУДЕМ РАЗВИВАТЬСЯ
 - МЫ РЕШИЛИ СТАТЬ ОТКРЫТЫМИ И БРАТЬ ЛУЧШЕЕ
 - С ТЕМ, ЧТО У НАС ЕСТЬ, МЫ ВСЕ РАВНО МОЖЕМ ДОСТИЧЬ ХОРОШЕГО УРОВНЯ ЖИЗНИ
 - ВОПРОС СТОЯЛ О ТОМ, СМОЖЕТ ЛИ СИНГАПУР ВЫЖИТЬ СРЕДИ СОСЕДЕЙ
 - ПОСМОТРИТЕ НА ВСЕ УСПЕШНЫЕ КОМПАНИИ, ГДЕ КЛЮЧ К ИХ УСПЕХУ?
 - КОГДА У НАС СЛУЧАЮТСЯ КАТАСТРОФЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ ДО НАС НЕ ДОБРАТЬСЯ
- «МНОГОСКОРОСТНОЙ» МИР
 - ---
 - НЕ СЛИШКОМ ЛИ БЫСТРО РАСТЕТ СИНГАПУР?
 - ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗА КОПЕЙКИ НАНЯТЬ ЛЮДЕЙ,

- КОТОРЫЕ ХОТЯТ РАБОТАТЬ
 - КАЖДЫЙ СИНГАПУРЕЦ ПОЛУЧАЕТ ЖИЛЬЕ
 - ЗАЧЕМ ТАК СИЛЬНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ЭКОНОМИКУ?
- В КОНЦЕ КОНЦОВ, ДЭН СЯОПИН ПОНЯЛ, ЧТО ПРИНЦИП «МИСКИ РИСА» НЕ СРАБОТАЕТ
 - ---
 - У НАС БУДЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ ГОЛОДРАНЦЕВ
 - ЖЕНИШЬСЯ НА ЖЕНЩИНЕ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ - БУДЕШЬ РВАТЬ НА СЕБЕ ВОЛОСЫ
 - РАЗМЕР ВАШЕЙ СОБСТВЕННОСТИ ЗАВИСИТ ОТ ВАШИХ СПОСОБНОСТЕЙ
 - Я НЕ ЗНАЮ, КАКАЯ ЧАСТЬ МОЗГА ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ
 - ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО СМОЖЕТЕ СОЗДАТЬ РАВНОПРАВНОЕ ОБЩЕСТВО, КАК ВЕРИЛИ КОММУНИСТЫ?
 - ВОСПИТАНИЕ ОСОБЕННОГО РЕБЕНКА
 - ЭТО НЕ ПРОСТО РЕСУРСЫ - ЭТО ЛИЧНОЕ ВНИМАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ
- НЕ ХОЧУ ОБИЖАТЬ МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО
 - ---
 - МИГРАЦИЯ ЗНАЧИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ
 - КИТАЙ НАС СКОРО ДОГОНИТ
 - У НИХ ЕСТЬ ДЕНЬГИ, И ОНИ СТРОЯТ МЕЧЕТИ ПО ВСЕМУ МИРУ
 - 50 000 МЕДРЕСЕ, КОТОРЫЕ ГОТОВЯТ СМЕРТНИКОВ ДЛЯ ДЖИХАДА
 - ОДНА БОЛЬШАЯ БОМБА, И МЫ УЖЕ НЕ СМОЖЕМ ОСТАНОВИТЬ РЕАКЦИЮ
 - ПЕРВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ДОЛЖНА БЫТЬ ВЫСОКАЯ СТЕПЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ
 - ХРИСТИАНЕ НЕ ХОДЯТ ПО УЛИЦАМ, ОБВЯЗАВШИСЬ БОМБАМИ, ЧТОБЫ ВЗРЫВАТЬ ЛЮДЕЙ
 - МНЕ НЕ НУЖНО ВЕРИТЬ В СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ
 - ВСЕ РЕЛИГИИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВНЕ ПОЛИТИКИ. ТАК МЫ СОХРАНИМ ГАРМОНИЮ
 - НЕ БУДЕТЕ УЧАСТВОВАТЬ В ПРАЗДНЕСТВАХ ГОЛОДНЫХ ДУХОВ - ПОТЕРЯЕТЕ ГОЛОСА

- ЭТО БЫЛО ЧУВСТВО ПОЛНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АПАТИИ И ПРОСТО ТУПОСТЬ
- РОДИТЕЛИ ПОСЫЛАЛИ ДЕТЕЙ ЗА ГРАНИЦУ, ЧТОБЫ НЕ УЧИТЬ КИТАЙСКИЙ КАК ВТОРОЙ ЯЗЫК
- МЫ ДОЛЖНЫ ПОБУДИТЬ НЕКОТОРЫХ НАШИХ РЕБЯТ ИЗУЧАТЬ АРАБСКИЙ
- АНГЛИЙСКИЙ ДАСТ НАМ НАИЛУЧШУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТУПИТЬ В РАЗВИТЫЙ МИР
- ВЫ ВЕРИТЕ, ЧТО ОНИ БЫ ПРИНОСИЛИ ЖЕРТВЫ РАДИ ВАС?
- ГОРОД ДОЛЖЕН БЫТЬ УДОБНЫМ И ПРИЯТНЫМ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ
- РАБОТОДАТЕЛЯМ РЕШАТЬ, КОГО ОСТАВИТЬ, А С КЕМ РАСПРОЩАТЬСЯ
- ЧТО ИНОСТРАНЦЫ СТИМУЛИРУЮТ СИНГАПУРЦЕВ
- ЕСЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НЕТ, ПРОИСХОДИТ СТАГНАЦИЯ И УПАДОК
- ЕСЛИ ВЫ УЕДЕТЕ, НЕ ПРОЙДЯ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ, ВАС НЕ ВПУСТЯТ ОБРАТНО
- МЫ ПРИНЯЛИ РЯД РАДИКАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И «СМЕШАЛИ» ЛЮДЕЙ
- ЭМИГРАЦИЯ - ЭТО ОБЩЕМИРОВАЯ ПРОБЛЕМА
- МЫ ЖИВЕМ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. СТАРЫЕ ШАБЛОНЫ БОЛЬШЕ НЕ ДЕЙСТВУЮТ
- ЕДИНАЯ РАСА, ЕДИНАЯ КУЛЬТУРА, ЕДИНАЯ РЕЛИГИЯ, ЕДИНЫЙ НАРОД
- СИНГАПУР - ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ. ЭТО ПОЧТИ ЧУДО
- ЛИБО ВЫ СОСУЩЕСТВУЕТЕ, ЛИБО ВЫ УНИЧТОЖАЕТЕ ДРУГ ДРУГА
- Я БЕЗ КОЛЕБАНИЙ СКАЗАЛ БЫ: «ТЫ СОШЛА С УМА»
- ТОРГОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ - ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ
- НА КАРТУ ПОСТАВЛЕНЫ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ СИЛЫ
- НАС НЕ ЛЮБЯТ НАШИ СОСЕДИ
- ВАШИ ДОРОГИ ИЗНОШЕНЫ, КРУГОМ РЫТВИНЫ, КОРОВЫ, ВЕЛОРИКШИ, УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ, СКВАТТЕРЫ
- ЛОГИКА ОБЪЕДИНЕННЫХ РЫНКОВ НЕОПРОВЕРЖИМА
- РАДИ ЧЕГО АМЕРИКАНЦЫ ДОЛЖНЫ ВОЕВАТЬ С КИТАЕМ?

- ---
- БУДЕТ ЛИ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ ИСПОЛЬЗОВАНО НА ДЕЛЕ?
- ЕВРОПА - ЭТО 27 РАЗНЫХ СТРАН. ТОЧКА.
- ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ИРАКА, ИРАН СТАЛ СИЛЬНЕЕ
- «О БОЖЕ, ТЕПЕРЬ МЫ НАДОЛГО ЗАСТЯНЕМ В АФГАНИСТАНЕ»
- ВЫ ДОЛЖНЫ ЗАПЛАТИТЬ ЭТУ ЦЕНУ. ВПЕРЕД!
- ЭТО МЕЧТА КИТАЙЦА-ЭМИГРАНТА: Я ДОБЬЮСЬ УСПЕХА И ПОМОГУ СВОЕМУ РОДУ
- «Я ИЗ СИНГАПУРА, Я НЕ ВАША ПОДЧИНЕННАЯ, МОИ УСЛОВИЯ ТАКОВЫ»
- ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ЕСЛИ ВЫ КИТАЕЦ, ТО ВОЛЬЕТЕСЬ В ИХ ОБЩЕСТВО, НО ЭТО НЕ ТАК
- ВЕСЬ ОСТРОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИСТЫМ И ЗЕЛЕНЫМ
 - ---
 - ОАЗИС «ПЕРВОГО МИРА»
 - МЫ ДОЛЖНЫ ГОТОВИТЬСЯ К РАЗНЫМ СЦЕНАРИЯМ
 - МЫ НЕ МОЖЕМ ИЗМЕНИТЬ СВОЙ КЛИМАТ
 - ЭЛЕКТРОМОБИЛИ ХОРОШИ ПО ПАРАМЕТРАМ УСКОРЕНИЯ И СКОРОСТИ
 - ВЫСОКАЯ ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИНЕСЕТ С СОБОЙ ДИСКОМФОРТ
 - ЭТО БУДЕТ ПАНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА
 - ОНИ БУДУТ ШЕВЕЛИТЬСЯ, ТОЛЬКО ЕСЛИ НА КАРТУ ПОСТАВЛЕНО ИХ БЛАГОПОЛУЧИЕ
 - КАКОВ УГЛЕРОДНЫЙ СЛЕД ГОСПОДИНА МИНИСТРА-НАСТАВНИКА?
- НЕ МЫ РЕШАЕМ СВОЮ СУДЬБУ. ЭТО ТЯЖЕЛО, НО ТАКОВА ЖИЗНЬ
 - ---
 - ЖИЗНЬ ПОДРАЗУМЕВАЕТ ПОСТОЯННОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ
 - СЕЙЧАС Я НА ПОЛПУТИ МЕЖДУ ВОЗРАСТОМ МОЕЙ МАТЕРИ И ОТЦА
 - Я ВСЕГО ЛИШЬ КРОШЕЧНАЯ КРУПИНКА
 - ОН ОСОЗНАЛ, ЧТО СИНГАПУР МОЖЕТ ВСТАТЬ С НОГ НА ГОЛОВУ
 - ПУСТЬ ОНИ ЗАНИМАЮТСЯ ТЕМ, К ЧЕМУ У НИХ ЕСТЬ СПОСОБНОСТИ

- МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ У РУЛЯ СТОЯЛИ ЛУЧШИЕ
 - ТЕПЕРЬ ЭТО МЕСТО НАВОДНЕНО ТУРИСТАМИ И ПРИХОДИТ В УПАДОК
 - МНЕ НЕ НУЖНЫ БЫЛИ РОЗГИ, И У МЕНЯ ИХ НИКОГДА НЕ БЫЛО
 - ДУМАЮ, ЧТО СЫНУ ДОСТАЛАСЬ НАИЛУЧШАЯ КОМБИНАЦИЯ НАШИХ ДНК
 - «ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ УЙТИ В КИНО?»
 - Я ДРУЖУ С НИМИ НЕ РАДИ ВЫГОДЫ
 - ---
 - НО УЗНАЛИ МЫ ДРУГ ДРУГА БЛАГОДАРЯ ПОЛИТИКЕ
 - ВЕСЬ ЕГО МИР РУХНУЛ ТОГДА. НЕБО УПАЛО НА ЗЕМЛЮ...
 - ОНА ЗНАЛА МОИ СТРАННОСТИ, А Я ЗНАЛ ЕЕ ПРИЧУДЫ
 - Я УШЕЛ С ДОРОГИ, ЧТОБЫ НЕ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОДВИЖЕНИЕ СЫНА
 - ЕСЛИ У МЕНЯ ЕСТЬ ВАЖНОЕ ДЕЛО, Я ПРИЕЗЖАЮ К НЕМУ, А НЕ ОН КО МНЕ
 - В ТОТ ИЛИ ИНОЙ МОМЕНТ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА ПЕРЕХОДИТЬ В ДРУГИЕ РУКИ
 - МОЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ - ЭТО МОЕ ДЕЛО
 - БЫЛО ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО КНОПОК, И ТОЛЬКО Я ЗНАЛ, НА КАКИЕ НАЖИМАТЬ
 - СТАЛО БОЛЬШЕ ОДИНОЧЕСТВА
-

**ИНТЕРВЬЮ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ БОЛЕЕ
32 ЧАСОВ**

На цветущей земле президентской резиденции Истана стоит пустое здание с арками и широкими верандами, которые зрительно увеличивают его размеры. Дворцом его не назовешь, но оно стоит на участке, с которым не сравнится особняк ни одного сингапурского миллионера. Это Шри Темасек - официальная резиденция премьер-министра. И все же ни один из трех премьер-министров Сингапура никогда не называл его домом.

Ли Куан Ю хотел переехать туда, когда стал первым премьер-министром страны в 1959 году. Тогда его детям было семь, четыре и два года. "В доме было полно слуг, - вспоминает он. - Если мячик скатывался по горке в канаву, то дворецкий бежал поднимать его. Поэтому моя жена решила: "Пусть дети сами бегают за мячиком. Давай не будем переезжать сюда. Иначе у детей сложится неверное представление о жизни". Было бы слишком просто играть в мячик и знать, что кто-то сбегает за ним".

Семья осталась в своем доме на Оксли Роуд. Однако они часто бывали в Истане, занимаясь в послеобеденное время учебой или плаванием, тогда как Ли играл в гольф на девственном поле с девятью лунками. Семья переехала в Шри Темасек лишь на несколько недель в 1965 году в целях безопасности - после отделения Сингапура от Малайзии. В остальное время дети росли в своем собственном доме.

Комплекс Истана был построен в 1869 году как резиденция губернатора. Теперь там расположены офисы президента, премьер-министра и Кабинета. Там исполняются государственные функции, а

безупречные сады - излюбленное место для прогулок сингапурцев во время государственных праздников, когда сады открыты для свободного посещения. Там же проходили интервью и с Ли Куан Ю: длительностью более 32 часов в течение всего 2009 года. Цель этих интервью - лучше понять человека, который оставил более значительный след в истории Сингапура, чем кто-либо.

ЗДЕСЬ НЕТ СЛУГ, КОТОРЫЕ БЫ ПРИНОСИЛИ ЗА ВАС МЯЧИ

Во время этих встреч, начинавшихся во время заката и продолжавшихся далеко за полночь, Ли затрагивал невероятно широкий круг различных тем, как и подобает лидеру, который в течение 50 лет считал своей обязанностью думать обо всем - от вопросов макроэкономической конкурентоспособности до вопросов общественных устоев, брака и рождаемости. Он также раскрывал ранее неизвестные стороны своей личности. В воспоминаниях перед нами представал любящий муж, стремящийся своей нежностью отплатить жене за долгие годы ее преданности. Временами он становился старомодным дедушкой, сбитым с толку амбициями и юношескими страхами своих семерых внуков. В следующий момент он представлял верным другом, находящим слова поддержки своим уже не со всем здоровым товарищам, которых он знал целую вечность. Ли мог быть и твердолобым реалистом в вопросах геополитики, и проницательным государственным деятелем, разбирающимся в подоплеке мировой истории и политики. И тут же становился решительным аналитиком общественных процессов, высказывая нелицеприятные взгляды на вопросы о нации и интеллектуальных способностях, способные испугать добропорядочных граждан.

И все же, как бы ни начинались эти разговоры, они неизменно возвращались к основной идее 86-летнего патриарха, живущего в стабильной и успешной стране: как объяснить сингапурцам, что благополучная жизнь не является для них данностью и что в реальном мире национальных государств нет слуг, которые бы приносили за них мячи. «Если ты не принесешь свой мяч, ты потеряешь его», - говорит он. На примере игр своих детей в Шри Темасек он говорит о своих опасениях за Сингапур.

80-ЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ, СТОЯЩЕЕ НА БОЛОТИСТОЙ ПОЧВЕ

Наши вопросы затрагивали широкий спектр тем: от его мнения о преемниках до постоянных обвинений в диктаторстве. Он, не задумываясь, отвечал на все. Однако было очевидно, что он согласился участвовать в этой беспрецедентной серии интервью, чтобы укрепить в сингапурцах инстинкт выживания, который, как он опасался, может быть утрачен именно из-за успеха его деятельности. Сингапур стал страной «первого мира», но всегда остается уязвимым, по его словам, это «80-этажное здание, стоящее на болотистой почве». Несомненно, это тема, которую он беспрестанно затрагивал и ранее, но в 2009 году в нем, казалось, усилилось чувство решимости предостеречь сингапурцев о необходимости осознать исключительную уязвимость своей страны.

Хотя в то время Сингапур испытывал спад, причина озабоченности Ли заключалась не в мировом финансовом кризисе. Действительно, в тот год по оценке ежегодного рейтинга конкурентоспособности стран мира Сингапур был на втором месте из 57 стран по готовности противостоять экономическим потрясениям во время кризиса, уступая лишь Дании. У правительства имелись ресурсы для смягчения удара: Сингапур представляет собой пример чудесного развития. Имея ВВП в 36 537 долларов США на душу населения, он был и остается одной из десяти богатейших стран мира по показателю покупательной способности населения. Почти 90% его жителей живут в собственных домах, причем почти три четверти населения живет в собственных домах или общественных квартирах в четыре и более комнаты. Два его фонда национального благосостояния занимают седьмое и одиннадцатое место в мире. Эта бурно развивающаяся страна привлекает рекордное число иммигрантов из таких разных стран, что в некоторых школах учатся дети 30 национальностей.

Нет, настойчиво возвращаясь к идее об уязвимости Сингапура, Ли не беспокоился о таких непостоянных вопросах, как биржи или ежеквартальные темпы роста. Книга создавалась до банкротства компании «Леман Бразерс» и до того момента, как правительство Сингапура осознало, что страна не избежит его пагубного влияния.

Обсуждая книгу с редактором газеты "Стрэйтс Таймс" Хан Фук Квангом в августе 2008 года, Ли сказал, что хотел бы "сконцентрировать

умы сингапурцев на мысли о том, как нам достичь качественного руководства и высоких стандартов управления, которые были бы основой роста и преобразований в Сингапуре". В прозаичной манере он заявил, что не знает, сколько лет ему осталось. Когда Хан предложил концепцию книги, Ли с готовностью согласился. Спустя всего неделю он начал подгонять Хана: "Не дайте траве вырасти у вас под ногами". Требовалось немедленно "сконцентрировать умы".

«НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ» В РЕГИОНЕ

Помимо значимости руководства высокого качества, важнейшим положением для Ли является такое понятие, как «уязвимость». Это неизбежное, постоянное условие существования Сингапура как независимой республики. Существование многонационального населения Сингапура, которое борется за право пользования ресурсами страны, названной бывшим президентом Индонезии Б. Дж. Хабиби маленькой красной точкой на карте, приводит к мысли о том, что общественное спокойствие нельзя принимать как должное. Ближайшие соседи также завидовали успеху страны и в периоды даже самых теплых отношений воспринимали Сингапур как младшего брата, которого нужно ставить на место. Ли выразился еще определеннее - крошечный, но упорный Сингапур воспринимался как «незванный гость» в регионе.

Зависимость Сингапура от Малайзии в отношении водных ресурсов десятилетиями была осязаемым символом уязвимости острова. Создание проекта рециркуляции воды «НЬЮУотер» стало поворотным моментом, который Ли с удовлетворением отмечал в наших беседах. В своих интервью для прессы инженер Гарри Си, занимавшийся проектом «НЬЮУотер», так выразил его значение: «Мы знали, что с его помощью станем свободными».

Эта свобода была подкреплена крупными инвестициями в оборону и безопасность, как подчеркнул Ли. И все же, периодически возникали симптомы уязвимости Сингапура. Потребность в песке для строительства и для реализации программы мелиорации земель стали еще одной ахиллесовой пятой, которую могли использовать соседи. Крошечные размеры страны также ограничивали воздушное пространство, а соседи не хотели разрешать воздушным силам Сингапура использовать некоторые воздушные зоны.

Как говорил Ли, Сингапур - не Новая Зеландия. Он вспоминал, как Новая Зеландия сократила свои воздушные силы до 50-ти с небольшим самолетов, использовавшихся, в основном, для патрулирования морского пространства и транспортировки вследствие сокращения расходов и стратегических преобразований. Теперь у нее нет вооруженных воздушных сил. Тогда как ВВС Республики Сингапур насчитывают более 400 самолетов для защиты 710 кв. км территории. Новозеландские политики объяснили ему, что тот, кто имеет притязания в отношении их страны,

должен будет пересечь море, а значит, сначала бросить вызов Австралии. «Они самоустранились», - так прокомментировал Ли позицию Новой Зеландии использовать географическую изоляцию как оборонительное преимущество.

ЕСЛИ МЫ НЕ БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ, ТО МЫ - ГЛУПЦЫ

Географическое положение Сингапура не дает такой возможности. Стратегическое местоположение помогло ему стать одним из самых оживленных в мире портов и превратило в коммерческий узел региона, но обернулось также и тяжелым бременем. «Мы живем в Сингапуре - в очень беспокойном регионе, - напоминает Ли. - В случае, если наше правительство и население не будет отличать себя от соседей, Сингапур перестанет существовать». Он вспоминает свои слова, сказанные в 1988 году австралийцам после визита в Новую Зеландию: «Я мог бы вернуться сюда через 100 лет и уверен, что по-прежнему увижу эту страну, зеленую траву, овец и коров, пшеницу и фруктовые деревья... Когда я думаю о Сингапуре через 100 лет, я не уверен, что он будет существовать».

Когда один из нас пожаловался, что такой взгляд кажется довольно мрачным, Ли помолчал, осознавая, что он должен дать и надежду. «Да, мы живем в центре беспокойного региона, но это также и центр самого быстроразвивающегося в мире региона, наряду с Индией и Китаем, и если мы не будем развиваться, то мы - глупцы», - сказал он с уверенностью.

Многонациональный состав Сингапура - еще один повод для беспокойства. Китайцы составляют 74% его населения, малайцы -13%, остальные - индийцы и представители других национальностей, в связи с чем поддержание общественной гармонии всегда было заботой правительства. В последние годы задача усложнилась прибытием новых волн иммигрантов из Китая, Индии и других стран. Когда в 2001 году была раскрыта деятельность исламской террористической группировки, это стало еще одним напоминанием о необходимости поддерживать и сохранять межэтнический мир. В целом по вопросу отношения сингапурцев к межрасовой интеграции во взглядах Ли меньше оптимизма, чем в последних исследованиях на эту тему. В одном из интервью он вспомнил, как участвовал во встрече с избирателями, на которой прошли выступления различных национальных коллективов. Ему показалось, что это надуманное мероприятие, цель которого - скорее показать идеальную, а не реальную ситуацию. Он сказал, что это был «идеал, которого мы, возможно, никогда не достигнем, но имея целью такой идеал, мы будем к нему стремиться». Ли скептически отнесся к опросам, показавшим, что сингапурцы не против видеть премьер-министром некайца. «Полная

чушь», - выразился он в отношении опроса по проблемам рас и религий, проведенного институтом международных исследований им. С. Раджаратнама в 2007 году, согласно которому очень много опрошенных китайцев заявили, что могли бы принять индийца или малайца в качестве премьер-министра. «Неужели вы верите этим опросам? Они подтверждают лишь то, что является политически корректным».

Все вместе - размеры, географическое положение и многонациональный, многоконфессиональный состав Сингапура требуют особого подхода к управлению страной. «Меня беспокоит, что сингапурцы воспринимают Сингапур как нормальную страну, сравнимую с Данией, Новой Зеландией или даже Лихтенштейном и Люксембургом», - неоднократно повторял он. - Сингапур не может себе позволить такой роскоши, как самоуспокоенность или масштабные эксперименты. Если мы будем пренебрежительно относиться к этим обстоятельствам, все усилия будут напрасны».

Дания или Швеция могут обойтись и посредственным правительством, но для Сингапура это означает постепенный упадок. Важный момент для Ли - наличие исключительного таланта у лица, наделенного властью. Если ключевые институты власти и правительство не будут возглавляться цельными и способными натурами, то все - впустую. «Если наверху находятся более слабые люди, то вся система медленно рушится. Это неизбежно».

СНИЗИТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ

Возможно, такая озабоченность уязвимостью страны была просто способом оправдать монополию Партии народного действия (ПНД) на власть и отсутствие политической конкуренции? Ли с негодованием отверг такое предположение. Если бы другие могли предложить, лучшую альтернативу ПНД, то они легко могли бы получить власть.

Ли не проявляет интереса к будущему ПНД. Его интересует будущее страны и ее консолидация любым способом. «Меня не интересует, будет ли это ПНД или любое другое правительство. Это пройденный для меня этап, - заявляет он. - Если появится серьезный человек и сформирует подобную нам альтернативную партию, я буду «за». Это будет подходящая альтернатива».

В течение многих лет безопасность Сингапура была предметом научных исследований. Динамика отношений Сингапура и Малайзии - это больше, чем вопрос соседских отношений; она влияла на внутреннюю политику обеих стран, потому что каждая из этих стран при своем самоопределении ощущала присутствие другой. Сингапур добился независимости после того, как 9 августа 1965 года закончился болезненный, длившийся 23 месяца, период его нахождения в составе Малайзии. Этот период был полон расовой напряженности. Сингапурский политолог Билвер Сингх сравнил отношения между Сингапуром и Малайзией с «синдромом Холокоста» или ситуацией «врагу ворот». Британский ученый Майкл Лейфер заметил, что эмоциональный багаж поколения руководителей-основателей единого государства обеих стран стал, возможно, «политической мифологией» и что «уход тех, кто был наиболее тесно связан с событиями 1965 года и их последствиями, может помочь снизить эмоциональный компонент в двусторонних отношениях».

Предположение, что проблема уязвимости страны является преувеличенной, явно рассердило Ли. «Потраченные два года жизни каждого молодого человека, от 5 до 6 процентов ВВП и бережливость правительства, которое создает резервы? И все это мы делаем из-за галлюцинаций? - воскликнул он, говоря о жестких действиях правительства в отношении службы в армии, расходов на оборону и финансовой политики. - Так что, когда вы говорите, что мы неуязвимы, я могу только сказать: «О, господа!».

Озабоченность Ли уязвимостью Сингапура в этих интервью объясняется, как минимум, тем, что он чувствовал, что все еще обязан ждать сингапурцев, особенно молодых, в этой непреложной истине. Многие можно предусмотреть и наделить силой закона, но некоторые инстинкты трудно передать другому поколению с совершенно другим жизненным опытом. Время уходило. В 86 лет он ясно осознавал, что смертен. Его ближайшие коллеги и доверенные лица из поколения старой гвардии уже умерли, а он еще оставался в добром здравии и обладал всеми возможностями. К 2010 году его ближний круг давно уже исчез. Он был почти в полном одиночестве.

2 октября 2010 года умерла его жена - самый близкий человек на протяжении более чем 60 лет. Ее болезнь началась гораздо раньше - в 2003 году, когда она перенесла инсульт во время визита в Лондон. Она поправилась и продолжала появляться с мужем на людях, как в своей стране, так и за рубежом, но затем она снова перенесла несколько инсультов. В 2008 году она оказалась прикована к постели и с трудом могла говорить. В интервью Ли рассказывал, что по вечерам читал ей последние новости и ее любимые стихи. Он упоминал, как ее болезнь изменила его жизнь: например, он вынужден был вникать в детали домашнего хозяйства, выдавать прислуге зарплату и есть в одиночестве. Хотя он не особенно показывал свои чувства, рассказывая о деталях личной жизни, он, без сомнения, чувствовал утрату и близость конца долгой и насыщенной жизни.

«Я ОБЛАДАЮ БАЗОЙ ДАННЫХ, КОТОРУЮ НЕ СКОРО НАКОПИТ КАКОЙ-НИБУДЬ МОЛОДОЙ МИНИСТР»

В 2006 году он сказал о накопленных им знаниях: «Я обладаю базой данных, которую не скоро накопит какой-нибудь молодой министр. Если бы я мог, подобно компьютеру, записать ее на какой-нибудь носитель и передать в распоряжение других, тогда я сказал бы: «Ладно, я закончил». Если даже его коллеги по кабинету не могут мгновенно воспользоваться его опытом, что же говорить о молодых сингапурцах, не являющихся членами правительства, сингапурцах, для которых прошлая борьба - всего лишь факты из учебников?

Работая над этой книгой, наши младшие коллеги опросили 150 молодых людей и выяснили, что многие считают Ли легендарной фигурой из прошлой эры. Отдаленный и беспристрастный, внушающий страх и почтение одновременно - такими словами его описывали молодые люди. Они слышали о нем рассказы своих родителей, но не воспринимали и не стремились узнать его как части своей жизни. В своих интервью Ли признавал огромные различия между разными поколениями сингапурцев. Опыт его поколения нельзя повторить. Они осознавали особые условия существования Сингапура. Их должны осознать и молодые сингапурцы. Это понимание заставит их упорно трудиться и быть готовыми служить стране. Понимание ограниченности альтернативных решений для своей страны должно также развивать осмотрительность при выборе альтернативных западных моделей развития общества.

В некоторых интервью Ли размышлял вслух о том, что не поможет ли новый кризис - нынешний финансовый спад - восстановить то чувство реальности в отношении уникальных условий Сингапура. Но он тут же признавал, что правительство должно было предпринимать и действительно предпринимало меры по смягчению последствий кризиса. Был реализован правительственный проект «Уловка-22». Он должен был служить интересам Сингапура и был реализован настолько успешно, что граждане стали принимать как должное его особые условия, которые позволили правительству эффективно функционировать. Ли был твердо намерен исполнить свою роль, использовать свой моральный авторитет и убедить сингапурцев, что выбор возможностей для его страны будет всегда

ограничен ее уникальными особенностями.

ОН НИ РАЗУ НЕ ПОЖАЛОВАЛСЯ НА СЛАБОСТЬ ИЛИ УСТАЛОСТЬ

Ли - не самый простой собеседник. Временами он резок, иногда придирчив и агрессивен. Хотя он и согласился на интервью «без ограничений», но не скрывал своего раздражения, когда чувствовал, что в вопросе содержится видение будущего, к которому он относится нетерпимо. В таких случаях журналисты начинали казаться ему приспешниками его идеологических противников, и он отвечал им соответственно. Однако в других случаях он, казалось, получал удовольствие от происходящего, иногда предваряя долгую беседу вопросом: «Я не рассказывал вам эту историю?», серией заранее подготовленных анекдотов или афоризмом.

Заметны были также черты человека, преодолевающего трудности своего возраста. Однажды он пришел в стоптанных сандалиях. У него была какая-то инфекция на пальцах ног. После поездки в Малайзию, где он упал с велотренажера в отеле города Куантан, он приходил с импровизированным лечебным аппаратом: грелкой, привязанной к ноге скакалкой яркого цвета. Когда он начал заниматься на другом тренажере, у него занемела спина, и грелка переместилась на нее. Несколько раз он пил белое вино с содовой, чтобы смочить пересохшее горло. Однажды во время поездки в Армению он получил воспаление легких, потому что ему было трудно глотать, и пища попала в дыхательные пути.

Однако он ни разу не пожаловался на слабость или усталость. Интервьюеры слышали от него не только множество воспоминаний, но и последние новости Азии и всего мира. Он, несомненно, не отставал от новостей: будь то амбициозное заявление Китая о создании «зеленой» энергии или выборы в Японии. Ли не вдавался в специфические детали внутренней политики, но был более чем знаком с ее общим направлением. Он находился в курсе последних мировых событий. Каждый день он читал газеты, а радио в кабинете было всегда настроено на волну всемирной службы новостей Би-Би-Си.

В последнем интервью мы спросили, кем из лидеров он более всего восхищается. В прошлых речах и мемуарах он упоминал Дэн Сяопина. В этот раз он назвал также Шарля де Голля, президента французской Пятой республики, и Уинстона Черчилля, британского премьер-министра во время Второй мировой войны. Он процитировал знаменитую речь Черчилля «Мы

будем драться на пляжах». Он вспомнил, как де Голль использовал малейшую возможность, чтобы объединить своих людей в ситуациях, близких к поражению. Когда он рассказывал об этом, глаза его сверкали, руки сжимались, а голос клокотал в горле. В такие моменты в нем была та же яростная решимость, что и в молодом руководителе в 1950-е и 1960-е годы, когда он объединял людей. Нельзя забывать, что Ли был прирожденным бойцом. Также в такие моменты можно было представить масштаб поля битвы, на котором он представлял себя. Банальные заботы о комфортном существовании в благополучной стране - это не для него. Он был лидером, который предвидел события задолго до того, как они произойдут. Если вопросы жизни и смерти, опасности и спасения, успеха и поражения, то только людей и государства. В данный момент Сингапур не испытывает грандиозных изменений. Сохранит ли он бойцовский дух, присущий его отцу-основателю, до тех пор, когда он пригодится? На этот вопрос смогут ответить лишь молодые.

**ДАНИЯ ИЛИ ШВЕЦИЯ ОБОЙДУТСЯ И
ПОСРЕДСТВЕННЫМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, А СИНГАПУР -
НЕТ**

«Если мы неуязвимы, зачем мы год за годом тратим от 5 до 6 процентов ВВП на оборону? Разве мы сумасшедшие?»

- Некоторые комментаторы говорят, что вы создали Сингапур в своем воображении, включая «постоянное существование под страхом катастрофы». Почему Вы так беспокоитесь, что все это рухнет?

- Меня беспокоит, что сингапурцы считают Сингапур нормальной страной, такой, как Дания или Новая Зеландия, или даже Лихтенштейн или Люксембург. Мы находимся в очень беспокойном регионе. Если у нас будет правительство и народ, которые не могут определить свое отличие от соседних стран и хорошем смысле, и если они не могут защитить себя, то Сингапур перестанет существовать. Это мнение не только моего поколения, но и тех, кто ныне пришел в министерство обороны, министерство иностранных дел и тех, кто изучал этот вопрос. Будь то хирург Нг Энг Хен, или ученый и юрист по образованию Раймонд Лим, или глазной хирург Вивиан Балакришнан - все они понимают обстоятельства, которые ограничивают нас. Если мы проигнорируем эти обстоятельства, наши усилия и будут напрасны.

У нас нет соседей, которые желали бы нашего процветания. Когда мы процветали, они долгие годы верили, что мы живем за счет их ресурсов. Лишь когда они поняли, что дело в нашей политике привлечения зарубежных инвестиций, они начали поступать так же. Мы были первопроходцами в нашем регионе, потому что мы продолжали существовать так долго, и я верю, что будем существовать еще 50-100 лет с учетом международного положения и при условии сохранения сильной системы, позволяющей нам максимально реализовывать свои возможности.

- Что вы понимаете под «сильной системой»? Предполагает ли это нахождение ПНД (Партии народного действия) у власти?

- Будет ли это ПНД или любое другое правительство - меня не интересует. Это пройденный для меня этап. Я здесь не для того, чтобы оправдывать ПНД или нынешнее правительство. Я хочу просто пояснить, насколько важен вопрос лидерства и народа, а также этических и философских убеждений правительства и народа.

- Не многие люди понимают, что мы не являемся обычной страной.

- Дания или Швеция обойдутся и посредственным правительством, а Сингапур - нет. Государственная служба придет в упадок. Если в самом сердце страны упадет качество, то во всех подчиненных организациях оно тоже упадет. Вы уже никого не вдохновите. Потому что ни один человек не сможет верно оценить того, кто превосходит его. Поэтому мы никогда не спрашиваем суждения того, кто ниже нас. Слишком редко человек, низший по рангу, способен сказать о более высоком по рангу: «Он лучше меня». Если наверху находятся более слабые люди, то вся система медленно рушится. Это неизбежно.

- **Действительно ли мы так уязвимы, как вы предполагаете? Критики могут возразить, что вы намеренно представляете положение дел таким мрачным с тем, чтобы многое из того, что применяется в других, даже маленьких, странах, казалось здесь невозможным, например, политическая конкуренция.**

- Нет, мы не мешаем конкуренции. Мы просто не даем возможности очковтирателям попасть в парламент и правительство. Мы рады любому достойному человеку, но нам не нужны очковтиратели. Нам не нужны Чи Сун Хуан или Дж. Б. Джейаретнам. Они не будут строить страну. Но если появится серьезный человек и сформирует подобную нам альтернативную партию, я скажу: «Хорошо». Тогда у нас будет подходящая альтернатива. Но посмотрите на кандидатов, которых они выдвигают.

Уязвимы ли мы? Если мы неуязвимы, зачем мы год за годом тратим от 3 до 6 процентов ВВП на оборону? Разве мы сумасшедшие? Вы знаете, что наше правительство достаточно бережливо.

Мы прорыли глубокие каналы для сточных вод за 3,65 миллиардов долларов США, чтобы использовать эти воды для проекта «НЬЮУотер» и стать независимыми.

Мы неуязвимы? Нас могут взять в осаду. Мы погибнем. Наши морские пути будут отрезаны, и бизнес остановится. Каков наш ответ? Совет Безопасности плюс наши собственные возможности обороны плюс Соглашение о безопасности с американцами.

Они прекратили поставки песка. Зачем? Чтобы ущемить нас. Как говорит Махатхир, «даже при своих нынешних размерах они представляют собой проблему; позволь им вырасти, и они превратятся в еще большую проблему». У нас дружественные соседи? Пора повзрослеть.

Зачем нам назначать сильного министра обороны, если тот не имеет значения? Это самый сильный министр в кабинете после премьер-министра, самый жесткий и способный. На этот пост мы всегда ставили сильного человека. Разве мы выставяем напоказ нашу уязвимость? Мы

живем во взрослом мире. Почему мы живем в мире? Потому что слишком накладно нас трогать. Если нас тронут, мы нанесем ответный удар, и нападающий останется в проигрыше.

РАЗМЫШЛЯЛ ТОЛЬКО О ТОМ, КАК ЗАСТАВИТЬ ЭТУ СТРАНУ РАБОТАТЬ

- Но этот тезис о том, что мы необычная страна...

- Простите мне мои слова, но... предположим, что я почти также умен, как Вы, но я прожил более 85 лет, прошел все эти взлеты и падения, и, начиная с 35 лет, размышлял только о том, как заставить эту страну работать, так? Сначала я был убежден и говорил о том, что единственный способ сделать это - объединиться с Малайей, так как иначе мы бы не выжили. Вода, сырье, импорт и большая часть экспорта шли через Малайю. Так было в то время. Мы не могли попасть в Малайю, потому что Тунку не принимал китайцев. Мы поработали над этим вопросом и присоединились к Малайзии. И оказались в ловушке между коммунистическим Сингапуром и Малайзией «для малайцев». Изменилась ли Малайзия? Как она изменилась?

Почему я потерял самообладание, когда мы отделились 9 августа? Потому что там остались десятки тысяч наших соратников, и я знал, что их будут ущемлять как оставшихся в меньшинстве и без руководства. Мы обеспечили руководство. Поэтому, когда Вы говорите, что мы неуязвимы, я говорю: «О, Господи!».

Вы говорите с командованием Вооруженных Сил Сингапура. Для чего они это делают - потраченные два года жизни каждого молодого мужчины, от 5 до 6 процентов ВВП и бережливое правительство, создающее резервы? Или мы делаем так из-за галлюцинации? Или из-за того, что только так мы можем обеспечить себе покой для нормальной жизни и процветания?

Зачем, по-вашему, мы тратили столько усилий на решение проблемы воды, пока не стали специалистами по воде? Махатхир знал, что нам необходим доступ к водам пролива Джохор. И поскольку мы знали, что действие соглашения о водах Те-брау и Скудай закончится в 2011 году, мы знали, что воды у нас не будет. Затем мы открыли проект «НЬЮУотер». Он решил, что мы блефуем. И вы говорите, что мы неуязвимы?

Мы не должны отмахиваться от наших проблем. Они реальны. Мы те, кто мы есть, потому что можем постоять за себя.

Если не сможем, то пропадем. Совет Безопасности принимает резолюции. И что? Кто приходит на помощь Кувейту? США. Почему? Из-за нефти. Почему? Потому что следующей будет Саудовская Аравия. Кто придет к нам на помощь с водой? США? Нет. Мы спасаем себя сами. Либо

средства массовой информации повзрослеют, особенно молодые журналисты, либо мы воспитаем поколение, живущее в воображаемом безопасном мире, которого нет на самом деле.

- Считаете ли вы, что то, как Малайзия строит свои внутренние дела, будет все меньше и меньше зависеть от того, как она оценивает успех Сингапура, тогда как сейчас над ней еще довлеет груз сепаратизма и зависти?

- Вы действительно в это верите? Посмотрите, они хотят перенять статус нашего аэропорта, как центрального. Остров Педра Бранка был передан нам Международным судом ООН, получила Мидл Роке. Они еще должны провести. А я не могу забыть, что сказал мне малайский студент из штата Кедах в Раффлз Колледж в 1941 году. Он сказал: «Вас, китайцев, слишком много». Китайцы были во всех магазинах. А в его родном Кедахе китайцев было мало.

Я думал, когда мы объединимся с Малайзией, логика преодолет этот предрассудок - логика изменившейся демографии. Я ошибся. Тунку совсем не хотел этого. Он был хорошим человеком, у него были друзья-китайцы. Но он и малайцы должны быть выше. Так он видит общественный баланс.

НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ РАБОТАТЬ

- Значит, вы считаете, что такое положение дел не изменится?
Некоторые люди думают, что желание других стран принизить нас со временем станет меньше, когда появится новое поколение лидеров.

- Изменятся ли фундаментальные устои, на которых каждое поколение малайзийских лидеров строит свою страну?

- Вы думаете, они навсегда останутся такими?

- Навсегда - слишком большой срок. Но считаете ли Вы, что в ближайшее время изменится основа, на которой организована Малайзия? Сингапур организован на абсолютно другой основе. Мы являемся многонациональной меритократией, мы нашли баланс между национальностями, социальными и экономическими классами. Можем ли мы измениться?

Все мои родственники из Куала Лумпур эмигрировали в Австралию; они сдались. А мы здесь, в Сингапуре, и планируем здесь остаться навсегда. Пока мы достаточно сильны и соблюдаем международный баланс, мы в безопасности.

Итак, я не утверждаю, что из-за этих фундаментальных различий между нашими обществами и политическими структурами мы не можем работать вместе. Мы можем сотрудничать и сотрудничаем как в двустороннем порядке, так и внутри АСЕАН. Мы договорились обратиться в Международный суд по вопросу острова Педра Бранка и не ввязались в драку. Я подписал несколько соглашений с доктором Махатхиром, которые в силе до сих пор. Почему? Потому что их соблюдение также и в интересах Малайзии.

Так действуют рациональные и прагматичные страны. Не обязательно любить друг друга, чтобы вместе работать. Сближение интересов не стирает эмоции, но может смягчить их. Премьер-министр Наджиб Разак - рациональный руководитель. Он хочет сотрудничать с нами, так как видит выгоду для Малайзии. Но ему приходится иметь дело с эмоциями своего народа, как и политикам во всем мире. Так позволит ли малайский народ развиваться сотрудничеству с Сингапуром? До какой степени они будут поддерживать проекты, которые приносят выгоду Малайзии, будут также способствовать процветанию Сингапура? Каждый лидер Малайзии должен помнить об этих вопросах. Нам не следует этого забывать.

- Но если пропасть между Малайзией и Сингапуром будет расширяться, как это было раньше, и мы станем сильнее, чем они, станет ли эта проблема проще для нас?

- И да, и нет. Да, поскольку тогда им будет труднее ущемить нас. Нет, потому что они станут более обидчивыми. Они и теперь говорят: «Не надо было нам отпускать их». Это написано в малайских газетах. Они то и дело выражают сожаление, что Тунку позволил Сингапуру отделиться. Сингапур был частью и их страны.

Знал ли я об этом, когда мы начинали? В 1952 году, когда я был таким оптимистичным, я считал - да, я займусь политикой, мы обретем независимость, я заработаю денег как юрист и все будет хорошо. Когда я занялся этим, меня схватили коммунисты. Тогда мы переехали в Малайзию, где коммунисты не могли действовать. Там нас захватили малайские экстремисты. Через два года нас выгнали. Нам пришлось налаживать жизнь в независимом Сингапуре.

Если бы я знал, что будет так сложно, я, возможно, никогда не начал бы заниматься политикой. Если вы попросите меня повторить то, что мы сделали с 1959 года до сегодняшнего, я скажу - нет, мы не сможем повторить то, что получилось. Это было сочетание многих факторов: мои отношения с британским лейбористским правительством, которые дали мне необходимый запас времени в 1971 году, затем мои отношения с правительством консерваторов, которые дали время в 1975 году, пока не ушли британские войска. К тому времени стабилизировали отношения с президентом Сухарто. Сухарто понимал, что если мы будем жить и давать жить другим, то Индонезии и Сингапуру станет только лучше. Он решил, что может доверять мне.

Затем я попытался стабилизировать отношения с Разаком. Он умер. Хусейн продержался недолго. Затем Махатхир. Он знал, что не сможет победить меня, потому что ранее мы сталкивались в малазийском парламенте, и я не сдался. Но когда вступил в должность Го Чок Тонг, Махатхир захотел изменить некоторые наши соглашения. Я сказал Го Чок Тонгу, что если он согласится, то его проблемам не будет конца. Что обговорено, то обговорено, и тема закрыта. Махатхир разозлился. Тогда Чок Тонг сказал: «Если вы хотите изменить это и это, мы заключим пакет соглашений». Вы продлеваете соглашение о воде на сто лет, потому что в то время у нас еще не было «НЬЮУотер». Тогда Махатхир поднял цену с 3 сен за 1000 галлонов до 3 ринггит, потому что Гонконг платил Китаю 8 малазийских ринггит за 1000 галлонов...

Технологии развивались, наша группа по водным ресурсам

интенсивно работала над «НЬЮУотер», и вскоре мы стали
самодостаточными в этом вопросе. Махатхир был разочарован. Провалился
его план прижать нас и взвинтить цены.

НЕЛЬЗЯ ИМЕТЬ СИЛЬНУЮ ОБОРОНУ И КРЕПКИЕ ФИНАНСЫ БЕЗ СИЛЬНОГО, ЕДИНОГО, ОБРАЗОВАННОГО И СПЛОЧЕННОГО ОБЩЕСТВА

- Малайзийцы говорили мне, что Сингапур является раздражителем, его политики и журналисты могут то и дело задевать вас, но Малайзии нет смысла воевать с Сингапуром.

- Это хорошо.

- Это должно нас успокоить.

- Только потому, что Сингапур достаточно силен, чтобы защитить себя.

- Нет, смысл в том, что Сингапур неадекватно воспринимает отношение к себе со стороны мира. Они воспринимают нас как мелкую помеху.

- Вот что сказал министр труда Малайзии: «Мы готовимся принять на работу 300 тысяч уволенных малайских рабочих из Сингапура - еще до того, как начнутся увольнения». Но где эти рабочие места? Это говорится просто, чтобы показать: «Мы - большая страна, у нас нет проблем. Мы примем наших людей обратно». Почему у них такое высокомерное отношение?

- Они говорили мне, что это Вы постоянно озабочены Малайзией. Они не обращают столько внимания на Сингапур.

- Да, но мы не говорили ничего такого, что демонстрировало бы нашу озабоченность. Мы держим свои мысли при себе. Они же выступают почти каждый день, особенно в малайской прессе и в некоторых английских газетах.

- Я вырос в убеждении, что экономическое чудо на самом деле очень ненадежно, а главное заключается в политике и наших соседях.

- Это две стороны одного вопроса. Нельзя иметь сильную оборону без наличия крепких финансов. И нельзя иметь сильную оборону и крепкие финансы без сильного, единого, образованного и сплоченного общества. Это части одного целого. Как можно иметь сильную оборону без сильной экономики? Тогда как добиться сильной экономики? Увеличивая человеческие ресурсы. Ваши люди, их уровень образования, организации, воспитания должны отвечать мировым потребностям, что означает развитие инфраструктуры, связей с теми частями света, которые добавляют

ценности нашей жизни.

Также мы обогнали весь регион из-за того, что они хотели задавить нас. Мы пригласили транснациональные компании.

Я был в Америке в 1968 году и увидел, что Европа отстает, а Америка проводит экспансию, перенося свои производства за рубеж. Так мы начинали работу по полупроводникам. После культурной революции в Китае Тайвань и Гонконг стали опасны, поэтому они выбрали Сингапур. Мы смогли предоставить им такие условия, что стали приходить другие, и, в конце концов, мы превратились во всемирный центр производства компьютеров и жестких дисков. Тогда мы перешли к нефтехимии.

Все это помогло нам создать экономику, которую мы сейчас имеем, и которую хотел сокрушить Махатхир. Например, порты: он начал строительство порта Танджунг Пелепас, чтобы нанести нам ущерб. Он хотел остановить железнодорожную ветку. Мы построили железнодорожную ветку, соединяющую порты Джуронг и Танджонг Пагар, чтобы возить железную руду из города Терснгану. После 1992 года эксплуатация этой линии прекратилась и была перенесена в порт города Кланг. Теперь они переходят в Танджунг Пелепас. Его принцип: «Я выиграл, ты проиграл». Так же и индонезийцы. Когда они хотели приватизировать Танджунг Приок - морской порт недалеко от Джакарты, они сказали: только не Сингапур. Они отдали его компании «Хатчисон» из Гонконга. Они расширили остров Батам настолько, что «отгрызли» у нас контейнерный порт, но это не привело к снижению нашей пропускной способности.

Это желание унижить нас оттого, что мы - пришлые люди. Во всем мире полно таких. Белые в Южной Америке, Африке, Австралии, Новой Зеландии, Канаде. История человеческой цивилизации - это история непрерывающегося переселения людей.

Третий фактор - это наш народ. Если бы мы ссорились между собой, могли бы мы развиваться? Почему мы выбрали для себя английский язык? Когда мы стали независимыми, торговая палата Китая - я писал об этом в мемуарах - хотела, чтобы китайский стал нашим основным языком. Они были убеждены, что Китай станет великой страной, и китайский будет важнейшим языком. Я посмотрел на них и сказал: «Если будете еще мне надоедать с подобными вопросами, я приму меры против вас». Я не хочу повторять путь Цейлона, где одним росчерком пера отменили использование английского языка, сделали официальным языком сингалезский, ущемили тамиллов, которые хорошо знали английский. Начались бесконечные проблемы.

Я рассуждал просто. Во-первых, внутренняя стабильность. Все в равном положении: всем нужно учить английский как иностранный язык. Никто не имеет преимущества. Во-вторых, это язык международной торговли. Китайский? Что такое была китайская коммерция в 1960-х? Импорт и экспорт китайских продуктов, лекарств и трав были ничтожными. Тогда английский язык процветал, а американцы пропагандировали его через телевидение, затем и через Интернет по всему миру. Мы стали центром образования. Все остальные страны АСЕАН хотели изучать английский. Это было выгодно для нас. Что подвигло меня? Внутренняя стабильность и мир. Мы ко всем относимся одинаково. Мы судим вас по вашим заслугам. Это равные возможности для всех. Мы не дискриминируем людей по национальности, языку, религии. Если можешь работать, получишь работу.

Я решил так еще и по нашим собственным причинам. Два года назад институт Гэллага проводил анализ причин роста страны. Они пришли к выводу, что причина в талантах. Было отмечено, что в 1980-е экономисты предсказывали, что Япония и Германия обгонят Америку. Этого не произошло. Почему? Америка привлекала таланты со всего мира. Поэтому, станет ли Китай самой сильной страной, зависит от того, сможет ли она привлечь зарубежные таланты и сохранить свои.

Мы должны привлекать и сохранять таланты. Талант не означает только блестящих ученых. Это и звезды футбола, тенниса, певцы, рок-музыканты и т.д. Тогда у нас будет яркая жизнь. Ведь страна развивается, строя один город за один период времени. Город развивается, строя один район за один период времени. Выделяют 4 категории таланта: инноваторы, предприниматели, наставники, супер-наставники. Американцы обогнали всех, потому что у них есть все 4 категории. Они сформировали культуру, которая привлекает талантливых людей.

Вначале я не понимал всего этого. Я учился в Британии, а британцы устроены по-другому. Они не любят изменяться, а придерживаются традиций. Американцы вводят новое. Зачем я учился? Чтобы заставить это общество добиваться результатов, тогда мы будем процветать, будем иметь крепкую оборону и займем свое место в мире. Если вы считаете, что мы подобны Норвегии, Швеции или Дании, то мы не выживем. Сингапур - это 80-этажное здание на болотистой почве. Мы научились ставить сваи и держаться на поверхности, чтобы подняться еще на 20, а может быть, 100 этажей. Но только в том случае, если есть гарантия, что основание - крепкое. Самое главное - межэтническая, межрелигиозная гармония. Без нее, ссорясь друг с другом, мы обречены на гибель.

У НАС НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОСТЯМИ, РЕЛИГИЯМИ, КУЛЬТУРАМИ, ЯЗЫКАМИ

- Вы говорите, что мы не должны ссориться друг с другом. Это основание для того, чтобы подавлять несогласных?

- Нет, нет, у нас не должно быть конфликтов между национальностями, религиями, культурами, языками. Политическое несогласие - это другое. Если у нас будут расовые или религиозные конфликты, мы опустимся до уровня Бейрута. Я не сомневаюсь, что если бы мы не дали малайцам и менее образованным индийцам ощущение того, что они на равных участвуют в нашем обществе - имеют свои квартиры, имеют работу, места в школах для своих детей - то у нас была бы ситуация, как в Бейруте. Начали бы рваться бомбы.

- Может ли уязвимая страна позволить себе политические разногласия?

- Вы говорите, что я должен ослабить хватку и позволить существование оппозиции. Посмотрите вокруг - какая страна Юго-Восточной Азии или Южной Азии построила настолько стабильное государство, что при смене правительства жизнь идет своим чередом. Покажите мне хоть одну.

Моя цель не в том, чтобы возвеличивать ПНД, себя или любого другого руководителя. Моя цель - обеспечить безопасное будущее Сингапуру и все, что сплачивает и повышает стабильность и безопасность Сингапура. Нет, я закончил свою работу. Мне не нужно других достижений для Сингапура.

Что я могу еще сделать? Обобщить свой опыт. Я думаю, это поможет Сингапуру и сингапурцам развиваться в условиях безопасности.

Продлится ли это вечно? Этого я не могу сказать. Можем ли мы отличаться от других стран Юго-Восточной Азии? До сих пор мы отличались. Мы должны определить свою позицию и способствовать тому, чтобы основные силы соблюдали баланс влияния в регионе, чтобы у нас был максимум движения и свободы выбора. Находимся ли мы в такой же безопасности, как Новая Зеландия, и можем ли мы отказаться от воздушных сил? Нет. Хотел бы я, чтобы мы были как Новая Зеландия? На самом деле, нет. Я думаю, такая экономика неинтересна, в ней мало

событий. Да, они выращивают лучшую в мире траву для лошадей, коров и овец. Но это скучная жизнь. Мы находимся в центре самого быстрорастущего региона мира, рядом с Индией и Китаем. Если мы не будем развиваться, значит, мы - глупцы.

- Когда я слушаю ваш рассказ о реальных фактах развития Сингапура, меня удивляет, как мало мы слышим о таких перспективах во всеуслышание. Как Вы думаете, до какой степени вам удалось внушить такое понимание Вашим коллегам?

- Разумеется, они все это понимают.

- А широкая публика?

- Нужно определить, как часто и как много можно напоминать людям о недостаточности нашей мощи и уязвимости. Это может неблагоприятно сказаться на моральном состоянии общества. Это мои опасения. Будут ли они по-прежнему актуальны спустя 20 лет? Я мог бы сказать: «Да нет, мы в безопасности». Через двадцать лет я мог бы повторить то же. Но люди приезжают жить сюда не на 20 лет. Они хотят остаться здесь навсегда, ведь так? И их дети тоже. Если бы я всегда подчеркивал необходимость воевать с соседями, иммигранты из Индии или Китая подумали бы: «Лучше вернуться или уехать в Америку или Австралию подальше от этого беспокойного региона. Лучше всего, в Америку». Даже сингапурцы могли бы так подумать.

- Вы беспокоитесь об этой стране и после своего ухода?

- После моей смерти?

- Я имею в виду все эти подсчеты...

- Эти цифры обсуждались много раз.

- Но они исходят от вас.

- Да, но каждый член кабинета, каждый министр обороны и другие силовые министры прекрасно понимают нашу позицию.

- Но внешняя ситуация изменится. Возникнут новые цели, и придется делать новые оценки. Потребуется нестандартное мышление.

- У них есть способности. Возможно, не собранные в одном человеке. Но и у меня одного их нет. У меня была группа людей, которые рассматривали все грани ситуации, как в кубике Рубика.

- Но их способность к оригинальному мышлению никто не проверял.

- Как Вы можете так говорить? Они с честью выходят из нынешнего кризиса. Они справляются с большим мастерством. Я просто наблюдаю со стороны и вижу, что все правильно. Они принимали решения, а не я. Я ничего не понимаю в выкладках министерства финансов или министерства

торговли и промышленности или Совета по экономическому развитию. Мне приходилось разбираться в этом, когда я был премьер-министром, но теперь я этого не делаю. Я размышляю над проблемами и возможностями, находящимися за пределами видимости.

Я предложил выстроить взаимоотношения с Китаем, Индией, со странами Залива. Россия находится очень далеко, но мы стараемся наладить связи, ведь у них есть нефть. Это будут дополнительные двигатели, которые дадут толчок нашему развитию. Недавно я сказал малайзийцам, что у нас есть разные возможности, поэтому пусть не думают, что у нас нет другого выбора, кроме как инвестировать в Малайзию. Если вы хотите, чтобы сингапурцы инвестировали здесь, то вам нужно иметь стабильный климат, а не прогноз погоды: сегодня - ясно, завтра - дождливо, послезавтра - шторм и снова - ясная погода. Это долгосрочные вложения. Они меня поняли.

У Махатхира, конечно, другой склад ума, но руководители и министры меня поняли. И Махатхир заявил, что район Искандар будет заселен китайцами из Сингапура, которые выселят малайцев! Для сингапурцев это непонятно. Посмотрите на планы управления по городскому переустройству, которые будут реализованы в течение последующих 10 лет. Залив Марина бей, река Сингапур, набережная Коллиер, набережная Боат, Орчард Роуд, трасса Формулы 1, два комплексных курорта. Инвесторы нам полностью доверяют. Они уверены, что здесь стабильно, стабильно правительство, стабильна ситуация с трудовыми и производственными ресурсами. По всем показателям в следующие 20 лет мы можем сделать качественный скачок. Западные СМИ уже не описывают Сингапур как пустынное место. Это интересное место, бурлящий центр коммерции и экономики. Мы должны стать более космополитичными, принимать людей из других регионов, из Китая, Индии, США, Европы, Австралии и Новой Зеландии. Это наша судьба.

**ЗАПАДНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ
ПРЕДПОЧИТАЮТ ДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО
ВСЕ ЛЮДИ РАВНЫ**

- Вы преуспели в построении политической системы в этой стране. Какие цели Вы ставили перед собой?

- Наше развитие - частично историческая случайность, произошедшая в тот момент, когда «Барисан» («Национальный фронт») подал в отставку и оставил парламент в нашем распоряжении. Дальнейшее представляло собой реализацию наших прогнозов относительно того, что лучше для Сингапура, что увеличивает его возможности. Мы начинали с конституции британского образца, и ее нужно было изменить в соответствии с нашими нуждами. Основное, что мы сохранили, это, во-первых, разделение бюрократического аппарата, парламента и политического руководства. Во-вторых, свободные выборы каждые пять лет. Таким образом, если появится еще одна партия, она окажется в уже функционирующей системе. Мы создали такую систему, при которой, если сингапурцы посчитают, что мы не подходим для управления страной, они могут нас переизбрать. Это их выбор. Но нужно ли к этому стремиться? Нет смысла отбрасывать Сингапур назад.

Во время своего правления я постоянно приспосабливался к меняющимся условиям в стране. Я создал «неизбранных» членов парламента. Го Чок Тонг создал «назначаемых» членов парламента. Новые изменения были как идеи предложены Ли Сянь Луном и его молодыми министрами. Это постепенные изменения. Обязанность парламента - вводить изменения так, чтобы они не разрушили систему, не привели бы к краху страны.

- Вы начинали социалистом, но скоро стали реалистом и прагматиком. Что определило Ваши политические взгляды?

- По природе я не тот, кто привязывается к теориям. Теории должны

проистекать из практики. Теорию нужно проверять. Я не считаю, что демократия - это лучшая форма правления для всех стран, и что она распространится по всему миру. Если бы это было так, почему западные страны пытаются ее всем навязать силой?

Если либеральная демократия настолько совершенна, она и так одержит верх над всем миром, как рыночная экономика, которая определенно превосходит плановую экономику и распространяется по всему миру.

Я совершенно убежден, что, независимо от своего происхождения, все должны иметь равные шансы в жизни, в образовании, в здравоохранении, в питании. То есть, возможно, у вас будет меньше мяса и витаминов, чем у более богатого человека, но вы должны иметь достаточно, чтобы не голодать и иметь возможности достичь максимума в жизни. Только так может развиваться общество. Я против такого общества, которое не может так взрастить своих членов, чтобы они могли подняться до самых вершин. Я против феодального общества, в котором рождение определяет ваше место в жизненной иерархии. Например, это кастовая система в Индии. Ваше будущее определено на поколения вперед. Если вы брамин, служите священником в храме, то и ваши дети будут браминами и будут жениться внутри касты. Это разделение труда по кастам. Если вы родились неприкасаемым, вы им останетесь. Это предопределено на всю жизнь.

У китайцев другая система, больше похожая на законы природы. Я успешный, я могущественный, я оставляю потомство. Ты слаб, ты недостаточно хорош, чтобы размножаться. У тебя нет женщин, а у меня гарем. Общий результат тот, что в следующем поколении остается больше генов от умных и энергичных. Китайский император каждые три года проводил конкурс, на котором выбирался лучший ученый - так называемый «Чжон Ен», который женился на дочери императора. Потом этот ученый мог иметь сколько угодно младших жен. Цель императора - чтобы в его семье было больше хороших генов.

Несомненно, что если хочешь получить самые лучшие плоды дуриана, нужно взять черенок для почкования от лучшего образца. Это селекция. Я думаю, то же самое происходит и с человеком. Но это, конечно, отвергают западные либералы. Они предпочитают делать вид, что все люди равны.

Но вы не генетик, и вы не можете изменить гены. Поэтому я говорю людям: «Я не бог. Бог создал вас такими, какие вы есть. Я не могу изменить вас, но могу помочь достичь лучшего». Всем людям нужно дать равные шансы в жизни, но нельзя ожидать равных результатов.

БУДЕТ ЛИ ВАША СОБСТВЕННОСТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ СТОИТЬ В СЛУЧАЕ КОНФЛИКТОВ?

- Разработанная вами политическая система с выборами и системой голосования «один человек - один голос» действует уже 50 лет. Трудно ли было вводить ее в Сингапуре?

- Если бы я не умел убеждать, это бы не сработало. Мне помогли две вещи. Во-первых, у нас был сильный кризис. Мы должны были измениться или погибнуть. Поэтому мы изменили трудовое законодательство, закон о занятости, закон о профсоюзах, схему, в рамках которой могли действовать популисты. Профсоюзы должны были проводить голосование, прежде чем объявлять забастовки, которые ранее объявлялись узким кругом в руководстве профсоюзов, как это делали коммунисты, независимо от того, хотели этого рядовые члены или нет. Он решали, когда бастовать, и если вы не присоединялись, они могли наказать вас. Кризис позволил мне изменить правила игры.

Во-вторых, уже по новым правилам игры я смог убедить людей, что это путь к успеху. Если мы будем действовать так, то у них будут дома, школы, помощь и т.д. И мы преуспели.

- Вряд ли человек с подобным Вам даром убеждения появится в будущем. Станет ли труднее управлять системой?

- Конечно. Но дело не только в умении убеждать. Дело в том, что теперь электорат более разделен на рабочий класс, высший рабочий класс, низший средний класс, средний класс, высший средний класс, предпринимателей и очень богатых людей. Так что их интересы более противоречивы. А раньше ключевым словом было «выживание».

Поэтому я смог изменить законы. Например, я решил, что все прибрежные полосы должны быть окультурены без выплаты компенсаций собственникам, иначе мы не смогли бы их окультурить. Если бы нам пришлось выплачивать компенсации всем владельцам, наше развитие прекратилось бы. Я изменил правила. Я достаточно знал о законах, чтобы понять, что это шанс изменить систему, перестроить Сингапур и дать каждому его долю. Мы занимались социальным и юридическим переустройством. Землевладельцы и не пикнули, потому что либо они идут на это, и их земля постоянно повышается в цене, либо страна погибнет, и их земля обесценится. Он знали это и молились за мой успех.

- Явилось ли отсутствие эффективной оппозиции в Сингапуре в

тот период важным фактором?

- Это упрощало дело, но даже если бы «Барисан» был тогда, каковы были бы его контраргументы? Что я даю преимущество землевладельцам перед бедными? Или наоборот? Конечно, они были бы помехой, так как спорили бы ради самого спора. Мы бы потеряли время на разговоры.

Но когда мы стали более развитыми, нам пришлось изменить закон о приобретении земельной собственности и выплатить полную компенсацию. Получение земель под общественные нужды стало дороже. Поэтому затраты на развитие инфраструктуры и цены на землю Совета по жилищному строительству и развитию (СЖСР) должны взлететь, потому что теперь мы приобретаем собственность по рыночным ценам.

- Это более справедливая система.

- Неужели? Если нет всеобщей стабильности, если у каждого нет крыши над головой и куска хлеба, будет ли ваша собственность чего-нибудь стоить в случае споров и конфликтов, и будут ли у нас новые инвестиции? Если же зарождается средний класс, он поддерживает парламент. Сколько у нас приходится семей несреднего класса на одну семью среднего класса? Думаю, по крайней мере, две. Теперь семья рабочего класса будет вынуждена платить больше, потому что земля стоит больше. Поэтому мы привлекаем новых покупателей, давая им грант на первую квартиру, приобретаемую у СЖСР, в размере до 80 тысяч долларов, чтобы снизить затраты.

- Среди Ваших коллег по Кабинету кто больше всего возражал Вам?

- Го Кен Сви (Goh Ken Swee), Раджа (Raja), То Чин Чай (Toh Chin Chye). Последний возражал против идеологии. Он говорил: «Нам не нужна оплата за лечение в больницах. Посмотрите на Китай, там все равны». Я сказал - чушь. Вы верите, что у крестьянина такой же доступ к лекарствам, что и у людей из политбюро? Но он в это верил. Он так и не изменил свою идеологическую позицию. Он не хотел взглянуть в лицо реальности.

ГЛАВНЫЙ ПЛЮС В ТОМ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО МОЖНО ПОМЕНЯТЬ БЕЗ НАСИЛИЯ

- Что Вы думаете о демократии?

- (Американский политолог) Самюэль Хантингтон говорит, что некоторые культуры плохо воспринимают демократию. Он особо выделял православных христиан, мусульман. Японию он считал исключением. Но я не уверен, что Япония - исключение. У них очень специфическая демократия. Это патриархат, во многом это древняя самурайская традиция. Лидеры фракций у них как главы древних самурайских кланов.

Я не уверен, что они станут, как он утверждает, либеральной демократией по американскому образцу. Мы же построили демократическую систему, которая нас устраивает. При либеральной демократии любой человек после избрания свободен от партийной дисциплины. У нас в Сингапуре это есть, у нас нестабильное правительство. Мы не говорим, что невозможно изменить свою партийную принадлежность. Это возможно. Но тогда освободите свое место и пройдите дополнительные выборы. Это спасет нас от бесконечных перестановок в правительстве. В Малайзии этого нет, и они в тупике. Оппозиция не позволит провести изменения в конституции.

- Вы говорите, что во всем мире принимают рыночную экономику, но не все стремятся к демократии...

- Да, потому что она не обязательно приводит к лучшему управлению, стабильности и процветанию. Возьмите Шри-Ланку. Сингалезские националисты победили «Тамильских тигров». Что бы они ни предложили теперь тамилам, будет неприемлемо. Система «один человек - один голос» ставит меньшинства в невыгодное положение, как могло быть и в Сингапуре. Мы поняли это и предотвратили с помощью конституционных и политических методов. Иначе и у нас была бы ситуация, как с «Тамильскими тиграми». То же случилось и в Синьцзяне.

- Но сейчас в мире как никогда много демократически избранных правительств. Не означает ли это, что у демократии есть свои плюсы?

- Нет. Главный плюс в том, что правительство можно менять без насилия. В Китае главный минус состоял в том, что правительство можно было менять только путем восстания - так называемого «справедливого

бунта». Это означает, что правитель потерял доверие и должен быть свергнут. У нас, если мы больше не устраиваем как руководство, против нас можно проголосовать. Но система будет работать по-прежнему.

Наша обязанность - гарантировать ее работу. А избранный президент должен будет добавить еще один уровень гарантий безопасности, чтобы дать стране шанс на возрождение.

- Как это?

- Новое правительство не сможет произвольно заменить высших руководителей своими приспешниками, не сможет и потратить прежние резервы страны без согласия президента. Им придется править в этих рамках. Если они выиграют вторые выборы с подавляющим преимуществом в две третьих, тогда они смогут изменить правила. Но я не думаю, что это легко осуществить. А если они некомпетентны, они проиграют после первого срока.

Если бы мы не предвидели проигрыш, нам не пришлось бы ставить этот уровень защиты. Я предвижу, что в какой-то момент люди устанут от стабильного правительства и захотят попробовать оппозицию в действии. Когда-нибудь это должно случиться. Не знаю когда. Я не думаю, что это случится в ближайшие пять лет, потому что наше правительство компетентно. Но представьте, что во время этого кризиса у нас было бы некомпетентное правительство, была бы массовая безработица - тогда подобный переворот мог бы произойти.

- Хантингтон также развивал теорию о том, что политическая система может, в свою очередь, влиять на культуру. Считаете ли Вы, что такое влияние возможно?

- Опосредованно. Китайская культура развивалась более 5000 лет. Я не могу представить, чтобы в Китае была система выборов «один человек - один голос». Это невозможно. Что касается нашего общества, оно «трансплантировано». Так что это слегка другая среда, к которой люди готовы приспосабливаться, потому что раз человек покидает свою страну, то он вынужден принимать различные условия своей новой страны.

ЧТО БУДЕТ ДЕРЖАТЬ НАС ВМЕСТЕ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ МИРА, СТАБИЛЬНОСТИ И РОСТА

- Если бы Вы встретились с Хантингтоном, что бы Вы сказали ему по поводу его мнения, что Ваша система умрет вместе с Вами?

- Я бы сказал: «Вы ошибаетесь». Посмотрите, я не у власти с 1990 года. Уже двадцать лет, как мы могли бы пойти по неверному пути. Но этого не случилось - благодаря тщательному подбору кадров в руководстве, в Кабинете, в парламенте, в антикоррупционном ведомстве, в аппарате президента. Мы и дальше будем продолжать в том же духе.

- Значит, Вы согласны с мыслью Хантингтона, что некоторые общества плохо воспринимают демократию?

- Да, он показал, почему мультикультурализм разрушит Америку. Он показал основные требования к демократии. Я цитирую: *«Проблема конфликта или слияния культур - центральная проблема современного американского общества. Являемся ли мы страной с одной или многими культурами? Если мы - страна со многими культурами, то на чем основано наше национальное единство? Исторически Америка была страной с одной преобладающей культурой, заложенной первыми британскими поселенцами, а последовательные волны иммигрантов воспринимали эту культуру, одновременно изменяя ее. Ключевыми элементами этой культуры были: европейское наследие, английский язык, христианство, протестантские ценности. Этнические, региональные, расовые и другие субкультуры существовали внутри этой всеобъемлющей доминирующей культуры, которую разделяли все группы. Теперь, однако, существование и легитимность основной культуры подвергается нападкам сторонников мультикультурализма, включая такие политические фигуры, как президент и вице-президент»* (Он писал это во времена Билла Клинтона и Альберта Гора). Президент Клинтон открыто заявил, что нам нужна великая революция, чтобы доказать, что мы буквально можем жить без доминантной европейской культуры. Вице-президент Гор, несмотря на свое гарвардское образование, неверно перевел наш девиз: *E Pluribus Unum* - «из единого - многие», вместо правильного - «из многих - единое».

Это его интеллектуальная критика. Может быть, он прав, может быть,

нет. Но он верит в это достаточно искренне, чтобы написать.

Хантингтон: «Очевидно, что Америка является мультирасовым и мультиэтническим обществом». Я не знаю, в чем разница между «мультирасовым» и «мультиэтническим». «Если она также станет мультикультурным обществом без общей основной культуры, что тогда будет ее объединять? Стандартный ответ заключается в том, что американцы объединяются в своей преданности политическим принципам, воплощенным в Декларации независимости, Конституции и других документах, и которые часто называют верой в американскую мечту, свободу, предприимчивость. Большинство американцев действительно придерживаются этих принципов. Эти ценности, однако, есть продукт изначальной объединяющей культуры, и если эта культура исчезнет, сможет ли набор абстрактных политических принципов удерживать это общество вместе? Опыт других стран, которые были объединены только политическими принципами, как, например, Советский Союз и Югославия, не обнадеживает. Проблема нас, американцев, состоит в том, чтобы определиться: будем ли мы обновлять и усиливать культуру, которая исторически определила нас как нацию, или эта страна будет разодрана на куски теми, кто намерен разрушить европейскую христианскую протестантскую английскую культуру, которая была источником нашего национального благосостояния, могущества и великих принципов свободы, равенства и демократии, которые сделали нашу страну оплотом надежды для людей всего мира. Эта задача стоит перед нами в начале XXI века».

Он не упоминает испаноязычных американцев, но предостерегает демократов, Альберта Гора и Клинтона: «Вы на ложном пути. Вы должны ассимилировать этих людей в свою культуру, а не позволять мультикультурализм. Они задавят вас числом».

Что же это значит для нас? Будет ли у нас когда-нибудь одна культура? Я так не думаю. Будет ли у нас одна религия? Нет. Будет ли у нас свое пространство, все увеличивающееся, где мы сохраним себя? Думаю, для этого потребуется очень, очень длительное время. Так что же будет держать нас вместе? По моему мнению, экономическая необходимость мира, стабильности и роста. Эта мысль начинает проникать в умы людей.

Если мы начнем ссориться по поводу разных религий, культур, национальностей, все развалится. Поэтому давайте жить и давать жить другим.

В одном из ваших вопросов говорится, что в опросе (проведенном институтом международных исследований им. С. Раджаратнама)

выяснилось, что 90% сингапурцев китайского происхождения заявили, что проголосовали бы за премьер-министра не китайского происхождения. Да, это идеал. Вы верите в эти опросы? Полная чушь. Они говорят лишь то, что политически корректно. В каждом одномандатном избирательном округе мы выставляем ки-тайских кандидатов. Спросите об этом Лоу Тиа Кьяна (Low Thia Khian) (оппозиционный член парламента от одномандатного округа Хуган (Hougang). Что Вы сами думаете об этом в глубине души? Вы знаете, что проиграете, если будет иначе.

- И Вы считаете, что в Сингапуре так будет всегда?

- Не могу сказать, будет ли так всегда, потому что всегда - слишком большой срок. Но могу сказать, что в течение моей жизни, и, возможно, вашей жизни.

- Опрос, о котором Вы упомянули, показывает, что молодое поколение сингапурцев более оптимистично.

- Вы в это верите?

- Разве тот факт, что они дают политически корректные ответы, не внушает Вам надежды, что они стремятся к тому многонациональному идеалу, который Вы сами установили?

- Вы знаете, как и я, что есть определенные сферы, где вы утверждаете что-либо как принцип, но когда приходится делать выбор, это уже другое дело. Это нелегко.

А ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ИЗБИРАТЕЛИ ПОУМНЕЛИ

- Дж. Б. Джейаретнам смог выиграть выборы по одномандатному округу. Люди также упоминают о кандидатах от ПНД, оставшихся в меньшинстве, которым удалось выиграть выборы.

- Не знаю, помните ли вы те времена. Но почему мы переключились? Раньше они голосовали за ПНД независимо от кандидата. Затем через какое-то время избиратели поумнели и решили: «Все равно правительство будет из ПНД, поэтому я предпочитаю кандидата, похожего на меня». Я это чувствовал и знал, что у нас будут проблемы. Я имею в виду, что у нас были проблемы с некоторыми из наших малайских кандидатов. Я не хочу упоминать имена. Нам пришлось в последний момент перекидывать их в другие избирательные округа, потому что они не справлялись с избирателями-китайцами, и мы знали, что за них не проголосуют. Поэтому мы переводили их в другие округа. Потом мы с ними расстались.

Сегодня система работает настолько слаженно, что мы можем ввести подходящих малайцев в политическую систему. Войдут ли они в оппозицию и останутся не у дел? Нет, не думаю. Зачем, если они могут вступить в ПНД? Мы активно ищем таких, потому что мы хотим, чтобы больше достойных малайцев вошли в Кабинет.

- После краха коммунизма и Советского Союза Вы были вовлечены в дебаты вокруг противостояния азиатских ценностей демократическим.

- Ну, они нападали на нас за то, что мы не следуем их рецепту демократии - по образцу либеральной демократии в Америке. Я ответил, что существует много форм демократии. Мы создаем конституционную схему, которая нас устраивает, отвечает нуждам наших людей и их основным ценностям. Я говорил о конфуцианских обществах. В Индии критикуют все и вся. Почитайте их газеты, там всегда недовольство. Если два индийца судятся, будьте уверены, что это надолго, потому что это часть их культуры. Если два китайца вовлечены в судебный процесс длительностью в одну неделю, на второй день они скажут: заканчивайте. Поэтому если в Китае можно опозорить руководителя, и он с этим мирится, значит, он никуда не годится.

Я начинал не как человек, воспитанный в конфуцианстве. Я воспринял конфуцианство на самом простом уровне. Я знал, что должен уважать

старших, быть преданным своей семье, знал, как поступать с друзьями, что нельзя свергать правительство или короля. Но если меня оскорбят, и я не смогу защитить себя, то, по китайским обычаям, я потеряю доверие. А кто жалуется? Западная пресса и такие люди, как Чи Сун Хуан (Chee Soon Juan) (Генеральный секретарь Демократической партии Сингапура). Почему он жалуется? Потому что без лжи он не может нас свергнуть. Но когда мы обвиняем его, мы отвечаем за свои слова. Я назову его шарлатаном и мошенником. Пусть подает в суд, и я предоставлю доказательства. Но он не осмеливается обратиться в суд, потому что ему придется давать показания, а мы докажем, что он шарлатан и мошенник.

У НАС БЫЛО В 10 РАЗ МЕНЬШЕ ФАКТОВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЧЕМ У ДРУГИХ

Если кто и знает всю подноготную процесса выборов в Сингапуре, то это Ли. Он рассказал, какие стороны системы работают, о конституциональных и социальных особенностях Сингапура и о шансах оппозиции на усиление своих позиций.

- Раз мы говорим об оппозиции, могу я спросить, почему Вы не хотите приоткрыть систему? Вы не видите никакой необходимости в двухпартийной системе?

- Вы просто повторяете взгляды учившейся на западе интеллигенции, что нам необходима оппозиция, чтобы она могла сменить правительство. Но в оппозиции не может быть достаточно много способных людей для того, чтобы взять власть в свои руки. Вот и все. Даже мы не можем найти достаточное количество подходящих людей для работы в правительстве, мы находимся в постоянном поиске таких кандидатов. Вы видели, каких людей подобрал Лоу Тиа Кьян. Он очень старался. Нас же постоянно критикуют. Я говорю: «Давайте, сформируйте оппозицию. Ездите, встречайтесь с людьми, уговаривайте их». Я взял те вопросы, которые вы мне прислали, и передал их для ответа другим министрам, потому что теперь я не принимаю решений. Вот их совместный комментарий:

«Вопросы, заданные издательством «Сингапур Пресс Холдинге», представляют собой стандартные вопросы, поднимаемые критиками. Авторы вопросов не обязательно разделяют их мнение, а просто хотят узнать Ваше мнение. Мы не утверждаем, что наша нынешняя позиция постоянна и не может измениться. Мы будем изменяться в будущем вместе с новыми руководителями и избирателями. Лидеры и избиратели будут развивать систему по-своему. Проверка нашей избирательной системы состоит не в том, чтобы определить степень независимости избирательной комиссии, а в том, чтобы установить, проводятся ли выборы честно и предоставляют ли они нам законное правительство, способное правильно управлять страной».

- Да, критики требовали создания независимой избирательной комиссии.

- В Британии не было независимой избирательной комиссии. Мы

унаследовали эту систему, как и Малайзия. У нас было в десять раз меньше фактов фальсификации результатов, чем у других. Мы хотели добиться большего количества членов парламента, избранных по «групповому представительству», чтобы были лучше представлены меньшинства. Этого мы достигли, когда избиратели перестали голосовать за миноритарных кандидатов от ПНД, зная, что ПНД все равно будет в правительстве. Избиратели думали: «Мне нужен кандидат, который понимал бы меня - китайца, говорящего на диалекте». Поэтому создание избирательной комиссии не решило бы проблему. Соблюдается ли законность - вот что важно.

Они изобретают разные способы свергнуть неуязвимую на вид ПНД. Освободите прессу, распустите Национальный конгресс профсоюзов (НКП), отмените содружество. Дело кончится тем, что разрушатся созданные нами институты, которые привели Сингапур к успеху. Тот, кто придет к власти, должен будет воссоздать эти институты. И я не вижу никакой оппозиционной команды, которая появится на следующих выборах и окажется способной хотя бы отдаленно выполнить эту задачу. Ни я, ни нынешнее руководство, не видим такой группы.

- Это касается только следующих выборов или дальнейших тоже?

- Вот точка зрения молодых министров:

«На прошлых всеобщих выборах многие места оказались неоспоренными, и ПНД выиграла подавляющее большинство мест в парламенте. Мы не должны воспринимать это как неизменное положение дел. Сначала рост числа «неизбранных членов парламента» подтолкнет больше оппозиционных кандидатов участвовать в выборах, особенно по принципу «группового представительства». Если избиратели выберут в парламент больше кандидатов из оппозиции, значит, так тому и быть. Но мы не считаем, что нужно помогать создавать оппозицию или страховать себя на случай провала ПНД. Это приведет только к политическим играм и отвлечет от долгосрочных целей».

Это их позиция. Она очень близка к моей, но ведь все эти годы мы общались. Они управляли системой, они работали «на местах». Они держали все в своих руках. Ваши вопросы нужно задавать им.

Я могу говорить о будущем только в пределах моей жизни - в этом случае моей политической жизни. Можете верить мне или нет, но я больше не принимаю решения. Да, у меня есть влияние. Да, я могу заставить их сделать паузу и подумать еще. Но именно они принимают решения, потому что именно они отвечают за будущее. Я говорю им, что у меня уже нет нюха. В прошлом я не только ездил по округам, но также посещал новые

здания, бывал в Национальном конгрессе профсоюзов и общался там с людьми. Деван (Devan), затем Онг Тенг Чеонг (Ong Teng Cheong) были там. Я занимался всем. Я знаю, что такое работать «на местах».

ОДНА ПОЖИМАЛА РУКИ ТОРГОВЦАМ РЫБОЙ, А ПОТОМ МЫЛА РУКИ

- Как Вы теперь находитесь в контакте с людьми?

- Теперь я ежегодно провожу открытый диалог - встречу с 2000 человек из Национального конгресса профсоюзов (НКП) в «Сантэк-сити». Это совсем другое. Нужно разговаривать с малыми группами людей или один на один, и тогда идет диалог о проблемах до того, как они станут крупными. Не все могут работать с НКП и низовыми руководителями. Мы должны находить членов парламента, которые были бы с ними на одной волне. Лим Бун Хен (Lim Boon Heng) развил эту способность, и ему доверяли. Лим Сви Сей (Lim Swee Say) имеет такую способность от природы. Он их чувствует, думает как они, объясняет их позицию в Кабинете, и это влияет на наши решения.

Не думайте, что мы всегда будем поддерживать рабочих. Мы поддерживаем их только тогда, когда они правы, будь то во время подъема или кризиса. Во время нынешнего кризиса мы постоянно консультировались с НКП. Профсоюзы знали, к чему мы стремимся. Паники нет. Такие взаимоотношения следует поддерживать, и они должны реально приносить плоды. То же и с общей обстановкой. Говорят, мы раздаем подачки. Каждое правительство делает все возможное, чтобы получить голоса избирателей на ближайших выборах. Мы не хотим делать это задолго до выборов, потому что люди забудут об этом. Но если вы не даете им лучшей жизни, а их детям - надежду на лучшую жизнь, вы не убедите их поддерживать вас. Это очень просто.

Поставьте эти вопросы перед молодыми министрами, потому что они решают, что случится в будущем. Я могу умереть в любой момент. Я выполнил свои задачи. Теперь моя работа - поддерживать нынешнюю команду, консолидировать достижения для Сингапура, и это все.

- По каким вопросам Вы просили министров остановиться и подумать еще?

- Нет, они принимают решения. Я говорю им: есть такие возможности, неожиданные препятствия и обходные пути. Вы должны быть готовы к этому.

- Какие это обходные пути?

- Моя работа - поддерживать молодых министров. Я не собираюсь критиковать. Я сыграл свою роль, когда мы выбирали их в члены

парламента. Но я не играл никакой роли, когда премьер-министры, Го Чок Тонг и Ли Сянь Лун, решили сделать их министрами. На самом деле, несколько раз я говорил: «Нет, я не думаю, что этого человека следует сделать министром, он не подходит». Но их сделали министрами. А у них не было нужного темперамента. Одна пожимала руки торговцам рыбой, а потом мыла руки. Когда вы проводите избирательную кампанию, вы общаетесь с уличными торговцами, пожимаете им руки. В конце дня можете вымыть руки с мылом. Но если вы делаете это публично, вы теряете симпатии людей.

- Но скажите, как архитектор этой системы, есть ли у нее какие-то слабые места, о которых Вы хотели бы предупредить министров?

- Слабое место в том, что недостаточно подходящих людей, которые хотели бы заниматься политикой. Однако у нас нет и достаточно подходящих людей, чтобы заниматься экономикой для притока иностранных талантов. В каждой когорте у нас около тысячи человек, которых нужно распределить по административной службе, обороне, полиции и профессиональной службе. Их очень мало. Какие качества нужны? Во-первых, цельность. Во-вторых, преданность. В-третьих, способность. И, в-четвертых, это самое важное - способность убеждать и вести за собой.

Нам приходится привлекать врачей к политической деятельности. Есть такой человек, доктор Джанил Путучири (Janil Puthucheary). Декан университета Дьюка сказал: «Этот человек может стать деканом медицинского колледжа». Он занимался медициной 15 лет в Ирландии, Англии, Австралии. Это выдающийся человек. Сейчас он работает в больнице гинекологии и педиатрии КК. Пригласили ли мы его? Мы взяли Баладжи (Balaji). Он не очень подходил. Но он сказал: «Я постараюсь». Мы взяли Нг Энг Хена и Вивиан Балакриш-нан. Они успешно работают. Но это определенная потеря по времени. Они провели много лет, работая соответственно хирургом-онкологом и хирургом-офтальмологом. Было бы намного лучше, если бы они с самого начала изучали экономику и деловое администрирование.

Посмотрите вперед на 15, 20 лет; у нас будет проблема пожилых людей. Это серьезная проблема. Если мы не будем развивать экономику, бремя на работающих сингапурцев будет так велико, что талантливые люди будут уезжать.

Оппозиция, думающая оппозиция, поймет, что выбор Сингапура ограничен. Мы не Америка или Австралия по соотношению населения и ресурсов.

МЫ САМИ ОГРАНИЧИЛИ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА

- Значит, Вы не видите оппозиции, способной предложить альтернативу?

- Есть ли эта альтернатива? Я ее не вижу. Один путь - расколоть ПНД на две части. Поможет ли это? На один, два срока выборов? А что потом? Потом та часть, которая не пройдет выборы, захочет вернуться в ПНД. Человек не захочет сидеть на скамье запасных в оппозиции. Это бессмысленно, не так ли? Это будет раздиране все того же ограниченного запаса талантов.

- Какие аспекты политической системы, по Вашему мнению, не должны меняться?

- Основные: поддержка многорасовости, равенство возможностей, а не равенство вознаграждений, в образовании, жилье, здравоохранении и т.д. И система, основанная на меритократии. Это основа нашей общественной гармонии и межрелигиозной толерантности.

- Считаете ли Вы какие-либо ценности неприкосновенными?

- Необходимо избирать представителей меньшинств. Этого можно достичь двумя способами: пропорциональным представительством, и в этом случае вы поощряете партии, играющие на чувствах малайцев и правах на выдвижение. Это может посеять распри. Или вы позволяете им стать колеблющимися избирателями. На мой взгляд, этот путь лучше. Малайзия так не делает, потому что они позволяют приезжать незаконным иммигрантам-мусульманам, чтобы малайцев стало больше, чем китайцев и индийцев, и они считаются только с избирателями-малайцами. Многие их местные китайцы и индийцы уехали из Малайзии и не собираются возвращаться.

Мы так не делали. И чтобы обеспечить преобладание меритократии в оппозиции, мы дали президенту обратное право вето на все изменения, затрагивающие такое положение вещей. Мы сами ограничили свои возможности выбора.

Но мы также готовимся к таким обстоятельствам, когда, по той или иной причине, электорат скажет: «Ладно, попробуем других». Пусть будет так, если за 2, 3, 4 года оппозиция не разрушит экономику. Но это вызовет большое беспокойство среди инвесторов. Даже если новое правительство не отступит от нашей политики, оно не сможет давать такие же решения,

как, например, предлагали мы во время кризиса. Для этого нужны очень осторожные и способные люди, которые скажут: ладно, мы не знаем, сколько продлится кризис. Что самое главное? Рабочие места. Если есть работа, есть оплата, все нормально. Как же помочь сингапурцам сохранить работу? У нас есть резервы. Поможем им, поддержим во время кризиса. Мы можем делать это год, два, три, если необходимо. Это решает государственная служба? Нет, это решают ми-нистры. Они могут обсудить это с Лим Сви Сей, с лидерами профсоюзов. Сработает ли это? Даст ли это надежду рабочим? Остановитесь, обдумайте это. Проверьте на местах. Они говорят, давайте так и сделаем. Если вас уволят, вы пройдете переподготовку за счет государства. В итоге у нас будет более качественная рабочая сила. Вы считаете, что любая команда может это сделать? Никоим образом.

- Значит, Вы считаете, что в Сингапуре не может появиться альтернативная команда лидеров из-за недостатка талантливых людей, а не из-за того, что ПНД таким образом построила всю систему?

- Потому что у них нет талантов. В оппозиции вы задаете вопросы и просто голосуете. Какая альтернатива? Могут ли они дать альтернативу? Чушь! Они это знают. Сильвия Лим (Sylvia Lim) («неизбранный» член парламента) признает, что они не могут управлять правительством.

**ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МИНИСТРЫ
РАБОТАЛИ 20 ЛЕТ, ЖЕРТВУЯ СВОИМИ
СЕМЬЯМИ?**

- **Вы описали политические изменения в Малайзии как тектонический сдвиг, и мы знаем, что во многом он произошел оттого, что многие молодые люди голосовали за оппозицию. И во всем мире мы видим эту волну молодых, желающих перемен. Может ли такая волна охватить Сингапур?**

- Перемены в Сингапуре? В какую сторону? Это приходит со временем. Если это перемены, если это благоприятная альтернатива, то да. Но сейчас таких нет. Те, кто приезжает из-за рубежа (я читал их отчеты), говорят: «Абсурдно столько платить министрам». Но скоро они затихают. Почему? Столько же получают в частном секторе. Вы хотите, чтобы эти министры работали 20 лет, жертвуя своими семьями? Жертвуя собой? Они, возможно, готовы к этому. Но их семьи? Они должны обеспечивать их. Нужно быть практичными. Мы живем в другую эпоху, мое поколение - уникально.

- **Вы говорили, что с увеличением расслоения общества в Сингапуре труднее будет обеспечивать систему «один человек - один голос».**

- Наши избиратели - средний класс, включающий большую часть рабочего класса, профсоюзы и т.д., большую часть среднего класса и даже высшего среднего класса, которые видят для себя преимущества. Пока их большинство, ситуация не изменится. Может наступить время, когда интересы высшего среднего класса изменятся, они посчитают, что не будут

помогать более низким классам. Они могут поддержать партию, которая скажет: «Мы считаем существующую систему налогообложения неправильной. Зачем мне поддерживать тех, кто живет в двух-, трех- и четырехкомнатных квартирах?» Мы сами расширяем различия в нашем обществе. Не знаю когда, но это произойдет.

- Как это?

- Это различие между успешными и менее успешными, которое происходит в любом обществе. Успешные забывают, что не достигли бы этого без мира и стабильности, которые сделали возможными их образование, работу и деловые возможности. Они думают, что достигли всего сами по себе. Некоторые студенты из лучших университетов, таких, как Институт Раффлз или Хва Чонг (Hwa Chong), едут за границу и думают, что сделали это сами по себе, и что они ничего не должны правительству или обществу. Они талантливые ребята, но почему они этого достигли? Потому что мы сохранили стабильность в обществе. В мире и стабильности мы выстроили нашу образовательную систему и дали возможность самым талантливым подняться наверх. Даже менее талантливые получили возможность достичь своего максимума.

- Что Вы имели в виду, когда говорили раньше, что когда-нибудь люди устанут от правления ПНД?

- Придет время, когда общество скажет: давайте попробуем испытать что-то другое. Либо потому, что ПНД станет хуже, либо оппозиция создаст команду, равную ПНД. И тогда люди захотят попробовать другое. Этот день придет. Либерально-демократическая партия Японии правит с 1950-х годов по настоящее время. Думаю, они пришли к власти в 1955 году. Это на 4 года раньше нас, но они распались частично из-за того, что продолжали использовать старые идеи.

Ни одна система не существует вечно, это точно. Я не думаю, что это случится в следующие 10 или 20 лет. Дальше я не могу заглядывать. Сможем ли мы всегда привлекать самых преданных и самых способных, желающих посвятить этому свои жизни? Я надеюсь на это, но не знаю, навсегда ли это.

Я вижу изменения в поколении моих внуков. Это изменение ценностей и отношений, и они это чувствуют: «Я не собираюсь проводить всю жизнь на государственной службе, как мой отец или дядя. Я не вижу в этом смысла. Пусть это делает кто-то другой». А кто этот другой? Есть ли у нас такое изобилие талантливых, способных, честных, преданных людей? Нет.

Поэтому я не могу сказать вам, что будет через 30 лет. Возможно, все рухнет или почти рухнет, и тогда люди, поставившие все на карту, либо

уедут отсюда, либо скажут: давайте все восстановим.

ЧЕРНЫЕ ВЕРНУЛИСЬ В ТРУЩОБЫ, А БЕЛЫЕ - В КОТТЕДЖИ

- Это вопрос возможностей или мы сделали что-то не так при воспитании, и теперь молодое поколение не чувствует необходимости возвращать долги обществу?

- Это изменение в настроениях всего общества. Мое поколение понимало, что может потерять все.

Я вспоминаю хозяина дома Элиота в Гарварде, где я жил два месяца. Мы подружились. Он говорил, что каждые три года появляется новое поколение со своим мышлением. Это в Америке, это быстро меняющееся общество. В нашем случае это может быть каждые 10 лет.

Люди воспринимают то, что у них есть, как новую базу. Через 10 лет они закончат вуз, гавань будет построена, комплексный курорт работает, каналы стали реками, они все это воспринимают как данность. Они верят, что все это будет существовать всегда, и им не нужно прикладывать усилий. Думаю, они не понимают, что пришлось приложить массу усилий и провести работы по планированию, прежде чем мы этого достигли, и много усилий придется приложить, чтобы сохранить все это в том же виде.

- Разве не существуют какие-то постоянные ценности в современном сингапурском обществе - честное, некорруптированное правительство, многорасовая политика, например?

- Насколько они глубоки? Спросите себя об этом. Посмотрите, американцы прошли две войны, две мировые войны. Черные во время первой мировой войны были просто подносчиками боеприпасов. Во второй мировой войне они сражались вместе. Они вернулись в Америку, черные вернулись в трущобы, а белые - в коттеджи. Ну как, огромный прогресс?

- Вы не считаете, что для вас выгоднее создать условия для постепенного развития ради устойчивости и поддержания стабильности развития системы?

- Я ни секунды не верю, что если у нас будет группа из двух или трех человек, то она будет расти. Как ей расти? Чиам Си Тонг (Chiam See Tong) нашел Чи Сун Хуан, и все рухнуло. Джейаретнам нашел Фрэнсис Сео (Francis Seow). Кто еще? Лоу Тиа Кьян нашел кого? Сильвию Лим.

- Некоторые говорят, что барьеры для вступления в выборы слишком высоки.

- Все, что вам нужно - избирательный залог и много труда.

- Довольны ли вы уровнем конкуренции в политической системе сегодня?

- Мы будем совершенно счастливы, если получим небольшую группу равного калибра, выступающую против нас. Что я имею в виду? Посмотрите на «неизбранных» членов парламента, они говорят более разумные вещи, чем оппозиционные политики. Будут ли они бороться на выборах? Нет. Так что же? У них есть мозги, у них есть знания, но они не готовы отправиться в плавание в бурное море.

- Многие говорят, что они запуганы ПНД. Говорят об атмосфере страха, репрессий против несогласных и т.д.

- Нет, нет. Вы запуганы?

- Раз я задаю Вам этот вопрос, очевидно, нет. Но страх совершенно реально ощущается, когда мы опрашиваем людей, они говорят об этом. Ощущение довольно распространенное, даже среди профессионалов.

- Чего вам бояться, если вы знаете, что вы достойный человек? Этот парень, который выступал за права геев, Сиу Кум Хонг (Slew Kum Hong), он не запуган. Мы не возражаем, если он вступит в Рабочую партию. Он бросает вызов нам, мы - ему. Это часть политики. Вы говорите, что это запугивание? Ну, Джордж Буш-младший пережил запугивание. Он пережил Альберта Гора. Во второй раз он пережил Джона Керри. Джон Керри и Альберт Гор оба умнее его, но у него был хороший помощник, Карл Роув (Karl Rove). И он выжил.

НЕДОСТАТОЧНО ИМЕТЬ ХОРОШУЮ ПОЛИТИКУ - НУЖНО УМЕТЬ УБЕЖДАТЬ ЛЮДЕЙ

- Насколько Вы уверены, что основанная вами политическая система переживет тот момент, когда люди скажут, что устали от правления ПНД?

- Это зависит от того, когда это произойдет и будет ли это внезапно или постепенно. Если падение стандартов будет происходить постепенно, появится качественная оппозиция. Общество это почувствует. Если внезапно, то это будет чрезвычайная ситуация, как в случае экстренного приземления, и если не появится надежная команда, то страна начнет падать в пропасть.

- Как это может случиться неожиданно?

- Я не могу сказать. Происходит разделение руководства. Они глубоко несогласны, из принципа или по личным причинам, и внезапно все рушится. В 1961 году это неизбежно должно было случиться с «Барисаном» и прокоммунистами. Я не могу сказать, что случится через 20, 30, 40 лет, никто не может. Мы можем совершенно неверно представлять себе будущее: каким Сингапур тогда станет и будет ли процветать. Возможно, будет конфликт. Я не знаю. Я прожил достаточно долго, чтобы знать, что никто не может устроить жизнь в своей стране больше, чем на десятилетие. Сталин держал в «ежовых рукавицах» всю восточную часть Европы, все азиатские республики на юге и весь восток до Сибири. В 1945 году он взял под свое крыло и Монголию, которая раньше принадлежала Китаю. Он умер. Система позже выдвинула Горбачева, который никогда не переживал революцию, не знал, что он сидит на пороховой бочке. Дэн Сяопин прошел через революцию и знал, что если Китай развалится, то страна погибнет. Поэтому он сказал: «Вышвырните их или я их расстреляю (на площади Тяньаньмэнь)». Почему он должен отдавать дело всей своей жизни нескольким сотням агитаторов среди студентов, которых увлекли демагоги извне? Если бы победили студенты, вы думаете, мы видели бы Китай таким, как сегодня?

Все, что я могу сказать, это то, что, по моему мнению, Сингапур в безопасности в следующие 10 лет. Не нужно беспокоиться, потому что есть команда, которая будет править компетентно. Продлится ли это еще 15, 20,

30 лет - зависит от того, создадут ли они способную команду преемников за следующие 10 лет. Часть этой команды уже есть, но нужен лидер. Нужен кто-то, кто может общаться, может мобилизовывать, двигать людей. Недостаточно иметь хорошую политику. Нужно уметь убеждать людей. Это одна из причин, почему я теперь меньше выступаю. Я хочу, чтобы они заполняли пустоты.

- В случае внезапной смены правительства, система выборов президента будет преимуществом или препятствием?

- Конечно, преимуществом. В этой системе, если ПНД проиграет, я надеюсь, что не все будет потеряно для Сингапура. Если вы поменяете всех постоянных секретарей, военачальников, комиссаров полиции, глав постоянных советов, тогда вы разрушите систему. На пять лет президент может это предотвратить. И наши прошлые резервы не будут разграблены. Но если вы достаточно умны и выиграте второй срок с преимуществом в две трети голосов, тогда вы сможете изменить конституцию и разрушить двойную защиту. От образованного электората будет зависеть предотвращение такой угрозы.

С такой защитой возможно спасти ситуацию в Сингапуре, если одни или вторые выборы пойдут неправильно. Если такой защиты не будет, страна может начать скатываться вниз после одних неправильных выборов. Такой риск Сингапур не может себе позволить.

- Похоже, это очень хрупкий механизм. Можно ли его усилить?

- Скажите мне как. Можете предоставить это конституционным юристам и спросить их, как не дать избранному правительству переделать конституцию. Если у них есть две трети голосов, они смогут это сделать. Есть определенные вещи, для которых мы требуем референдума, но если у них есть влияние и они проведут референдум, то они могут изменить правила. Если мы не разрешим менять конституцию, мы получим революцию. Одна из первых вещей, которые я узнал, когда в Лондоне слушал Гарольда Ласки (Harold Laski) (английский политолог-теоретик и лидер лейбористской партии), это то, что либо вы имеете революцию по согласию (в то время лейбористская партия только что пришла к власти и начала перемены в обществе), либо революцию с насилием.

Возьмите Китай и сравните его с Индией. Это две крайности. Я не думаю, что коммунистическая партия потеряет власть, как бы она ни трансформировалась, - разве что возникнет очень необычное поколение, потому что Китай никогда не изменялся эволюционно. Дэн Сяопин попытался ввести внутри партии порядок перехода власти. Обычно в Китае, как и в России, это нечестная и яростная борьба за власть. При

существующих обстоятельствах я не думаю, что они уступят власть путем референдума или выборов. Индия - это другая крайность. Каждая несогласная провинция вольна идти своим путем. Границы штатов постоянно пересматриваются со времен британского владычества, чтобы в штате жили люди с одним диалектом. Если бы такого не было, Индия развалилась бы на части.

Это две крайности. Мы где-то посередине. Я считаю, что мы будем меняться или в результате выборов, или референдума. Зачем брать в руки оружие, если вы можете изменить ситуацию убеждением? Если вы считаете, что вы правы, мы не будем вас останавливать. Не будем останавливать печатание ваших листовок или проведение митингов за закрытыми дверями.

**МЫ ПОСТАВИЛИ НА КАРТУ СВОИ
ЖИЗНИ, КОГДА БРОСИЛИ ВЫЗОВ
КОММУНИСТАМ**

Настоящий характер лидера проверяется в кризис, считает Ли. Он открыто говорит о своем политическом опыте, руководящих принципах и наследии.

- Чего Вы больше всего боитесь в отношении Сингапура?

- Я думаю, того, что руководство и народ забудут о прошлом, потеряют точки опоры и перестанут понимать наши ограничения. Маленькая территория, но высокая организация, очень компетентные люди, полная уверенность на международном уровне, способность заручиться поддержкой крупных стран. Если мы потеряем это, мы погибли. И это может произойти очень быстро.

- Вы 57 лет в политике, какие самые важные уроки Вы бы выделили для начинающего политика в Сингапуре?

- Нужно иметь убеждения. Если у вас нет убеждений, если вы делаете это для личной славы, чести или популярности, забудьте об этом. Займитесь другим. Если вы хотите заниматься политикой, воспринимайте это так же, как моя команда: «Это на всю жизнь». Мы поставили на карту свои жизни, когда бросили вызов коммунистам. Если вы проиграете, они вырвут вам ногти и промоют мозги, - они этого не скрывали, и мы это знали. Это самое главное, у вас должны быть убеждения, вы должны делать это не для славы, а только потому, что должны это делать.

Когда я начинал, я не думал, что это на всю жизнь. Когда я прошел этот период и Сингапур объединился с Малайзией, Тунку, понимая, что мы в тупике, предложил мне пост посла в ООН, но как я мог принять его? Я убежал бы от своих обязанностей. Поэтому я настаивал на своем, и он вышвырнул меня. Мы остались на острове без ресурсов. Разве мог я сказать людям: «Я устал, пусть кто-нибудь другой это сделает?» Я был в ответе. Я должен был пройти через это. Я это сделал.

Ожидал ли я такого нашего успеха? Нет, потому что я не мог предсказать, как будет развиваться мир, но я знал, что если мы будем хвататься за любую возможность, то будем развиваться вместе со всем миром. Если бы не было внешнего мира и мы бы зависели только от региона, мы бы остались внизу. Но мы совершили прыжок, используя вначале связи с Британией, Европой, Америкой, Японией.

Затем в 1980-х мы обратили внимание на Китай. Я был уверен, что они достигнут больших успехов. К 1982-1983 годам я мог сказать это с

уверенностью. Поэтому мы начали развивать отношения с Китаем. Это окупилось. Также и с Индией. Это большая страна, у нас должен быть баланс интересов. Мы развили отношения с Индией и приняли их в Региональный форум АСЕАН и восточноазиатский саммит. Мы были первой страной, которая подписала с ними пакт о свободной торговле, несмотря на сопротивление многих индийских министров. Так мы получили еще два толчка в развитии. Затем мы завязали взаимоотношения с нефтяными странами на Ближнем Востоке и начали развивать взаимоотношения с Россией. Я думаю, мы не стали бы тем, что мы есть, без этих внешних связей.

- Но у нынешнего поколения лидеров нет такой силы убеждения, верно? Это невозможно.

- Вы не можете так говорить. Я не знаю, какими будут мои внуки. Когда Ли Сянь Лун был маленьким, я брал его с собой на мероприятия, проводившиеся в рамках избирательных кампаний. Я говорил: «У меня нет возможности уделить времени своим близким, поэтому пойдем вместе». Ему было интересно, он ходил со мной, слушал все выступления.

Думаю, два восстания должны были поразить его. В июле 1964 года в день рождения пророка Мухаммеда я отсутствовал. Поэтому я уполномочил То Чин Чая (Toh Chin Chye). Он запаниковал и сразу объявил чрезвычайное положение. Весь город был охвачен паникой. Закрылись все школы, автобусы не ходили по своим маршрутам. Моя жена послала водителя на машине за Сянь Луном, но он был уже где-то на улице. Его не могли найти. Он шел пешком из школы домой. Второй раз шок был в сентябре, во время второго бунта. Ему было 12, он все понимал.

Его хотели оставить в Кембридже, потому что он талантливый математик. Он написал своему преподавателю: «Нет, спасибо, я должен вернуться домой. Это моя страна и мои обязанности, и я не хочу оставаться там, где от моего вклада мало что зависит».

Он вернулся и пошел на службу в армию. Я никогда не говорил ему идти в армию. Он сам захотел. Думаю, его преданность так же велика, как моя. Я имею в виду, что он не прошел через все испытания, но он видел, как я проходил через них, и он сам кое-что испытал: беспорядки, волнения и бунты, которые обрушивались на нас. И потому, что он это испытал, мой второй сын сказал: «Нет, одного достаточно. У нас не будет правящей династии». Поэтому моя дочь и второй сын не занимаются политикой.

Каждое новое поколение сталкивается с иной социальной средой, другим фоном событий, другим набором проблем. Если вы не убеждены твердо, что хотите сделать это для людей, не делайте этого.

Я НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ. Я ПРОВЕЛ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ, СТРОЯ ЭТУ СТРАНУ

- Были ли такие времена, когда Вы чувствовали, что с Вас довольно, что Ваши убеждения подвергаются большому испытанию?

- Чем больше нас испытывают, тем больше я должен работать, чтобы быть уверенным, что мы пройдем испытание. Нет, это дело всей моей жизни. Что важно для меня в жизни? Моя семья и моя страна. О семье заботилась моя жена. Она воспитывала детей. Я проводил с ними какое-то время, стараясь внушить некоторые ценности. Дважды в год мы отдыхали в горах, когда я мог вырваться. Думаю, они выросли с правильными ценностями. Но Сингапур - это вечная забота, до конца моей жизни. Почему я не должен хотеть продолжения успеха Сингапура?

Один западный корреспондент как-то сказал бывшему премьер-министру Джону Мейджору (он был здесь несколько раз): «Маргарет Тэтчер, будучи в отставке, сделала вашу жизнь трудной, так что вы можете сказать, что не добились успеха из-за нее. Но посмотрите на Ли Куан Ю. Он в правительстве, и его новый премьер-министр добивается успеха». На что Мейджор ответил: «Он старается, чтобы новый премьер-министр добился успеха».

Этого я и хотел. Если новый премьер-министр провалился, значит, провалился и я. Махатир никогда так не делал. Он подрывал своих преемников.

Я ни о чем не жалею. Я провел большую часть жизни, строя эту страну. Больше мне нечего делать. Я не могу беспокоиться за четвертое поколение руководства, могу только давать советы нынешним министрам, чтобы они создавали команду, потому что им нужно время, чтобы вырастить новое руководство. Нельзя научиться руководить за полгода. Они должны работать вместе и понимать, что так нужно работать в Сингапуре. Поэтому при смене руководства не возникает трений. Но я говорю им откровенно, что они должны принимать решения с учетом международной обстановки, которая изменилась, и внутренних настроений нового поколения, которые изменились.

- Это, возможно, Ваши личные убеждения, но другие люди могут видеть это в другом свете.

- Мне не интересно, что видят или не видят другие. Это не имеет ко мне отношения.

- Какие самые несправедливые суждения Вы слышали?

- Мне это не интересно. Если я позволю таким вещам влиять на меня, это повлияет на мою работу. Я просто игнорирую их. Что они знают? Что они знают о Сингапуре, обо мне? Когда я встречаюсь с ними лицом к лицу, я спрашиваю: как долго вы пробыли в Сингапуре, что вы знаете о Сингапуре? Я родился и вырос здесь, я живу здесь. Разве у вас выше квалификация, чем у меня, чтобы решать, что будет действительно для этой страны? Сколько часов в день вы думаете о Сингапуре? Я сказал так однажды, и потом никто не осмеливался возражать. Нет, я просто уничтожил интервьюера без малейшей грубости. Он проявил сторонний интерес, хотел нокаутировать меня в интервью. Но это моя жизнь и жизни людей, которые возложили на меня эту ответственность.

Верите ли вы в это, верят ли британская «Таймс», или «Нью-Йорк Таймс» или Уильям Сафир (William Safire) - это ко мне не относится. Но я знаю, что меня уважали все руководители, которых я знал, потому что я давал прямые ответы. Если меня о чем-то спрашивали, я всегда давал честный ответ. Я не увиливал. Иначе, зачем им со мной общаться, особенно когда я уже не премьер-министр?

- Как Вы хотите, чтобы вас оценила история?

- К тому времени меня не будет. Будут другие мнения, другие позиции, а я стою на своем. Я делал много жесткого и тяжелого, чтобы наладить жизнь. Может быть, некоторые этого не одобряют. Много жесткого, но слишком многое было поставлено на карту, и я всего лишь хотел, чтобы моя страна добилась успеха. Что мы имеем в итоге? Успешный Сингапур. Чем я пожертвовал? Моей жизнью.

И все же мне повезло. Моя жена - очень талантливый юрист. Меня не интересовали деньги, но у нее их было достаточно. Она хорошо заботилась о детях, а теперь они сами о себе заботятся.

Для чего я пишу эту книгу? Я хочу, чтобы читатели знали тяжелую правду. Если вы считаете, что наша суперструктура - это то же самое, что и у других стран такого же ранга, вы глубоко ошибаетесь. Мы будем такими только при честном и талантливом руководстве, способном строить отношения с соседями, которые не хотят, чтобы мы процветали, завоевывая уважение больших стран, где много способных людей, и говоря с ними на равных. Мы тщательно выбираем наших лидеров. Тео Чи Хин (Teo Chee Hean) ездил на конференцию по безопасности в Мюнхен, а я встречался с рядом министров обороны и корреспондентов, которые говорили, что он

хороший человек. Они прислушиваются к нему. Он не много говорит, но когда говорит, они прислушиваются. Они считают, что он знает, что говорит, потому что хорошо понимает проблемы безопасности. Джордж Ео (George Yeo) тоже не говорит ерунды. Поэтому зарубежные лидеры и министры встречаются с ним и воспринимают его всерьез.

- Будете ли Вы участвовать в следующих выборах? Каковы Ваши планы относительно Вашей роли в политике после следующих выборов и в дальнейшем?

- Да, если позволит здоровье и премьер-министр посчитает, что я справлюсь. Я участвую только в одних выборах за один раз. К следующим выборам мне будет 93 года, вряд ли я смогу участвовать в предвыборной кампании.

- Вы говорили, что не уйдете в отставку. Значит ли это, что Вы будете продолжать активно заниматься политикой? Не лучше ли было бы для Вас играть роль старшего государственного деятеля, как, например, Нельсон Мандела, который пользуется нравственным авторитетом и находится над политикой?

- Чтобы быть старшим государственным деятелем, вас должны все принимать таким, какой вы есть. Я основатель ПНД и не могу оставаться в стороне.

УЛИЧНЫЕ БОИ: «ЛИБО ТЫ ПРОИГРАЛ, ЛИБО Я»

- В течение многих лет Вы имели дело со многими политическими оппонентами. Ваше отношение к ним совсем не изменилось или как-то смягчилось?

- Посмотрите на Лоу Тиа Кьян. Он не говорит напыщенных речей, не кричит, он умелый, целеустремленный, он держал в руках Хуган. Он бывает на всех похоронах и свадьбах, занимается каждой жалобой. И он наблюдатель, не вмешивается в политику, не вступает в нее, только однажды выдвинул альтернативный манифест, и мы его отклонили. В нем говорилось, что нужно распустить НКП, распустить то, другое, отменить квоты на жилье, упразднить выборы по «групповому представительству». Хорошо, идите к избирателям. Когда наступают выборы, говорят ли они об этом? Нет, это не проходит. Что же он говорит? «У правительства есть деньги, у нас нет денег». То есть он играет на эмоциях. Поэтому мы и противостояем ему.

- То есть, по Вашим словам, Ваше отношение фактически меняется в зависимости от природы оппозиции?

- Да, конечно. Я уже говорил, что если бы у нас была сильная оппозиция, как в развитых странах, мы бы и относились к ней так же цивилизованно, как в развитых странах. Это так. Но это не значит, что мы не постараемся уничтожить вас. Посмотрите на Тони Блэра и Дэвида Кэмерона. Каждый старался уничтожить противника, хотя и в вежливой форме. Посмотрите на Гордона Брауна, при каждой встрече Дэвид Кэмерон сокрушает его, но в вежливой форме.

- Некоторые скажут, что одним из факторов долголетия ПНД является то, что ПНД эффективно и систематически уничтожает свою оппозицию.

- Какая политическая партия станет помогать оппозиции прийти к власти? Почему мы не можем уничтожить их, пока они еще и не начали? Потом уничтожить их будет сложнее.

Если вы вежливы со мной, то и я вежлив с вами, но я разрушу вашу политику. Это работа любого правительства, если оно хочет остаться у власти. Посмотрите на либерально-демократическую партию в Японии. Они не могут уничтожить оппозицию, потому что они потеряли доверие, они уже не так хороши, как их деды и отцы.

- Но в прошлом были моменты, когда Вы чувствовали необходимость уничтожать и людей, как Джейаретнама.

- Да, сначала Джейаретнама, затем Чи Сун Хуана. Я думаю, они это заслужили. Я ни о чем не сожалею. Джейаретнам сошел с ума, торгуя на улицах, ну и как ему это помогло? И его практика была закрыта. Он считал на западный манер, что жертвует собой ради страны. Нет, у него было личное желание скинуть меня. Я просто высмеял его и выгнал, чем вызвал его раздражение. Нет, я не жалею. О Чи Сун Хуане также не жалею.

- Вы когда-нибудь думали, что это окажет отрезвляющий эффект на тех, кто интересовался политикой, но затем испугался?

- Что ж, если вы делаете то же самое, то должны ожидать такого же обращения. Поэтому вы начинаете вести себя более цивилизованно, более политически корректно, как Лоу Тиа Кьян или даже Чиама. Я никогда не был жестким с Чиамом. Он вежлив, и я вежлив. Он порядочный человек, и я его за это уважаю. Он способен держать свою линию, даже несмотря на недостаток физических возможностей.

- Ваши молодые министры разделяют Ваши хищнические инстинкты по отношению к политическим оппонентам?

- Я не знаю. Они еще с этим не сталкивались.

- А если бы появился оппозиционный политик, кто из нынешних министров смог бы поступить с ним так же, как вы?

- Нет, среди них никто не смог бы поступать, как я, но они справятся эффективно. У каждого свой стиль, он частично врожденный. Частично приходит с опытом. Я не был бы таким твердым, если бы мне не пришлось бороться с коммунистами. Я встречал совершенно беспощадных людей. Как я говорю, это уличная драка, где или ты бьешь, или тебя бьют, и это так.

УКРОТИТЬ КРИТИКОВ В СМИ

Сингапурские СМИ в нынешнем виде были сформированы Ли Куан Ю. Это модель регулируемой прессы, которая понимает, что ее работа не в том, чтобы быть четвертой властью. Она сообщает правительственные новости и видит себя позитивным проводником идей национального строительства.

Ли определил роль прессы еще на заре своего правления. В 1971 году на ежегодной конференции Международного института прессы в Хельсинки, всего через несколько недель после того, как он закрыл две газеты и арестовал сотрудников третьей, он сказал, что свобода прессы «должна быть подчинена важнейшим интересам Сингапура, а также приоритетным целям избранного правительства».

В 1977 году законы о прессе были исправлены так, чтобы ни одна партия не могла владеть более 3% обыкновенных акций какой-либо газеты. В 2002 году эта цифра была увеличена до 5%. Управляющие акции были введены в 1974 году и были переданы местным банкам, так как считалось, что они политически нейтральны и заинтересованы в стабильности и росте. Таким образом, газеты стали независимы от прихотей магнатов СМИ.

Сегодня внутренняя среда СМИ более конкурентна, чем тогда, когда публиковались мемуары Ли, в частности, благодаря повсеместному доступу в Интернет. Как Интернет повлияет на традиционные СМИ? Вот мнение человека, сформировавшего медийную среду в Сингапуре.

- Как новые СМИ изменят политику в Сингапуре и работу правительства? Должно ли будет правительство стать более прозрачным?

- С этим сейчас столкнулись китайцы. Они сразу откликнулись после землетрясения в Сычуани и восстаний в Синьцзяне. Снимки с мобильных телефонов, видео и фотографии сразу же появляются в Интернете. С этим нужно справляться. Но это не значит, что они поменяют всю свою систему до основания.

- Вы говорили, что свобода прессы подчинена приоритетным целям избранного правительства, однако Вы никогда не национализировали прессу либо, как Малайзия, не брали в собственность медийные компании. Вы когда-нибудь рассматривали этот вопрос?

- Нет, я не думаю, что необходимо брать прессу в собственность. В-первых, тогда получится, что все СМИ станут как «Радио и телевидение Сингапура» и все СМИ будут контролироваться правительством, и я не думаю, что это хорошо. Фактически я хотел, чтобы СМИ, даже некоторые телевизионные каналы управлялись «Сингапур Пресс Холдинге», некоторые - «МедиаКорп», причем последняя могла быть приватизирована. Я думаю, неплохо, чтобы пресса имела независимый взгляд, но в известных пределах, чтобы они знали, что мы не позволим подрывать политику правительства.

Мы начинали с совершенно иных основ, чем западная пресса. В-первых, западная пресса никогда не начинала таким образом. Там владелец волен нанимать и увольнять людей, проводить свои взгляды. Даже сегодня, если вы напишете строчку, с которой не согласен Руперт Мердок, вас уволят. Поэтому «Уолл Стрит Джорнэл» изменяется медленно. Когда они говорят о свободной и независимой прессе, они преувеличивают. Руперт Мердок решил поддержать Тони Блэра, потому что он выступал за предпринимательство и против государственного контроля над предприятиями. Поэтому все газеты Мердока выступали в поддержку Тони Блэра. Это повлияло на результаты выборов. Гордон Браун больше ориентирован на государство и социальную сферу. Так что я вижу, что группа Мердока - «Ньюз Корп» - начинает занимать более нейтральную позицию, меньше возвеличивает лейбористское правительство. Когда подойдет время выборов, я уверен, что они будут поднимать консервативную партию, потому что те поддержат политику Руперта Мердока.

Мы не допустим такого в Сингапуре. Мы хотим просто честного отражения фактов и событий. А если хотите выступить с заявлением, то для этого есть передовицы и комментарии, которые, разумеется, отличаются от новостных репортажей. Я думаю, в этом есть смысл.

Однако сегодня поступает много мусора, фальшивок через Интернет, и я не знаю, сколько пройдет времени, прежде чем люди поумнеют и смогут отделять зерна от плевел. Приходится рисковать. Это уже часть СМИ, к которой сингапурцы имеют доступ.

- Новые СМИ представляют угрозу для правительства, как в соседней Малайзии?

- Я не думаю, что у нас будут те же проблемы, что и в Малайзии, потому что их пресса потеряла доверие. Позиция СМИ в печати и на телевидении была настолько далека от реальности, что люди стали искать альтернативные источники. Поэтому блоггеры, Малайзиянки, Харака,

оппозиционные газеты заняли эту нишу.

- Значит, Вы вполне довольны положением дел в Сингапуре?

- Да, благодаря конкуренции, будь то газета «Тудэй» от «МедиаКорп» или газеты «Сингапур Пресс Холдинге», они должны оставаться в этих пределах. Они могут конкурировать за новости, но политических кампаний не должно быть ни в газетах, ни на телевидении.

- Заглядывая вперед, видите ли Вы предпосылки для создания более открытой, либеральной прессы?

- Что значит более открытой? Выйдите в Интернет, вы можете публиковать свои партийные взгляды, создавать партийные журналы, газеты, ничто вам не мешает. Но если вы совершите что-то очерняющее, мы подадим на вас в суд. Все ложное и клеветническое будет подлежать разбирательству в суде.

- Эта позиция относительно клеветы никогда не изменится.

- Эта позиция никогда не изменится, потому что как только разрешишь одну безнаказанную ложь, появится множество лжи, и эту ложь будут повторять столько раз, что начнут в нее верить, как говорил Геббельс.

- Даже несмотря на то, что в Интернете говорится все, что угодно? Я имею в виду, что ситуация теперь не та, что 20 лет назад.

- Нет. То, что написано в основных СМИ, должно оставаться заслуживающим доверия. Мы не откажемся от этой позиции. Так что люди, читающие газеты, узнающие новости из телевидения или правительственных сайтов, будут знать, что это официальная позиция. Есть факты, которых мы придерживаемся. И в долгосрочной перспективе мы заслужим доверие, потому что мы говорим правду. Мы не допустим лжи в основных СМИ и на правительственных сайтах. Если мы сделаем это, то потеряем доверие.

ЕСЛИ СМИ СЕЮТ ЛОЖЬ, У НАС ЕСТЬ ПРАВО ОТВЕТИТЬ

- Вы говорите, что цените достоверные СМИ, но у нас СМИ страдают от ощущения, что они проправительственные, что у нас нет к ним доверия.

- Западные СМИ всегда будут проводить эту линию, потому что они считают себя пределом совершенства, а все, что отличается от них, и при этом добивается успеха, должно быть разрушено. Если бы мы были неудачниками, разве бы они волновались? Но мы успешны. Наши люди не оторваны от новостей, вы можете посмотреть все журналы на прилавках. Но если они продаются здесь и сеют ложь, то у нас есть право ответить, а если это клевета, то мы можем подать в суд, мы это делали. Сначала они думали, что мы блефуем, все эти «Экономист», «Интернешнл Геральд Трибьюн», думали, что они такие большие и могут отмахнуться. Мы подали в суд. Им пришлось нанимать юристов, и они проиграли. Так что у нас есть право ответить, а когда у вас есть право ответить, журналисты уже не такие смелые. Если они пишут что-то, и другая сторона не может ответить, то они кажутся такими умными. Но если им отвечают лаконично и язвительно, то они сразу съеживаются.

Посмотрим в лицо фактам. Будь то комментарий газеты «Стрэйт Таймс» или другого издания, если мы считаем, что это лживо и неправильно, мы выступим с опровержением. Это опровержение будет построено так, чтобы вежливо указать автору на его место. Так что в другой раз, когда он захочет написать, он будет осторожнее. Конечно, есть обычные люди, которые пишут письма, лишь чтобы увидеть свое имя в прессе. Таких мы игнорируем.

- Не думаете ли Вы, что это ощущение недостаточной свободы сингапурской прессы снизит шансы Сингапура стать городом международного масштаба?

- Ерунда. Зарубежная пресса раньше писала, что мы скучные, стерильные, никаких сенсаций и шума. Теперь они так не пишут. Но мы не отступаем от своих основных позиций. Мы не спасаем от их постоянных нападок. Тот, кто спасует, тот слабак и глупец.

- Только что Вы говорили, что цените независимость СМИ в том, что они не ведут кампаний против правительства. Значит, если СМИ ведут кампании за правительство, это говорит о недостатке

независимости?

- Нам не нужно, чтобы СМИ агитировали за нас, мы сами агитируем за себя. Зачем нам агитация прессы? Я в первый раз победил на выборах в 1959 году, когда все СМИ были против меня. И я сказал «Стрэйт Таймс», что когда я выиграю, я с ними рассчитаюсь. И они переметнулись в Куала Лумпур. Потом они поняли, что позиция Куала Лум-пур им не подходит, и вернулись. Так что мы еще не так плохи.

Посмотрите, что произошло с «Нью Стрэйтс Таймс» и «Стрэйтс Таймс». Одна из них потеряла доверие, другая нет. Что бы они ни говорили про «Стрэйтс Таймс», почему люди во всем мире ее читают? Почему? Потому что она достоверна. То, что мы пишем о событиях в регионе, в Сингапуре, в Малайзии и т.д., это правда. Мы не распространяем ложь. Поэтому они видят в «Стрэйтс Таймс» достоверный источник информации. И «Заобао» читают в Китае, шесть миллионов экземпляров, не потому что мы угождаем им, а потому что мы даем факты и пишем о том, о чем не пишут китайские газеты.

Я ЗАЩИЩАЛ СВОЮ ПОЗИЦИЮ ЗУБАМИ И КОГТЯМИ. Я ВЫИГРАЛ.

- Я хочу сказать, что это очень жесткий подход по отношению к зарубежной прессе. Некоторые говорят, что Вы один можете себе это позволить.

- Нет. Следующее поколение тоже делает это. Я уже не пишу ответов, они пишут. Правила остаются. Вы ошибаетесь, если думаете, что когда я отойду от дел, станет свободнее. Я думаю, они понимают правила, что работает и что не работает, что нужно изменить. Это их выбор, потому что им придется испытывать на себе последствия.

- Ранее Вы говорили, что если традиционные СМИ опубликуют ложь, вы будете их преследовать.

- Да, конечно.

- Но в то же время то, что уже публикуется в Интернете, это дискредитирующая информация и гораздо более опасная.

- Все знают, что публикации в Интернете могут быть совершенно непристойными и ничего нельзя с этим сделать.

- Некоторые открыто называют себя.

- Но это никчемные люди, у них нет денег. Вы возьметесь за них, потратите деньги, и что взамен? Ничего.

- Но разве то, что они говорят, не подрывает доверия и целостности правительства?

- Нет, я так не думаю. Через некоторое время люди понимают, что это просто болтовня и разглагольствования в Интернете.

- Именно потому, что люди знают о заслугах правительства ПНД, нужно ли наказывать за каждую ложь и защищать свою репутацию любой ценой?

- Поставьте этот вопрос перед новыми руководителями. Я защищал свою позицию зубами и когтями. Я выиграл. Я боролся против СМИ в Сингапуре и во всем мире. Я выиграл, потому что обладаю даром убеждения. Я могу говорить с людьми без этой болтовни СМИ. В каком-то смысле, я местный Рональд Рейган. И я держу слово. Когда я говорю, что сделаю что-то, они знают, что я сделаю. Когда я говорю, что приструню такого-то парня, я это сделаю. Давайте говорить прямо. У меня есть рычаги. Если вы будете со мной вольничать, я примусь за вас. Я забочусь о себе, потому что если вы оказываетесь в одном тупике с коммунистами, то

в живых остается только один, и я остался в живых. Поэтому я не боюсь оказаться один на один с кем угодно, не говоря уже о зарубежной прессе. Что они могут мне сделать? Смогут ли они повлиять на выборы? Не смогут.

**ПАРТИИ НУЖНЫ РАЗНЫЕ ЛЮДИ, НО
СМОГУТ ЛИ ОНИ УПРАВЛЯТЬ
МИНИСТЕРСТВОМ?**

- Каковы трудности руководства, стоящие перед Сингапуром?

- Наше население составляет чуть более трех миллионов. Каждый год появляется около сотни подходящих людей с потенциальными лидерскими качествами. Из них нужно выбрать 20, 30. Мы «прочесываем» каждую профессиональную группу, каждую фирму, но, чтобы преуспеть в политике, нужно начинать, когда тебе еще 30, или немного за 40, когда ты еще не застыл и можешь понимать людей - проводить предвыборные кампании, пожимать руки, целовать младенцев и т.д.

Нам так не хватает людей, что в 2001 году мы взяли трех врачей; каждый достиг вершины в своем деле. Это Нг Энг Хен, Вивиан Балакришнан и Баладжи Садасиван. Баладжи был высококласным нейрохирургом, но не смог стать политическим лидером.

- Вас критикуют за то, что это подход «сверху вниз»: вы тщательно ищете по всей стране и отбираете потенциальных лидеров.

- Нет, мы не отбираем тех, кто будет лучшим врачом, хирургом или лучшим бухгалтером. Их выдвигает система. Мы просто отбираем нескольких лучших.

- Так всегда происходит в корпорациях или военных кругах, но не считаете ли вы, что политическая арена отличается тем, что нужно больше вовлекать электорат в процесс отбора руководителей?

- Нет, кто-то должен управлять правительством, и, если вам повезет, премьер-министр может не только управлять правительством и выбирать министров, но и убеждать людей. Но внутри партии нужны разные люди. Нужны те, кто проводит время в кофейнях и являются хорошими низовыми лидерами. Онг А Хенг (Ong Ah Heng) был моим секретарем подразделения, но он руководитель, вышедший из низов. Поэтому мы направили его в

Национальный профсоюз транспортных рабочих и заставили его бороться в округе Ни Сун Сентрал. Еще один - это Анг Монг Сенг. Партии нужны разные люди, но смогут ли они управлять министерством? Один из основателей ПНД То Чин Чай сказал: «Не волнуйтесь, он будет полагаться на своего постоянного секретаря». Это ерунда. Так не получится.

- Хотя вы говорите, что партии нужны разные люди, многие считают, что для вас важнее академические достижения.

- Мысль, что партия основывается на академических степенях, просто неверна, совершенно неверна. Да, мы обращаем на это внимание, потому что это первое впечатление. За много лет мы убедились, что, в какой бы области ни работал руководитель, будь то «Дженерал электрик», IBM, «Майкрософт», он должен обладать несколькими базовыми качествами: высокий уровень интеллекта очень важен, но это только одна сторона, необходимы также эмоциональный коэффициент, лидерская выдержка, целеустремленность, находчивость и множество других качеств, которые обязательно проявляются в виде успеха в вашей профессии или вашем деле.

Поэтому генеральный директор авиакомпании «Сингапур Эйрлайнз» (Singapore Airlines) Чу Чун Сенг (Chew Choon Seng) не был ученым, хотя и получил диплом с отличием сингапурского университета и степень магистра колледжа Импераил. Но он, к тому же, здравомыслящий человек, понимает и ведет за собой людей, разбирается в своем деле, и авиакомпания работает успешно.

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЯВИТЬСЯ ИЗ НИОТКУДА? НЕТ.

- Даже сейчас некоторые сингапурцы склоняются к точке зрения доктора То. Они хотят, чтобы руководители поднимались последовательно через все должности, путем собственных усилий, а не взлетали по чьей-то воле сразу на самый верх.

- Нигде в мире нет руководства, которое бы полностью поднималось снизу вверх. Покажите мне хоть одно. Как выбирают кандидатов на пост президента США? С самого низа? Нет. Из элиты демократической либо республиканской партии. Барак Обама вступил в политику. Он тщательно подсчитал свои шансы. Он распланировал свой путь на первичных выборах, концентрируясь там, где проводят закрытые собрания членов политической партии, а не на баллотировку. Он выиграл. Хиллари Клинтон ошиблась, когда не восприняла его всерьез. Он прорвался и выиграл. В конце концов, американцы решили: ладно, попробуем в деле этого черного, возможно, он вернет нам былой имидж белой нации. Это очень способный чернокожий.

Возьмите республиканскую партию. Можете ли вы появиться из ниоткуда? Нет. Джон Маккейн был героем войны. Его отец был четырехзвездным адмиралом. Он выиграл место в Сенате, боролся против Джорджа Буша-младшего, проиграл и, наконец, стал кандидатом в президенты в 2008 году.

Возьмите лидера британской консервативной партии Дэвида Кэмерона. Он учился в Итоне и Оксфорде. Его выбрали члены парламента от консервативной партии, большинство из высшего среднего класса. Движение сверху вниз или снизу вверх?

А поднимаются ли снизу вверх в Китайской коммунистической партии? Первое поколение революционеров, да, они поднялись, но когда Мао Цзэдун вошел в Седьмой Национальный конгресс Коммунистической партии, он столкнул всех остальных и стал единоличным правителем. Он принимал решения по всем вопросам до самой своей смерти.

Давайте посмотрим в лицо фактам. Подъем снизу вверх в Африканском Национальном конгрессе? Принимали ли решение широкие массы африканцев? Нет. Нельсон Мандела стал иконой их независимости, борцом, который был заключен в тюрьму более чем на 20 лет. Когда он вышел на пенсию, править стала группа его приближенных. Это

называется снизу вверх?

- И все же есть точка зрения, что когда вы говорите о дефиците талантов, это лишь оправдание однопартийному правлению в Сингапуре.

- Что ж, найдите таланты и выставьте их на выборах. Это мой вызов. Единственные таланты, кроме членов парламента от ПНД, это «назначаемые» члены парламента. Мы даже хотели выставить некоторых из них в качестве наших кандидатов, потому что они очень хороши. Но мы решили этого не делать. Мы не уверены, что они найдут общий язык с народом.

- Почему другие страны с малой численностью населения, например Дания или Норвегия, способны вести конкурентную, многопартийную политику?

- Если вы считаете, что мы похожи на Норвегию, Швецию или Данию, то мы не выживем. Мы на них не похожи. Дания или Швеция могут выжить с посредственным правительством, а Сингапур - нет. Он пойдет ко дну, государственный аппарат пойдет ко дну. Как только понизится качество самого ядра государства, оно понизится во всех подчиненных организациях. Ни один человек не может верно оценить другого, если последний выше его.

«РАСПРОСТРАНЕННОЕ МНЕНИЕ, ЧТО МЫ ЭЛИТАРНЫ, - ЭТО ПРОСТО ГЛУПОСТЬ!»

- Вы не считаете, что политические системы, в которых выше конкуренция в высших эшелонах власти, сильнее Сингапура?

- У нас три миллиона людей. Где нам найти людей, достаточно сильных для этих постов? Хо Чин (Ho Ching), исполнительный директор корпорации «Темасек», говорит, что ей пора уходить. Кто придет на смену? В данный момент никто в этой организации не готов взять на себя управление этим сложным холдингом. Им пришлось искать преемника на стороне.

Возьмите телекоммуникационную компанию «СингТел» (SingTel). Мой сын (бывший генеральный директор компании Ли Сянь Янг (Lee Hsien Yang)) говорит: «Я ухожу». К счастью, его преемник Чуа Сок Кунг (Chua Sock Koong) неплохо справляется. Людей с лидерскими качествами очень мало.

Мы не можем найти замену послу в Китае, в городе Пекин Чин Сиат Юну (Chin Siat Yoon). Он говорит: «Я достаточно поработал». Где найти человека, получившего образование в Китае и говорящего также на английском, и чтобы он умел работать с людьми? Нг Сер Мианг (Ng Ser Miang)? Но тогда его не будет в Олимпийском комитете.

Когда в Китае ищут дипломатического представителя, у них есть три или четыре кандидата, все с большими способностями. Но у них 1,3 миллиарда людей. Провалившие конкурс в Пекинский университет могли бы стать звездами в нашем университете.

- Тогда возникает вопрос: найдется ли в сингапурской системе - при отсутствии политической конкуренции - другой набор лидеров, сравнимый, скажем, с китайским, где они появляются в результате конкуренции?

- Нет, я не думаю, что разница в этом. Китайская система еще более избирательна и меритократична, чем наша, потому что они не борются на выборах. Поэтому они игнорируют эмоциональную составляющую. Нам нужны люди, которые могут бороться и побеждать на выборах. Можно иметь все лидерские качества, но если ты не можешь бороться и побеждать на выборах, быть близким к своим избирателям и победить, то ты немногого стоишь.

Поэтому нужно начинать рано и учиться работать с людьми. В нашей

системе мы сразу бросаем человека на глубину. Если он справляется, мы его вытаскиваем. В частном секторе не нужно побеждать на выборах. Если начальство вами довольное, все в порядке. Так же и в Китае. Все, кто работали с нами в Сучжоу (Suzhou), где они и добились успеха, занимают теперь высокие посты в Пекине и администрациях других провинций. Важно, как человек работает.

- Многие рядовые сингапурцы, даже те, кто уважает и восхищается достижениями ПНД, не могут не чувствовать, что ваша система отбора руководителей элитарна. Предпочтение явно отдается людям с привилегированным прошлым, тем, кто учился в лучших школах и выигрывал стипендии известных университетов.

- Распространенное мнение, что мы элитарны, - это просто глупость. Они не понимают. Из опыта мы постепенно поняли, что руководство - это конгломерат качеств, и что руководителям требуются одни и те же качества в любой сфере, будь то генерал, политик, генеральный директор или главный редактор.

Реальность такова, что, как бы вы ни начинали, какой бы открытой и меритократичной ни была система, по мере развития население расслаивается. Люди получают образование, способные поднимаются, они женятся на таких же хорошо образованных. В результате их дети, скорее всего, будут умнее, чем дети садовников. Я не хочу сказать, что все дети садовников или рабочих - никчемные люди. Иногда от двух серых лошадей появляется белый жеребенок, но это редкость. Если у вас две белые лошади, скорее появится белый жеребенок.

Об этом редко говорят открыто, потому что те, кто не является белыми лошадьми, говорят: «Вы нас унижаете». Но это факт. Если у вас белая кобыла, вы не захотите, чтобы с ней скрещивался никчемный жеребец. Тогда потомство будет плохое. Ваши умственные и эмоциональные возможности и все остальное на 70 - 80 процентов обусловлены генетически. Вам только нужно время созреть, и все. От 20 до 30 процентов обусловлено воспитанием и образованием. Это жизнь.

СОГЛАСНЫ ОНИ С НАМИ ИЛИ НЕТ - ЭТО НЕ КРИТЕРИЙ

- Если оставить вопросы элитизма и генетики, не вызывает ли у вас беспокойство, что при нынешней тщательно выверенной системе воспитания, отбора и поиска лидеров в вашем окружении останутся люди с очень похожим социальным и экономическим положением?

- Если говорить о сингапурцах, а они все проходят через одну образовательную систему, то единственная дифференциация состоит в том, обучаются ли они в университете в Сингапуре или за границей и какую профессию они выбрали, так как это определяет в дальнейшем различное окружение и опыт. Французская элита, например, вся проходит одни и те же школы. Все сдают единые экзамены. Опять же, элита учится в grandes ecoles. В Германии генералитет изучает одни и те же доктрины. Одна из причин, по которой немцы считают, что их генералитет очень успешен, состоит в том, что, какого бы генерала ни поставили во главе армии, он будет правильно работать с другими генералами.

В Японии Токийский университет является университетом для высшей элиты. В Пекине способные люди со всей страны яростно борются за возможность учиться в Пекинском университете или университете Цинхуа, в крайнем случае, в университете Фудан.

Единственное исключение - Америка. Поскольку у них есть Запад, Средний Запад, Север, Восточное побережье. Раньше все они ехали на восточное побережье. Теперь они выстроили университеты Стэнфорда, Техаса, Северо-западный университет и т.д. У них есть разные школы. У Милтона Фридмана (Milton Friedman) есть своя научная экономическая школа в Чикагском университете, а у Гарварда - своя. В этом проявляется протяженность их страны, и, я думаю, намеренное разнообразие научных школ.

- Есть ли яркие личности, которые могли бы стать великими министрами, но говорят: «Я не хочу заниматься политикой, потому что, если я вступлю в ПНД, мне придется думать, как они, а если я не буду на сто процентов согласен с ними, то я не выживу в этой системе»?

- Нет, это абсолютно не так. На Раймонда Лима никто не давил. Вы можете поговорить с ним и узнать, изменил ли он свои взгляды, потому что мы его заставили это сделать. Или ему представили факты и дали задачу, и

он приспособил свое мышление к ее решению. То же можно сказать и о Вивиане Балакришнане.

- Но учитываете ли вы такие опасения, когда приглашаете человека заниматься политикой?

- Нет, их опасения таковы: «Мне хорошо на моем месте. Может быть, года через четыре, когда дети вырастут и поступят в университет». В этом заключаются их заботы. 15 - 20 лет назад мы хотели привлечь Ко Бун Хви (Koh Boon Hwee), когда он работал в холдинге «Вуделам» (Wuthelam). Я поговорил с ним за обедом, а затем и Чок Тонг. Он откровенно сказал нам: «Я хочу быть успешным лидером корпорации», - и стал им. Это его выбор. Он мог бы стать хорошим министром, но теперь уже поздно. Он уже не может идти на избирательный участок, встречаться с людьми, разговаривать с ними и т.д. Надо начинать, когда вам чуть-чуть за тридцать или за сорок. Ближе к пятидесяти вы уже не изменитесь.

- Уверены ли вы в том, что нашли всех талантливых людей, которые могли бы стать политическими лидерами? А как быть с теми, кто категорически с Вами не согласен?

- Согласны они с нами или нет - это не критерий. Есть ли у них нужные качества? Если есть, мы захотим с ними встретиться, переубедить их. Ваше несогласие с нами не имеет значения. Вы можете изменить наше мнение. Мы рациональные люди. Если мы не правы - убедите нас, и мы изменимся.

- Много ли примеров того, что молодые министры изменили ваше мнение по важным фундаментальным вопросам, а не по периферийным проблемам?

- С 1990 года я уже не премьер-министр, так что я не нахожусь в постоянном взаимодействии с ними. Я только общаюсь с ними в парламенте и в Кабинете. Их министерская работа относится к премьер-министру, а не ко мне. Я не оцениваю их.

- На основании ваших взаимодействий можете ли вы привести примеры, когда они изменили ваше мнение?

- Раймонд Лим убедил меня, что мы должны приватизировать как можно больше компаний. Но проблема в том, чтобы найти людей, готовых за это взяться. Он предложил приватизировать авиакомпанию «Сингапур Эйрлайнз», компанию-оператора порта PSA. После приватизации нужно отдать их мажоритарному акционеру, который будет назначать персонал - генерального директора, исполнительного директора, финансового директора. Кому это передать? Кому передать ОСВС (Загранично-китайская банковская корпорация Сингапура), DBS (Банк развития

Сингапура), UOB (Объединенный заграничный банк) или «Темасек»? Это проблема. Людей не хватает.

- Существует ли конформизм в Кабинете? Можете ли вы сказать, насколько бурно идут дебаты?

- У нас независимое мышление. Мы не пытаемся навязать друг другу свои идеи. Многие сложные вопросы мы обсуждаем в течение нескольких встреч и оставляем решение открытым. Спросите молодых министров, нет смысла спрашивать меня.

Другие министры встречаются без меня. Чтобы я не влиял на них, они сначала встречаются и решают, что будут делать, а затем обсуждают это со мной. Проводятся встречи за обеденным столом перед заседанием Кабинета, без меня, где они говорят свободно. Это началось с Го Чок Тонга, продолжилось при Ли Сянь Луне. Помните, пожалуйста, о том, что я уже не назначаю министров с тех пор, как в 1990 году Го Чок Тонг стал премьер-министром.

В первые несколько лет я еще говорил: «Я думаю, этот кандидат лучше, чем тот». Но через несколько лет он сам решал, кто ему нужен, кому он доверяет быть в его команде. Я могу с ним не соглашаться. Фактически несколько раз я говорил ему, что я бы повременил, но он делал свое.

- Есть мнение, что встречи перед заседаниями Кабинета доказывают, что ваше влияние до сих пор так велико и Вы так подавляете, что они должны встретиться без вас, чтобы обсудить все свободно и без напряжения.

- Могу ли я стать другим? Когда я высказываю мнение, я не просто его «выпаливаю». Я говорю то, над чем много размышлял и что следует из моего прежнего опыта. Кто осмелится сказать мне, что мое время истекло? Я в совете директоров «ДжиПи Морган» (JP Morgan), в совете директоров (крупнейшей французской нефтяной компании) «Тоталь» (Total) и в нескольких других. Когда они меня избрали снова, я сказал: «Когда я перестану справляться, скажите мне. Мне уже за 80».

Почему Билл Клинтон хотел, чтобы я приехал на встречу с ним в Гонконг? Потому что он хотел произвести впечатление на азиатских филантропов и убедить их пожертвовать ему на благотворительность. Он попросил меня приехать, потому что я всегда готов поспорить с ним. Он умен, но и я не дурак, у меня есть опыт. Я готов сказать: «Я не согласен, вот мои аргументы». Так возникает живой диалог.

Я поехал, хотя всего за сутки до этого перенес операцию по установке электронного кардиостимулятора. Я пообещал, что приеду, еще до того, как его жена стала госсекретарем. В конце он сказал: «Я ваш должник». Я

ответил: «Я попрошу только то, что положено по закону».

Пока этот маятник (*показывает на голову*) стучит, я в порядке. Этот маятник (*показывает на сердце*) может остановиться первым. Что делать? Это жизнь. Мы не можем предсказать, когда уйдем, но пока я чего-то стою, я должен постараться собрать все то, чего мы достигли в Сингапуре. Я не заинтересован в укреплении какого-либо лидера или какой-либо системы. Я видел, как эта страна поднялась, и я не хочу увидеть, как она упадет, все очень просто.

- Говорят, что вы - величайший инноватор, появившийся в Сингапуре, и вы появились в период интенсивной политической конкуренции. При нынешней системе очень маловероятно, что появится кто-либо настолько же, прогрессивный.

- Проблемы могут быть другими, это не проблемы жизни и смерти - они не настолько неотвратимые. Но постоянные изменения также вызывают огромный стресс. Возьмите нынешнюю ситуацию (глобального кредитного кризиса). Если бы я был премьер-министром, моей повседневной заботой было бы смотреть на цифры и вопрошать: «Можем ли мы это себе позволить?» или «Если это продлится 3, 4 года, что произойдет? Нужно тщательно изучить детали». Непосредственные трудности теперь другого рода.

Я жил в напряжении по вопросу водных ресурсов с первого дня и до создания проекта «НЬЮУотер». Я все время думал об охране нашего водоснабжения до создания «НЬЮУотер». Даже когда я не был премьер-министром, я настаивал на том, чтобы каждый день получать полный отчет. Как продвигается дело? Никто не знал ситуацию с водой лучше, чем я.

Но я не считаю, что ключевые члены нынешней команды интеллектуально ниже, чем моя команда. Возможно, у них бывает меньше озарений, потому что они никогда не находились под таким сильным напряжением.

- Разве это не серьезная проблема?

- Нет, я бы не сказал. Они все ходили в школы бизнеса или изучали государственное администрирование. Очень мало систем, о которых они не знали бы. Но мои уроки были получены на улице. Это другое поколение, вот и все. Гордон Браун никогда не станет Клементом Эттли (Clement Attlee) или Хью Гейтскеллом (Hugh Gaitskell). У него другое мышление, другая база, другая ситуация. Сын и внук Уинстона Черчилля не сравнятся с ним.

- Но в их истории появлялись лидеры, которые шли против привычного порядка, как Маргарет Тэтчер. Есть ли в вашей системе

отбора место для диссидентов?

- Вы должны быть готовы идти наперекор, если вы убеждены, что идете в неверном направлении. Вы должны быть готовы сказать: «Нет, это неверно. Мы должны идти в другую сторону».

Я не считаю, что мы идем в совершенно неверном направлении, иначе я сказал бы им: «Постойте, я думаю, вы идете не туда». Я этого не вижу. Другие варианты, которые были перед нами, были тщательно рассмотрены - на внутреннем, региональном и международном уровнях. Измениться может международная ситуация и ситуация в регионе, тогда нужно будет пересмотреть этот вопрос.

ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ ОДИН БОЕВОЙ САМОЛЕТ F15

- Почему дебаты вокруг министерских зарплат до сих пор так остры?

- По поводу зарплат я совершенно спокоен. Что будет в будущем, должны решить нынешние министры. Но на их месте я бы придерживался этой формулы, возможно, усовершенствовал бы ее. Люди знают нашу систему. Если вы справляетесь, вас попросят остаться. Если вы остаетесь, вы работаете 3, 4, 5 сроков. Вы становитесь очень хорошим министром, потому что накапливаете большой опыт и принимаете взвешенные решения.

Можете ли вы стать хорошим министром в первый же срок? Нет. Это происходит только после двух сроков. Тогда вы уже понимаете Сингапур, понимаете людей, разбираетесь в работе правительства, понимаете возможности. Почему мы платим им большие зарплаты? Потому что иначе вы проработаете половину срока и скажете: «Я ухожу».

Придут ли они работать на таких условиях? Пришел бы Вивиан Балакришнан? Когда пришел Нг Энг Хен, он получал 3 миллиона долларов США в год, работая хирургом-онкологом. Шанмугам (Shanmugam) в хорошие времена зарабатывал 5 миллионов долларов. Платить ему 300 тысяч? Заплатите ему миллион с небольшим, и он будет доволен, потому что он работает не ради денег, он хочет делать хорошую работу. Он считает, что уже достаточно заработал. Но мы хотим, чтобы они остались, учились и росли. Работали два, три, четыре срока, тогда они станут по-настоящему опытными.

Вы могли заметить, что я внес поправку в закон, разрешив премьер-министру платить министру до 90 процентов зарплаты, получаемой в частном секторе, но он не воспользовался этим, так как это создает неравенство среди министров, ведь они получали по-разному на прежней работе. Он пытается поддерживать определенный баланс. Им платят по-разному, потому что их вклад также отличается. Я вижу это так: премьер-министр - это генеральный директор в команде, и он должен организовать работу команды. Эта команда обходится меньше, чем 0,02 процента от ВВП или меньше, чем министерство обороны заплатит за один боевой самолет

- Вас не беспокоит, что ваша политика министерских зарплат остается крайне непопулярной?

- Люди ожидают, что госслужба - это дело чести. Но это не так.

Проработать один срок - дело чести. Это как Боб Рубин (Bob Rubin) (бывший секретарь Департамента казначейства США). Он проработал полтора срока - это как один день - и ушел. Он вошел в корпорацию «Ситигруп» и получил 100 миллионов долларов. Или Алан Гринспен (Alan Greenspan) (бывший председатель Федеральной резервной системы) - он сделал состояние, работая финансовым аналитиком. Он проработал три, четыре срока, сделав себе имя. Потом он зарабатывал деньги и в другом месте, потому что у него имелись и богатый опыт, и сеть компаний, которую он создал на посту председателя Федеральной резервной системы.

Хэнк Полсон (Hank Paulson) (бывший секретарь Департамента казначейства США) проработал половину срока. Он был генеральным директором банка «Голдман Сакс», и ему пришлось продать свои акции или депонировать их. Но его состояние растет или уменьшается в зависимости от его деятельности на посту секретаря Казначейства. Так же действуют Ларри Саммерс (Larry Summers) и Тим Гейтнер (Tim Geithner). Пол Волкер (Paul Volcker) (бывший председатель Федеральной резервной системы в 1979-1987 г.г., председатель Консультационного Совета по восстановлению экономики при администрации Обамы) - это необычный человек. Он очень способный человек. Однажды я спросил его: «Почему Вы это делаете?» Он ответил: «В Принстонском университете нас учили приносить пользу нашему обществу». И даже когда он вышел в отставку, он не стал зарабатывать деньги. Он бесплатно работал в Совете школы Ли Куан Ю. В Индонезии он входил в консультационный совет в качестве председателя, как и я, без оплаты. Теперь он работает на Обаму, возможно, за небольшой гонорар. Он тоже необычный человек, но он считает, что ему достаточно денег. Единственная должность, на которой он делал деньги, это узкоспециализированная инвестиционная компания, где он работал с Джеймсом Вульфенсоном (James Wolfensohn). Но таков он, а в Америке немного найдется полов волкеров. Они все знают, что они могут сделать, выступать с речами, работать в сетях и т.д.

- Если эта зарплатная политика так важна для успеха Сингапура, почему так много сингапурцев возражают против нее?

- Нужно побывать в другой стране, чтобы понять, насколько она необычна. Мы находимся в той части света, где «денежная политика» является культурой, мы не в Европе, Австралии или другом регионе, где преобладают другие политические культуры, другие стандарты жизни и другое соотношение населения к ресурсам. Можем ли мы поддерживать эту систему? Вы видите своих коллег, их жены увешаны драгоценностями. А ваша? Вы не участвуете в этом соревновании. Моя жена не носит

драгоценностей, возможно, только золотые часы и нитку жемчуга. И так у всех министров. Можем ли мы поддерживать эту систему? Да, если наши люди целеустремленные и цельные.

Можем ли мы поддерживать эту систему, если просто менять правительство каждые несколько лет? Нет. Вы неизбежно пойдете по тому же пути: если я пойду вам навстречу и дам разрешение на какую-либо деятельность в Сингапуре, вы дадите мне такое же разрешение в своей стране, или, например, какую-то концессию на лес. Как доказать факт взяточничества? Я оказал вам услугу, вы оказали мне услугу, вот и все.

Мы находимся в этом окружении, но должны оставаться чистыми, чтобы не заразиться в этом зараженном регионе. Это нелегко. Нужны люди, привитые против коррупции. Если мы потеряем этот стандарт руководителей, наша сила исчезнет, и ПНД рухнет.

ТАК РУКОВОДИТЕЛИ В РОССИИ СТАЛИ КОРРУМПИРОВАННЫМИ, ТАК ЖЕ И В КИТАЕ, И ВО ВЬЕТНАМЕ

- Оглядываясь на 14 лет назад, когда правительство переделывало систему, чтобы привязать министерские зарплаты к доходам высшего руководства в частном секторе, можете ли вы сказать, что довольны результатом?

- С тех пор прошло трое выборов. На каждых выборах встает вопрос о высоких зарплатах. Если бы это было так важно, а мы бы ничего не предпринимали, выборы уже пошли бы по другому пути. ПНД уже не было бы. Но мы работаем. Система работает. Будет ли она продолжать работать? Надеюсь. Но потребуются ли корректировки? Да. Я не знаю, как будет развиваться экономика и частный сектор. Некоторые отрасли могут расти быстрее, чем другие, и мы будем приспосабливать формулу.

Возьмите коммунистическую систему: я буду решать, чего вы достойны - класса 1, 2, 3 или 4. Если вы вошли в класс 1, вы должны ходить в этот хороший магазин, эту хорошую больницу и т.д. Рухнула система, при которой все магазины заполнились товарами, но не было денег их купить. Деньги были определяющим фактором, имели вы то, что хотели, или нет. Сразу же официальные лица сказали: «Мы даем вам разрешение на эту деятельность, вы можете зарабатывать миллионы. Отдавайте нам часть этих миллионов». Так возникла коррупция. Так руководители в России стали коррумпированными, так же и в Китае, и во Вьетнаме.

Мы не стали коррумпированными. Если мы станем, мы погибнем. К нам поступают инвестиции, независимо от экономического спада, потому что во время спада люди говорят: «Хорошо, пойдём в Сингапур, пока все дешево. К тому времени, как я все построю, спад закончится, и бизнес снова развернется в регионе». Почему? Потому что мы эффективны, честны и надежны. Мы не меняем нашу политику.

- Есть опасение, что с такими высокими зарплатами министры будут чувствовать себя обязанными премьер-министру и не пойдут против его мнения, потому что слишком много потеряют.

- Шанмугам боится возвращаться в юриспруденцию? Он может вернуться в любое время. Он создал себе репутацию. Нг Энг Хен,

возможно, уже не работает руками как практик, но он по-прежнему онкохирург высочайшего класса. Они не чувствуют себя обязанными. Это смешно, абсурдно. Если вы не соответствуете - вы не будете работать, если же соответствуете - вам трудно найти замену. Это просто. Если премьер-министр своей властью заставляет министра слушаться, он останется с неработающим Кабинетом.

- Вы говорите, что в Кабинете нет соглашателей, потому что у них есть выбор, они могут уйти. Вы упомянули Шанмугама, Нг Энг Хена. Большинство согласится, что такие, как Шанмугам, имеют выбор. Но разве это так для остальных: членов Кабинета, особенно тех, кто пришел, скажем, из армии или с госслужбы, или тех, кто был ученым?

- Если они люди качества, у них не будет проблем с уходом. Если вы успешны как министр, то нет проблем с уходом. У нас маленькое общество. На самой вершине, может быть, не больше 3000 человек, скажем, генеральные директора, исполнительные директора, финансовые директора, президенты, заместители президентов из так называемого списка «Кто есть кто». Можно просто поднять трубку и спросить: «Вы знаете этого человека? Какой он?». Есть специалисты по кадрам, которые знают каждого выдающегося человека.

Вопрос высокой оплаты никогда не будет полностью решен. Некоторые сингапурцы считают, что министры должны работать за честь и славу. Но сколько из них будут так работать больше одного срока? Мое поколение работало так, потому что мы готовы были отдать все. Мы поставили свои жизни на кон за возможность делать то, во что верили.

Сможет ли следующее поколение сделать так же? Нет. У них есть выбор. Если бы мне было сейчас 30 лет, пошел ли бы я в политику? Нет. Зачем? Теряешь частную жизнь. Что получаешь взамен? Нападки. Я могу стать профессионалом. Мой брат, юрист, заработал более 100 миллионов долларов. Потом он занялся недвижимостью и перевозками. Зачем же мне эта работа? Она не приносит славы. Есть только пот. Это груз забот: о водоснабжении, об экономике, о том, что рядом с нами планируют возвести загрязняющие окружающую среду предприятия, такие, как сталелитейные заводы, и муссоны будут сносить на нас весь смог. Приходится думать обо всех этих потенциальных проблемах.

Поэтому молодое поколение думает: «Если я не буду заниматься политикой, и что-то пойдет не так, я просто соберусь и уйду. У меня есть грин-карта США». Сейчас подобные возможности есть у хорошо образованных сингапурцев.

Чтобы появилось такое же поколение, как мое, нужна еще одна

революция. Когда я пошел в политику, то рискнул не только состоянием, но и жизнью. Если бы я проиграл, коммунисты схватили бы меня и промыли мозги. Мое поколение нельзя воспроизвести вновь.

ОНИ НЕ ВИДЯТ ПРИЧИН ПРИНОСИТЬ ТАКИЕ ЖЕРТВЫ

- В двух своих выступлениях в 1994 году вы говорили, что урегулирование проблемы министерских зарплат приведет к проблеме недостатка министров с опытом работы в частном секторе, так сказать, дефицит таких, как Лим Ким Сан (Lim Kim San). Вы довольны тем составом министров, который есть сейчас в кабинете?

- Сегодня Лим Ким Сан, возможно, не захотел бы работать. Лим Ким Сан начал работать, потому что знал, что я с этим связан. Он дружил с Го Кен Сви, он знал меня. Он понимал, что если не начнут работать такие способные люди, как он, Сингапур погибнет. Что тогда станет с его бизнесом? Но в нынешних условиях такой человек скажет: «Нет, оставьте меня. Я не умею говорить речей. Я не люблю ездить и целовать младенцев». Это так. Ситуация изменилась. Наше общество изменилось, политический сценарий изменился. Они не видят причин приносить такие жертвы.

Я убедил Эдди Баркера (Eddie Barker) оставить юриспруденцию, сказав ему: «Эдди, думаешь, ты будешь продолжать заниматься юриспруденцией, если я проиграю? Если придут коммунисты, что будет с законом?».

Он обдумал это. Я был прав, поэтому он присоединился к нам. Но как только Сингапур встал на ноги, и все стабилизировалось, он сказал: «Послушайте, я еще не выплатил ипотеку за дом». Вот тогда я стал менять уровень зарплат. Когда через несколько сроков он вышел в отставку, у него уже не было сил заниматься юриспруденцией.

Мы не можем ожидать, что ситуация, которая существует сейчас, будет существовать в будущем. Возьмите «Стрэйтс Таймс»: вы платите стипендии SPH («Сингапур Пресс Холдинге»). Ну и сколько стипендиатов осталось работать? У вас те же проблемы, так? Зачем быть журналистом с ненормированным рабочим днем, если можно работать в корпорации директором по связям с общественностью?

Даже мой второй сын не захотел надолго остаться в армии. Ему говорили, что, если он останется, то будет главой обороны, потому что у него такой масштаб. Он сказал: «Нет. Я пойду работать в «СингТел»». После «СингТел» он перешел в компанию «Фрейзер и Нив» и теперь сам заботится о своей карьере.

Это другое поколение. Он был слишком маленьким, и его не затянуло, он не понимал, что такое восстания и неожиданное введение комендантского часа в 1964 году.

А моего старшего сына это затянуло. Он был достаточно большим и ездил со мной на избирательные участки во время предвыборных кампаний. Он знал суть этой борьбы. Он решил: «Я буду участвовать». Нельзя воспроизвести то поколение с теми же мотивациями, потому что условия изменились. Каждое поколение уникально.

РАБОТА, А НЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

- Что вы отвечаете на критические высказывания о том, что только ученые достигают высших постов в правительстве?

- Когда мы начинали обновление в 1968 году, у нас были кандидаты наук Чианг Хай Дин (Chiang Hai Ding), Вон Лин Кен (Wong Lin Ken) и другие. Это не работало. Также Тан Энг Лиан (Tan Eng Liang), стипендиат Родса. Мы задумались основательно: каковы качества успешного руководителя? Каковы качества министра? В течение многих лет мы усовершенствовали систему и учились у других организаций, как они выбирают руководителей. Это не просто политические лидеры. В каждой области нужны руководители: будь то наука, корпорация или что-то еще.

Если вы посмотрите на министров за много лет, сколько из них было стипендиатов президента, и сколько были успешными? Сколько стипендиатов Вооруженных Сил были успешными? Сколько местных стипендиатов, зарубежных стипендиатов были успешными?

Я не был ученым. Джаякумар не был ученым. Вон Кан Сен получал местную стипендию. Тарман Шанмугаратнам не получал ничего. Почему мы выбрали его? Он не получал высших баллов в лондонской школе экономики, только хорошие баллы. Но мы увидели, как он работает в Денежно-кредитном управлении, и, хотя у него была утечка информации, я решил, что мы его не уволим, а предупредим. В конце концов, мы решили, что он так хорошо работает, что мы вовлечем его в политику, и он стал очень хорошим министром финансов и министром образования. Но он не ученый.

Как же мы пришли к этому выводу? Путем проб и ошибок. Мы начали с академических степеней, и процент неудач был очень высоким. У них не было других качеств. Постепенно мы стали думать, как уменьшить процент неудач.

За несколько лет мы пришли к выводу, что руководитель должен иметь эти базовые качества независимо от отрасли, будь то «Дженерал Электрик», IBM, «Майкрософт». Высокий коэффициент интеллекта необходим, но это только одна составляющая. Эмоциональный коэффициент, лидерство, стойкость, целеустремленность, находчивость, целый букет других качеств, которые проявляются в успехе либо в делах, либо в профессии.

Когда мы начинали, в моем первом Кабинете было всего пять «звезд», остальные были посредственностями. Поэтому основную нагрузку я

отдавал этим пяти «звездам». Вы можете посмотреть: Го Кен Сви, Хон Суй Сен (Hon Sui Sen), Лим Ким Сан, С. Раджаратнам (S. Rajaratnam), было еще один-два человека. Другие были середняками. То Чин Чай стал кандидатом наук, он хороший исследователь. Но есть ли у него «свойство вертолета»? И мне пришлось сместить его с поста заместителя премьер-министра, хотя он был основателем партии, потому что у него не было этих качеств, и во время кризиса он принимал поспешные решения. Когда в сентябре 1964 года в мое отсутствие произошел второй бунт,¹⁴ Эдди Баркер сказал мне: «Если он будет принимать решения, я выйду из правительства». Поэтому без шума, чтобы То Чин Чай не потерял лица, я перевел туда Го Кен Сви, потому что у него было достаточно авторитета, чтобы справиться с кризисом. Афишировал ли я это? Нет. Но замечаю ли я спустя многие годы, что ему этого не хватает? Да, потому что иначе мы окажемся в беде. Так что вы видите по той ответственности, которой он наделен, что они имеют предел. Я не хочу принижать его заслуги, но у него есть свои ограничения.

Вон Кан Сен не ученый. Джаякумар не ученый. Но у них есть собственное мнение, они могут управлять людьми. Почему мы выбрали Вон Кан Сена? Потому что, когда сюда прибыли на лодках беженцы из Вьетнама, Го Кен Сви сказал: «Отправьте их обратно». И он работал как сумасшедший, чинил их лодки, снабжал едой и водой и отправлял обратно, чтобы они нас не захлестнули. Он человек действия. У него есть это качество. С каким счетом он победил? Не знаю, может быть, 2:1, может быть, 2:2? Не важно. Но у него достаточно ума, хорошее чувство реальности и воображение, дела делаются.

- Как бы вы убедили обычного молодого сингапурца, который спросит: «Откуда вы знаете, что «прочесали» всю страну и нашли всех способных людей, которые могут управлять страной?»

- Я не утверждаю, что мы нашли всех способных людей, которые могут управлять страной. Я только говорю, что мы ищем людей, которые показывают качества будущего лидера, и нам нужно их испытать. Чианг Хай Дин - хороший историк. В конце концов, нам пришлось сделать его послом. Он не подходил. Бона Лин Кена мы назначили министром, но он не справился. Кандидатуру Тан Энг Лиана пришлось отбросить. В конечном итоге значение имеет работа. Также и Джаякумар, Вон Кан Сен или Тарман Шанмугаратнам. Академические достижения ничего не значат. Есть ли способности у вас? Шансы есть, но в 50 процентах случаев те, кто подходит, обычно показывают на протяжении всей своей карьеры, что они входят в 5 процентов лучших. Потому что важен не только коэффициент интеллекта, важно умение применить свои способности.

МЫ НАЧИНАЛИ С ПОТОМКАМИ ФЕРМЕРОВ

- Должен ли был Сингапур попытаться построить надежную местную промышленную элиту?

- В нашем глобализированном мире, если вы недостаточно велики, чтобы быть на вершине в конкретной отрасли, вы всегда будете играть второстепенную роль. Когда я стал членом совета (немецкой автомобильной компании) «Даймлер-Бенц» в 1992 году, председатель и исполнительный директор Юрген Шремп сказал мне, что по всему миру исчезнут многие брэнды и останутся, объединившись, всего 10 - 12 брэндов. Он был убежден, что «Мерседес-Бенц» будет среди них. Поэтому он считал, что компания должна стать мировой. Он приобрел (американскую автомобильную компанию) «Крайслер», но это окончилось неудачей, потому что не произошло слияния культур. Он двинулся в Японию и Корею, но так же неудачно.

Посмотрите, если вы недостаточно велики, то чемпионами в любой конкретной отрасли будут те, кто являются лучшими в этой сфере. Возьмите Тайвань. Им кажется, что они достаточно велики - более 20 миллионов населения. Они запретили импорт и стали развивать заменители импорта. На начальной стадии у них получилось с ноутбуками, полупроводниками и компьютерными чипами.

Но в последней статье «Уолл Стрит Джорнэл» говорится, что их опередили. Они не могут конкурировать с Японией и Кореей, потому что у этих стран больше населения и больше талантливых людей. Я думаю, тайваньский (президент) Ма Инцзю пытается поддержать крупные тайваньские компании денежными вливаниями. Но это краткосрочная мера. Вопрос в том, ведутся ли научные исследования, чтобы не отстать в

развитии?

В Гонконге 7 миллионов населения, это также недостаточно для конкуренции. Что есть в Гонконге? Застройщики (девелоперы) и биржевые игроки. Создает ли миллиардер Ли Ка-Шинг продукт, который продается по всему миру? Нет, он просто покупает недвижимость, порты, розничные магазины и телекоммуникационные компании. Он создает рынок. Какая компания самая успешная в Гонконге? «Ли энд Фунг». Два талантливых брата, участвующих в логистической цепочке каждой компании. Они не занимаются производством, потому что не могут конкурировать. Китай занимается производством. И все же, Гонконг начинал с множеством готовых предпринимателей с материка. У нас не было даже этого. Мы начинали с потомками фермеров, некоторые из которых стали торговцами. И только через долгое время многие стали профессионалами и предпринимателями.

- Но разве какая-нибудь сингапурская компания, как Creative (производитель цифровых развлекательных продуктов), не может стать компанией мирового уровня? Когда-то она была мировым лидером по производству звуковых плат.

- Да, Creative была одной из немногих новаторских компаний в Сингапуре. Но сколько проблем и испытаний им пришлось пережить. Им пришлось нанимать людей из Кремниевой долины, чтобы выдержать конкуренцию, потому что и Сингапуре нет критической массы талантов. А в итоге все, что имеет сейчас компания Сгеайуе, это MP3-плееры. А их звуковые карты и прочее... Другие компании их опередили.

В области продуктов и напитков хорошо работает компания «Ти Йи Джиа». Но как только компании начнет преуспевать в Америке, ее поглотят такие конгломераты, как «Пепсико». Откуда я это знаю? Я спал на собраниях «Пепсико». Они собирают продукты питания со всего мира и продают в своих магазинах в Латинской Америке и в кинотеатрах всего мира. Они купят «Ти Йи Джиа», а «Ти Йи Джиа» не может конкурировать с ними, потому что где у них магазины?

Так что я считаю, что обычные экономисты не дали себе труда сесть и подумать. В глобализированном мире, где ваши рынки открыты, - а этот мир наступит, хотите вы того или нет - каково наше будущее? Пытаться конкурировать? Где? Что производить? Устройства? Какие устройства? Что бы мы ни делали, китайцы, индийцы или вьетнамцы будут делать то же самое.

НЕ ПРОЯВИМ ГОСТЕПРИИМСТВА К ТАЛАНТАМ - НЕ БУДЕМ РАЗВИВАТЬСЯ

- И все же мы до сих пор пытаемся создать себе имя, как промышленный центр, и входим в новые области, такие, как медико-биологические науки...

- Действительно, мы вступаем в такую активно развивающуюся область, как медико-биологические науки, но станем ли мы лидерами в открытиях в этой области? Нет. Мы обеспечиваем компаниям сохранность их открытий, защиту авторских прав, привлекательные условия жизни для их исследователей и ученых, условия для исследований и испытаний новых продуктов на нашем населении, потому что наши больницы хорошо ведут учет, и у нас есть разные расы и наборы генов.

Но и здесь мы не идем вслепую. Теперь китайцы также приводят в порядок свои больницы. И тестировать лекарства на китайцах компании будут в Китае, потому что у них больший объем китайских генов. Но у них нет защиты интеллектуальной собственности, а также у них нет индийцев, малайцев, европейцев и других, которые есть у нас, поэтому мы сможем продержаться 20, 30 или более лет. Я не думаю, что индийцы смогут привести свои больницы к мировым стандартам или обеспечить защиту интеллектуальной собственности за это время.

Нам приходится сталкиваться со свободным рынком в технологически глобализированном мире. Каждая страна сталкивается с этим. Это не может сделать Тайвань и Гонконг. А Шэньчжэнь может - не потому, что у них 7 миллионов жителей, а потому, что эти 7 миллионов происходят из 1300 миллионов. С кем нам приходится работать? С сингапурцами, которых 3,2 миллиона. Без опыта, который приносят имеющие разрешение на работу иностранные сотрудники, мы бы не смогли это сделать. Поэтому и в дальнейшем нам нужно привлекать таланты. Если мы не проявим гостеприимства к талантам, мы не будем развиваться. Это жизнь.

- Значит, вы считаете, что маленькая страна с небольшой численностью населения и ограниченными ресурсами обязательно испытывает недостаток критической массы, чтобы породить мирового лидера в промышленности, так что не стоит и пытаться?

- Да, если вы станете успешными, вас захватят. Выйдете на мировой уровень, и тут же окажется, что какая-то компания наблюдает за всеми подобными конкурентами.

- Но Финляндия произвела фирму Nokia, а в Швеции есть такая компания, как Икеа. Похоже, эти компании далеко превосходят то, что может дать размер их стран.

- Хорошо... Швеция, Икеа. Нужно ли нам заниматься этим? Есть у нас древесина и дизайнеры? Шведы - хорошие дизайнеры, так? Исторические корни Nokia лежат и обществе, контролируемом Советским Союзом. В Финляндии 5 или 6 миллионов человек. Могут ли они в долгосрочной перспективе конкурировать с Кореей или Японией? Сколько у них умных людей с изобретательным, креативным мышлением?

Сравните с Японией и США. Японцы работают над каждым продуктом и постоянно его улучшают. Я пользуюсь электробритвой, и каждые полгода появляется новая модель. Иногда она становится ненамного лучше прежней, а все усовершенствования - просто уловки, так что я говорю: нет, мы это не купим. Но они постоянно над ней работают. Возьмите счеты - у китайцев они имеют две костяшки на каждом стержне в верхней части и пять костяшек на каждом стержне в нижней части, а у японцев одна и четыре соответственно, и они заостренные, чтобы не стучали. Они совершенствуют все - от палочек для еды до автомобилей.

С другой стороны, американская культура основана на принципе: начнем с нуля и победим всех. Поэтому я уверен, что американская экономика поднимется. Они уступили Японии и Германии в производстве, но у них появились интернет, «Майкрософт», Билл Гейтс, Dell и т.д. Они внезапно наполняют рынок и снижают цены, так что европейцы и японцы должны догонять.

Японцы первыми ввели систему управления запасами «точно в срок». Они экономят на марже, но американцы прорываются вперед с чем-нибудь совершенно новым. Какой тип мышления для этого нужен? Это часть их истории. Они пришли на пустой континент и сделали из него самое лучшее - убили индейцев и захватили землю и бизонов. Тем они и закончили - ты построишь здесь город и станешь шерифом, я буду судьей, ты полицейский, ты банкир, начинаем. И эта культура существует по сей день. У них есть вера в то, что им все по силам.

МЫ РЕШИЛИ СТАТЬ ОТКРЫТЫМИ И БРАТЬ ЛУЧШЕЕ

- В списке крупнейших всемирных корпораций Fortune500 присутствует достаточное количество небольших европейских государств. Сингапурских компаний там нет, но есть две финские и шесть шведских, а также 14 швейцарских.

- Во-первых, позвольте объяснить вам их преимущества. У них есть европейский рынок, не так ли? Евросоюз разрешает им использовать этот рынок. Поэтому у них более широкая база. Граждане Евросоюза могут пересекать границы, и им не нужен для этого паспорт или что-то еще. Поэтому если вы говорите «Швеция», это не значит, что предприниматель - швед. Все могут в этом участвовать. Все страны северной Европы взаимозаменяемы, они просто используют базу Швеции и начинают развитие оттуда. Датчане, шведы, норвежцы... это все один и тот же народ. Ирландия с ее количеством иммигрантов более космополитична, чем Сингапур. У них есть еще и огромная ирландская диаспора. Так что они черпают таланты из более широкой базы, а это огромное преимущество. В Сингапуре мы знаем, что существуют ограничения в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Филиппинах. Где же наш рынок? Поэтому, имея такие проблемы в Сингапуре, мы должны остановиться и обдумать их. Экономисты и другие наблюдатели приезжают к нам и судят по тому, что происходит и других местах. Они говорят, что мы не взращиваем предпринимателей. Вот вопрос: можем ли мы дать достаточно предпринимателей, чтобы наша экономика развивалась? Гонконг и Тайвань не могут. Можем ли мы конкурировать с крупными экономиками в области исследований, не имея той же критической массы?

Если бы мы были евреями, возможно, смогли бы. У евреев больше ума на тысячу человек населения, чем у любой другой нации мира. Я читал в журнале The Economist, что когда российские евреи приезжали в Израиль, за ними наблюдали при выходе из самолета. Если у человека большой багаж, значит, у него контрабас, если средний, то скрипка, а если маленький, то труба. Если багажа почти нет, это либо пианист, либо ученый, везущий только документы. Таково качество людей, которых русские имели глупость выгнать. Они могли приносить пользу России.

К счастью, наша стратегия была успешной. Мы решили стать открытыми и брать лучшее. Когда Китай начал индустриализацию, они

могли пойти по японскому или корейскому пути. Они не дураки. Они знали, что у них есть критическая масса и мозги. Они обучают своих людей на всем протяжении карьерной лестницы - лучшие школы, лучшие университеты, везде исследования. Что они делают? Пытаются создать собственную лучшую машину? Нет. Они приглашают к себе все транснациональные компании. Да, вы привозите свои устаревшие модели, но вы берете на работу наших инженеров, дизайнеров и рабочих. Китай сам по себе не может догнать Hyundai или Toyota. Но при таком изобилии своих лучших руководителей и исполнителей, работающих на транснациональные компании, они могут все соединить и создать свой «Лексус». Сегодня у них есть маленький Chery. Через 20 лет они создадут новый «Лексус» или «Мерседес-Бенц». В конце концов, они создадут реактивный самолет.

- Значит, что касается производства, Сингапур всегда будет зависеть от транснациональных компаний?

- Конечно.

- И наша экономика всегда будет обслуживать крупных транснациональных производителей?

- Посмотрите на наших соседей и сами сделайте вывод. Разве мы в Европе? Разве мы в регионе Тихого океана? Если бы мы были на Тихом океане, дело было бы безнадежно. Представьте, что мы на Фиджи... Кто летает на Фиджи? Раньше на Фиджи летали, чтобы попасть в Австралию. Теперь, с возможностью долгих перелетов, люди летают на Фиджи только за дешевым отдыхом. Если вы на Фиджи, как вы добьетесь успеха? Вот они и стали просто курортом для американцев. Пляжи с белым песком, приветливые люди, кокосы. Хорошие отели, построенные американскими компаниями, население обслуживает туристов.

Мы в Сингапуре, и в пределах 6 часов полета у нас есть рынок из двух с лишним миллиардов человек. Мы поднялись в течение жизни одного поколения. Как мы это сделали? Мы смотрели на окружающий мир и говорили: мы идем туда, мы напряжем все силы и доберемся туда. Как нам подняться еще выше? Не нужно конкурировать с Китаем или Индией там, где у них больше возможностей. Мы добиваемся успеха, оставаясь в маленьких нишах, сохраняя качества, которых у них нет, такие, как надежность, стабильность, защита интеллектуальной собственности и соблюдение законов. Этого у них не будет еще долгое время.

Если бы у меня был Шэньчжэнь в малайзийском городе Джохор Бахру, я думаю, мы бы сели и подумали, не стоит ли нам присоединиться? Я не шучу. Я не имею в виду, что все лучшие люди уезжают в Шэньчжэнь, но

многие из лучших там. И там говорят на мандаринском, а не на кантонском диалекте китайского. Он изменился за то короткое время, с тех пор, как Дэн Сяопин открыл его в 1980 году (Шэньчжэнь стал особой экономической зоной 1 мая 1980 года). За 20 с небольшим лет он из маленькой деревушки превратился в огромный город с 7 миллионами жителей. Жители Гонконга приезжают туда сделать прическу, маникюр и сшить традиционную китайскую одежду чонсам. Гонконгские портные не могут конкурировать. Если бы Джохор Бахру стал подобным, нам пришлось бы сесть и подумать: куда мы идем?

С ТЕМ, ЧТО У НАС ЕСТЬ, МЫ ВСЕ РАВНО МОЖЕМ ДОСТИЧЬ ХОРОШЕГО УРОВНЯ ЖИЗНИ

- Ваши взгляды на ограничения местной промышленности в Сингапуре... В этом причина того, что многие говорят, что правительство Сингапура не дает достаточной поддержки местным предприятиям, потому что поддерживает транснациональные компании?

- Нет, нет и нет. Посмотрите, американские средние и малые предприятия не обращаются к правительству за поддержкой. В Кремниевой долине они идут в гараж, возятся с техникой и делают состояние. А если кто-то пытается получить государственную поддержку, или обучается менеджменту, или получает кредиты, значит, они никуда не годятся.

Запомните: не верьте, что парни наверху - это просто предприниматели. Это все мощные умы. Билл Гейтс, Майкл Делл, Джон Чемберс из «Сиско». Я знаком с ними, они очень способные люди. Где наши способные люди? В малом и среднем бизнесе? Нет, малый и средний бизнес (МСБ) подбирает таланты второго и третьего уровня. Первый уровень не будет на них работать. В этом нам повезло, верно?

Как это делает Малайзия? Они блокируют наш импорт и говорят: давайте, вы развивайте (нефтегазовую компанию) «Петронас» и развивайте «Протон». Но когда они начинали работать с «Протоном», я помню, что сказал мне Юрген Шремп. Он сказал: «Они обречены». Конечно, они были обречены, никаких шансов. Мир объединяется, а вы хотите создать маленькое собственное производство, когда все торговые связи открыты? Таиланд стал похож на Детройт в Юго-Восточной Азии, там делаются все запчасти и собираются машины. Как вы можете конкурировать? Поэтому, чтобы защитить «Протон», малайзийцы блокируют импорт и откладывают заключение соглашения о свободной торговле. Это национальная гордость, но можно ли спасти ZZПАротон»? «Фольксваген» хочет его выкупить, но малайзийцы говорят «нет», они должны сохранить власть. Теперь эта компания по-прежнему убыточная. Мы бы сказали: «Выбросите эту компанию, потому что она застряла в самом низу автомобильной индустрии и обречена на провал».

- Критики малого и среднего бизнеса говорят, что это вопрос

баланса. Правительство долгое время поддерживало транснациональные корпорации, и малый и средний бизнес заявляет, что если бы им уделяли хоть часть такого внимания и позволили нащупать области, где они могут конкурировать, то они стали бы сильнее. Возможно, мы не хотим конкурировать с такими компаниями, как «Кока-кола» и «Самсунг», но мы могли бы сделать что-либо меньшего масштаба в Азии.

- Сектор малого и среднего бизнеса развился, становясь изначально поставщиком для транснациональных компаний. Поэтому, если транснациональные компании переезжают за рубеж, малый и средний бизнес идет за ними. Они производят те промежуточные вещи, которые транснациональные компании не хотят производить. Так они учатся, так начинают расти. Транснациональные компании запускают производственные возможности нашего сектора малого и среднего бизнеса.

Посмотрите, когда мы начинали, у нас не было никакого производства. Ни один коммерсант не хотел заниматься производством. Поэтому мы создали Банк развития Сингапура (DBS). Банки не хотели ссужать деньги торговцам, исходя из того, что торговцы ничего не знают о производстве. Имело ли это успех? Хорошо, тогда мы открыли сталелитейную компанию NatSteel. Что мы можем сделать? Закупать сырье и развивать бизнес. Но для чего? Для строительства... для чего еще? Можете ли вы сравниться с производством железа и стали в Корее или Китае? Сейчас Китай - крупнейший производитель железа и стали. В Японии работают высокотехнологичные сталелитейные заводы. И, в любом случае, будет огромное загрязнение окружающей среды. Я ездил в австралийский город Перт, там рядом крупная шахта железной руды. Я поехал посмотреть. Там присутствовала австралийская горнодобывающая компания, которая хотела устроить на наших островах Убин или Теконг перевалочный пункт для хранения руды и сэкономить на перевозке. Я посмотрел на это только один раз и сказал: «Нет. Исключено». Вся область Чанги будет покрыта этой пылью.

Мы исследовали все. Хотите заняться легковыми автомобилями? Мы собирали автомобили. Мы собирали холодильники и кондиционеры. Вы хотите делать кондиционеры и усовершенствовать их, как делают японцы? Возьмите пульт дистанционного управления... управление скоростью, клик, клик, вентиляторы вращаются быстрее или медленнее. Вы можете это сделать? Никогда. Посмотрите, какие проблемы были у компании Creative (сингапурский производитель напитков). «Йоу Хиап Сенг» имел большие проблемы в Китае, потому что они столкнулись с конкуренцией. Китайцы

говорят: ZZAAx, вот каков ваш чай с хризантемой. Мы его улучшим». Так что, когда компания «Йоу Хиап Сенг» делает свой чай с хризантемой и экспортирует его туда, он стоит дороже. Могут ли они конкурировать? Где их исследования? Это невозможно, будем реалистами.

- Мы все очень расстроились...

- Нет, я не расстраиваюсь! Я реалист. Я утверждаю, что это наши возможности, и это конкуренция, с которой мы сталкиваемся. С тем, что у нас есть, с нашими активами и возможностями, мы все равно можем достичь хорошего уровня жизни, если будем реалистами.

ВОПРОС СТОЯЛ О ТОМ, СМОЖЕТ ЛИ СИНГАПУР ВЫЖИТЬ СРЕДИ СОСЕДЕЙ

- Итак, значит, у нас нет критической массы, чтобы стать производителями лучших в мире вещей, или стать лучшими инноваторами. Тогда в чем наше конкурентное преимущество? Возможно, это наша способность обеспечить нужную инфраструктуру, власть закона, систему управления. Но достаточно ли этого для нашего развития?

- Если бы мы не имели этого, что бы с нами произошло?

- Да, но раз мы имеем эти качества, достаточно ли их для дальнейшего развития?

- Это те основы, которые отличают нас от соседей. Когда я начинал, вопрос стоял о том, сможет ли Сингапур выжить среди соседей, у которых больше природных ресурсов, человеческих ресурсов и пространства. К тому же мы зависели от них в вопросах торговли, потому что мы были перевалочной базой. Поэтому, обдумав это и обсудив с коллегами, я решил, что мы должны стать другими. Мы должны дифференцировать себя от них, или мы погибнем.

Как мы дифференцировали себя от них? Они не обладают чистой системой, мы управляем чистой системой. Их власть закона ненадежна, мы же придерживаемся закона. Если мы пришли к соглашению или приняли решение, мы строго придерживаемся его. Мы стали надежными в глазах инвесторов. Инфраструктура мирового класса, обслуживающий персонал мирового класса, все образование на английском языке. Хорошее сообщение по воздуху, по воде, по кабелю, по спутнику, а теперь и через интернет. Этим мы отличаемся от всех остальных в этом регионе. Вы хотите работать в Бангкоке? Вы уверены, что аэропорт будет открыт? Хотите поехать в Куала-Лумпур? В Джакарту? В Манилу? У вас такое дорогое оборудование, где вы хотите его разместить?

Посмотрите на (нефтехимический центр) Джуронг Айленд. У нас мало земли, поэтому мы добавили там земли. Мы сначала насыпали землю, а теперь будем копать подземные пещеры (для хранения нефти). Зачем? Потому что у нас надежная страна, на нас можно положиться. У нас правит закон, мы никогда не нарушаем слова. Мы поддерживаем стабильность, спокойствие на производстве, и нам можно полностью доверять. Вы хотите вложить деньги в Китай. Да, но только при условии, что китайцы вложат

столько же, а вы находитесь под контролем. А у нас все будет принадлежать вам. Компания «ЭксонМобил» вкладывает дополнительно 4 миллиарда долларов США в постройку нефтеперерабатывающих мощностей. Председатель Совета директоров компании Рекс Тиллерсон привезет весь совет посмотреть на это место. Он попросит меня встретиться с советом. Для чего? Чтобы совет понял, что его решение было верным. Воссоздать Сингапур непросто, и если его разрушить, возможно, построить заново уже не получится.

- Вы считаете, что исследования и разработки необходимы для развития страны?

- Да, точно.

- И вы, кажется, исключили их из жизнеспособных элементов, необходимых для Сингапура...

- В производстве.

- Но этот сценарий не совсем сочетается с тем, что пытается делать само правительство, а именно - уделять больше внимания исследованиям, разработкам и инновациям. Согласно нескольким последним исследованиям Сингапур занимает первое место по инновациям. Я бы предположил, что, если мы хотим развивать исследования, разработки и инновации, одним из способов могла бы стать поддержка малого и среднего бизнеса, наших собственных компаний...

- Но где исследовательские умы? Я однажды разговаривал с главой отдела исследований и разработок компании «Филипс» (нидерландский гигант в области электроники). Он приезжал сюда 15 или 20 лет назад, и я никогда не забуду, что он мне сказал. Он говорил очень откровенно и сказал, что когда проводишь исследования, ум должен быть нацелен в одну точку, пока не произойдет прорыв, и ты не увидишь свет в конце тоннеля. Ты все копаешь и копаешь и никогда не сдаешься.

Знаете ли вы сингапурца, который бы так делал? Его мама, папа, братья, сестры, дяди - все в финансовом бизнесе, сделает ли он много денег по сравнению с ними? Некоторые работают врачами или юристами. Они скажут: «Заниматься исследованиями... А что это?» Создавать лекарства, как «Пфайзер», «Мерк», «ГлаксоСмитКляйн»? Сможете ли вы превзойти их, ведь у них десятки тысяч исследователей по всему миру?

Я встречался с главой (фармацевтической компании) «Новартис», он швейцарец и очень верит в Сингапур. Я сказал: ZZBAы знаете, мы пытаемся заниматься исследованиями». Он ответил: «Это очень сложно. Нужен большой запас талантов. Мы перенесли исследования из

Швейцарии в Бостон. Там есть семь или восемь университетов, со всеми ними мы сотрудничаем одновременно». Запас талантов есть не только в «Новартис», но и вокруг Бостона, где преподают и занимаются исследованиями лучшие умы.

Поэтому я испытываю серьезные сомнения, когда предлагают заняться медико-биологическими науками. Это был план Филиппа Ео. Я сказал: «Послушайте, а где талантливые умы? Что бы мы ни сделали, сделают и китайцы, и индийцы, и вьетнамцы. Как нам конкурировать?»

Тогда Филипп Ео заявил, что мы можем привезти талантливых людей из-за рубежа и платить им стипендии. Останутся ли они? Что ж, давайте попробуем. Сюда приезжают не «киты» или выдающиеся ученые, которые останутся только до тех пор, пока мы финансируем исследования. Но если приезжающие со всего мира, а особенно из Азии, стипендиаты, которых мы посылаем защищать диссертации, вдруг уедут обратно в свои страны, это будет для нас проблемой.

Поэтому мы надеемся, что они осядут здесь, женятся на местных или на представителях своего народа и останутся здесь, потому что здесь лучше, чем в Китае, Вьетнаме или Индии. Они нужны нам. И они сделают это, потому что какая у них есть альтернатива? У сингапурца есть такая альтернатива. Он может стать юристом, врачом, бухгалтером, банкиром, брокером, заниматься недвижимостью. Но он скажет: «Вы хотите, чтобы я нашел лекарство от этой болезни? Можно потратить на это всю жизнь и ничего не найти!»

ПОСМОТРИТЕ НА ВСЕ УСПЕШНЫЕ КОМПАНИИ, ГДЕ КЛЮЧ К ИХ УСПЕХУ?

- Но кроме надежды, что эта группа останется и пустит здесь корни, что еще можно сделать в поддержку наших компаний, так, чтобы такие сопутствующие эффекты, как передача знаний и другие, также перешли и в сферу компаний, а касались не только трудовых ресурсов?

- Чтобы были сопутствующие эффекты, нужны люди с мозгами, способные их воспринять! Филипп Ео был направлен в (агентство по развитию предприятий) «Спринг Сингапур», чтобы сформировать сектор МСБ. И первое, чем он вынужден заниматься, это объяснять основы управления и как правильно вести бизнес. Что делают сингапурцы, когда начинают заниматься бизнесом? Они открывают магазин, потому что считают, что это и есть бизнес. Открывай магазин или ресторан, покупай и продавай. Что еще они делают? Посмотрите на нашу историю, что мы сделали?

Тайваньцы попробовали и бросили, они не могут конкурировать. Корейцы пытаются, их 50 с лишним миллионов, и они не дураки. Они нанимают японских экспертов, которых сократили или с которыми они познакомились в колледже, и теперь они добились некоторых прорывов. Они пытаются делать автомобили, телевизоры с плоским экраном и мобильные телефоны. Я встречался с руководителями их чеболей (южнокорейская форма финансово-промышленных групп. - Прим. перевод.), спрашивал их, как они добились своего положения, и они объясняли это мне. Они учились в университетах Японии, там работали их ровесники. Так что они предлагали этим японцам более высокую зарплату и привозили их в Корею, где они передавали свои знания.

Можем ли мы делать так же? Может ли наш малый и средний бизнес делать так же? Когда вы говорите о передаче, подумайте, кому передавать? Передавать нужно другому «вместительному сосуду», так? (Министр транспорта) Раймонд Лим предлагает приватизировать авиакомпанию «Сингапур Эйрлайнз». Я говорю: «Хорошо». Но кому? Какая корпорация сможет поддержать и обеспечить такое руководство, чтобы авиакомпания всегда работала хорошо и не теряла деньги? Компании «Фар Ист Холдинге»? Нет опыта. Компания Онг Бенг Сенга «Хотел Пропертиз»? Нет. Банки? Нет. Так кому можно передать эту компанию?

Мы пытаемся, но пока у нас не будет достаточно умных людей, чтобы управлять такими компаниями, это невозможно. Посмотрите на все успешные компании, где ключ к их успеху? Это мозги. Мыслитель, хороший менеджер, хорошие инноваторы.

- И вопрос, касающийся этой модели, основанной на транснациональных компаниях... Мы говорили о необходимости ее дальнейшего существования, а есть ли у этой модели слабые места, которые вас беспокоят?

- Слабость в том, что крупнейшие транснациональные компании могут не прийти к нам, и у нас останутся транснациональные компании второго уровня, которых победят крупнейшие транснациональные компании, которые основались в таких странах, как Вьетнам, потому что там дешевле и лучше, и тогда сингапурская продукция не сможет конкурировать с вьетнамской.

Что мы можем предложить? Не более дешевую землю или рабочую силу, а более качественную инфраструктуру, которая оправдывает более высокие затраты. Вьетнамцы очень умные. Мы видим это по студентам, которым даем стипендии. Они догоняют нас: зарплаты у них составляют одну треть наших, цена на землю - одна четверть нашей. Поэтому мы вынуждены предлагать то, чего нет у них: стабильность, безопасность, хорошую связь, хорошее здравоохранение, образование для детей, потому что руководство высшего звена хочет, чтобы дети были с ними и получали хорошее образование. Мы уже продвинулись в этих областях, и Сингапурская американская школа (САШ) - это лучшая американская школа в этом регионе.

- Как нам преодолеть слабые места?

- Нужно просто быть впереди, чтобы быть привлекательными для лучших транснациональных компаний. Сейчас в Сингапуре около 4000 индийских и 4500 китайских фирм. Отсюда они будут распространяться по региону. Они используют Сингапур как базу и берут наших людей, когда выходят на уровень региона, потому что не знают этот регион так же хорошо, как мы. Наши люди хорошо знают регион, говорят на иностранных языках и могут помочь им продвинуться. Это наша роль. Мы - посредники.

В долгосрочной перспективе мы в лучшем положении, чем Гонконг, потому что у нас нет соседей, которые перегнали бы нас по качеству образования, рабочей силы и инфраструктуры. Шанхай уже сравнялся с Гонконгом по инфраструктуре. Но им не хватает знания английского языка и обслуживающего персонала. Еще через 15 - 20 лет у них это будет. То же происходит и в Шэньчжэне. Гонконгский секретарь по вопросам труда

спросил меня: «Зачем вы сохраняете свою промышленность?» Я ответил ему, что промышленность дает рабочие места. У Гонконга есть соседи, которые всегда внесут улучшения в промышленность и обгонят вас. А нашим соседям трудно будет угнаться за уровнем обучения и мастерства наших рабочих.

- Азиатскую - не только сингапурскую - модель роста критикуют также за то, что мы слишком полагаемся на Запад в качестве потребителя нашей продукции. Как нынешний экономический кризис повлиял на устойчивость сингапурской экономической модели, если учесть, что Америка больше не может быть тем всемирным покупателем, которым она была раньше?

- Позвольте мне вернуться к основам. Станет ли мир ужасным печальным мостом, полным протекционизма и всеобщего экономического упадка? Если да, то с нами со всеми будет покончено. Поступят ли так американцы? Нет, потому что более чем на 50 процентов доходов их крупных компаний зависят от внешних рынков.

Я не пессимист. Я не знаю, сколько продлится этот спад. Возможно, если глава Федеральной резервной системы США Бен Бернанке прав, и они проведут санацию банков, к 2010 году американская экономика оправится и начнет медленно расти. Если Бернанке ошибается, это может затянуться до 2012 или 2013 года, но Америка оправится. Они говорят о сохранении рабочих мест. Вы сохраняете свои рабочие места, американцы сохраняют свои, японцы свои и т.д. Так американцы действительно придерживаются другой модели и надеются только на местных поставщиков и внутренний рынок? Нет. Технологии уже открыты и распространены. Если вы не используете преимущества технологий и свободной торговли, ваши конкуренты будут их использовать и победят вас.

КОГДА У НАС СЛУЧАЮТСЯ КАТАСТРОФЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ ДО НАС НЕ ДОБРАТЬСЯ

- Поскольку Америка и Европа будут переживать упадок следующие несколько лет, многие заговорили о потенциале внутриазиатской торговли, о продукции, произведенной в Азии и для Азии. Как Вы оцениваете потенциал внутри-азиатской торговли? Считаете ли Вы, что на нее можно рассчитывать в будущем?

- Что ж, это для нас это дополнительный козырь, но помните, что средний потребитель в Азии еще не настолько богат и расточителен. Китайцы еще более бережливы, чем мы. Мы десятилетиями откладываем почти 50 процентов нашего заработка, поэтому у нас и есть сегодня эти ресурсы. Китайцы откладывают больше, потому что им приходится рассчитывать на собственные ресурсы в случае наводнений, несчастных случаев, землетрясений, неурожая и войн.

Я расскажу вам интересный случай, чтобы вы поняли их менталитет. Когда я ездил по одному из районов Китая с министром по космическим исследованиям, из-за игры в гольф у меня не двигалось левое плечо. Я упомянул, что больше не играю в гольф. Министр сказал: «Я пришлю Вам одного парня, он вылечит Ваше плечо». Я сказал: «Не беспокойтесь. Мой хирург-ортопед сказал, что плечо уже не вылечить». Но он все-таки прислал того человека (теперь он уже умер). И я каждый день по 45 минут в течение шести недель сидел на кушетке в своем кабинете, а он лечил меня. Что же было делать? Я проводил время в разговорах с ним.

В то время недалеко от Шанхая было наводнение. Я сказал: «Какое несчастье. Вам нужно попросить о помощи». Он возразил: «Помощь? Когда она придет? Помощь может прийти в Шанхай, а как добраться до деревень в верховьях?» Он сказал, что в Китае каждый город, каждая деревня имеют небольшую возвышенность, где хранятся необходимые припасы: соль, рис, одеяла, все остальное, чтобы пережить несчастье. «Когда у нас случаются катастрофы, правительству до нас не добраться, мы должны помогать себе сами. Мы научились заботиться о собственном выживании в экстренных случаях».

Что делают китайцы, когда у них появляются деньги? Они откладывают. Если у них будет достаток на протяжении, скажем, двух или трех поколений, они могут взрастить новое поколение, более склонное к тратам. Но я не верю, что еще на протяжении 30 или 40 лет они будут

способны тратить, как американцы. Они будут откладывать, будут строить дома, будут покупать то, что со временем возрастет в цене. Да, они будут тратить, но только на самое необходимое. Поэтому возможная помощь Китая и Индии для нас весьма ограничена. В странах АСЕАН чуть больше тратят некитайцы. Но посмотрите на китайцев в Малайзии или Индонезии - они откладывают, потому что помнят о внезапных катастрофах и отсутствии помощи от правительства.

«МНОГОСКОРОСТНОЙ» МИР

- Сейчас многие говорят об опасностях несбалансированной «многоскоростной» экономики, когда на Западе темп роста замедлился почти до нуля, а страны с формирующейся экономикой продвигаются вперед гигантскими шагами. Что вы думаете по этому поводу? Каковы будут экономические последствия? Не представляет ли такая многоскоростная мировая экономика серьезной угрозы геополитическому порядку в мире?

- Я бы не сказал, что темп развития на Западе замедлился почти до нуля. В Германии рост по-прежнему составляет 3 - 4 процента. 30 сентября 2010 года Национальный институт статистики и экономики во Франции оценил рост экономики Франции за 2010 год в 1,6 процента. Страны с формирующейся экономикой имеют более высокие темпы, потому что они начали с более низкого уровня, у них огромное население, а значит, ненасыщенный внутренний рынок. «Многоскоростной» мир был таковым в течение десятилетий, если не столетий. Почему он должен представлять серьезную угрозу геополитическому мировому порядку?

- Что вы думаете о «валютных войнах», которые идут в форме соперничества в занижении своего валютного курса?

- Проблема «валютных войн» была раздута американской прессой. Суть проблемы в том, что китайский юань держали на прежнем уровне, а американский доллар терял свою стоимость. И если курс китайской валюты не поднимется, между китайским и американским правительствами возникнет серьезная проблема.

- Как, по вашему мнению, США и Китай могут разрешить этот и другие экономические дисбалансы в своих взаимоотношениях?

- Китай всегда будет иметь сложные взаимоотношения с Америкой.

Америка считает Китай силой, которая способна в ближайшие 20 лет превзойти ее по ВВП, и будет иметь больший вес на международных форумах, особенно по вопросам взаимоотношений США и Китая.

- Одним из последствий глобального кризиса 2008 года является новая волна протекционизма, когда поднялись некоторые торговые пошлины, а определенные страны установили контроль над тем, что они называют «горячими деньгами» с Запада. Как вы оцениваете современное состояние дел по сравнению с прошлыми кризисами, которые также были отмечены усилением протекционистских инстинктов?

- Протекционизм всегда усиливается, когда имеет место торговый дисбаланс между странами, в данном конкретном случае - между Америкой и Китаем. Я думаю, неправильно говорить, что в 2008 году началась новая волна протекционизма.

- Удивляет ли вас темп оздоровления экономики Сингапура? Что, по вашему мнению, Сингапур сделал правильно? В какой степени это заслуга местных политиков, а в какой - общемирового экономического подъема, который затронул все азиатские страны?

- Темп подъема экономики в Сингапуре был лишь ненамного выше, чем я ожидал. В Сингапуре хорошие банки, хорошая основа экономики. Я не так уверен, что подъем затронул экономики всех азиатских стран. Благодаря Китаю и Индии поднялись некоторые их соседи, но не все.

- Комитет по экономическим стратегиям дал несколько общих рекомендаций. Среди них - за следующее десятилетие создать 1000 предприятий малого и среднего бизнеса с годовым оборотом более 1000 миллионов долларов. Как вы считаете, стоит ли этим заниматься, учитывая, что, по вашему мнению, экономику Сингапура двигают транснациональные компании?

- Мы все же должны пытаться развивать наш сектор малого и среднего бизнеса. В будущем некоторые из них должны стать конкурентоспособными на мировом уровне, они станут сингапурскими транснациональными компаниями. Транснациональные компании всегда будут двигать сингапурскую экономику, потому что маловероятно, что 1000 предприятий малого и среднего бизнеса станут 1000 транснациональных компаний.

- Часто говорят о том, что, как только экономика оправляется от кризиса, все его уроки быстро забываются. Каков главный урок, который Сингапур должен усвоить после недавнего кризиса, и, как следствие, какие изменения вы считаете необходимыми?

- Не существует какого-то одного урока, который Сингапур должен вынести из кризиса. У каждого кризиса свои причины. Следующий кризис вряд ли будет похожим на этот.

- Было ли влияние комплексных курортов сильнее, чем вы ожидали? Беспокоят ли вас побочные эффекты от их открытия? И каков будет следующий крупный шаг в экономике?

- Я ожидал, что комплексные курорты повысят уровень доходов от туризма и от казино. Мы постарались предотвратить побочные эффекты, введя плату в 100 долларов за вход для сингапурцев и постоянных жителей, а также дав право членам семьи запретить доступ туда тем, кто пристрастился к азартным играм. Однако случайности всегда могут произойти. В экономике всегда будет какой-нибудь следующий крупный шаг. Это только вопрос времени.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ БЫСТРО РАСТЕТ СИНГАПУР?

- Десять лет назад мы, наверное, не могли слышать критику, что Сингапур растет слишком быстро, но все чаще раздаются голоса, что за все нужно платить, что мы вынуждены принимать множество иностранных рабочих и иностранных талантов со всеми социальными последствиями. Целесообразна ли политика правительства стремиться расти «как можно быстрее»?

- Мы должны расти так быстро, чтобы быть в состоянии поддерживать этот рост. Если мы можем расти, но решим этого не делать, то мы глупы. Некоторые сингапурцы не понимают, что значит медленное развитие. Если наше развитие замедлится, то у нас будет меньше рабочих мест, ниже зарплата, меньше того, меньше другого, меньше всего. Вы хотите добровольно пойти на снижение зарплаты? Это глупо, не так ли? Если вы можете расти и не делаете этого, с вами что-то не в порядке.

- Но некоторых людей настолько тревожат социальные проблемы, которые они связывают с быстрым развитием, что они готовы пойти на замедление роста заработной платы.

- Так отчего же это беспокойство? Метро и автобусы становятся все более переполненными, и наши люди считают, что иностранцы вытесняют их с их территории. А когда они приходят в магазин или кафе, им не нравится, что персонал не говорит по-английски. Но если бы там не было этих иностранцев, которые готовят еду и убирают со столов, могли бы эти кафе работать?

Истинная причина в том, что сингапурцы смотрят на иммигрантов и думают: «Их дети будут конкурировать с моими за место в школе, за стипендии и работу». Их дети стараются и хорошо успевают в школе. Когда они приехали в Сингапур, они не говорили по-английски, а через четыре или пять лет они лучшие в классе по языку. Более того, многие иностранцы имеют разрешение на тяжелую работу, их квалификации недостаточно, чтобы стать постоянными жителями или гражданами. Проблемы с такими людьми связаны с безопасностью и общественными беспорядками. Сингапурцы знают, что такие рабочие здесь временно. Они не имеют права привозить сюда семью. Беспокойство по поводу конкуренции связано с новыми гражданами и их детьми.

- Если оставить беспокойство по поводу иностранцев,

узурпирующих рабочие места и места в школах, проблема в том, что приток дешевой рабочей силы снижает заработки малоимущих, а это увеличивает разрыв между бедными и богатыми сингапурцами.

- Это общемировое явление. На первом этапе глобализации вы получаете доступ к рынку труда с сотнями миллионов дешевых рабочих. Но будет ли так продолжаться вечно? Через 30 лет люди в развивающихся странах станут более образованными и более высокооплачиваемыми. С каждым годом образовательная система в Китае сокращает уровень неграмотности в стране. Они поднимают стандарты. Так что все придет к своему уровню. Возьмите Китай сегодня и 20 лет назад. Посмотрите, сколько выпускается инженеров и ученых. Посмотрите на количество обучающихся в университетах. Так что неравенство в доходах не будет увеличиваться вечно.

Мы поддерживаем разницу между низшими и высшими доходами на минимально возможном уровне. Если слишком много забирать у лиц с высоким доходом, то они уедут. Зачем им оставаться? Иностранцы точно уедут. Поднимите подоходный налог, и они уедут в Гонконг или в другое место, несмотря на то, что там имеется загрязнение окружающей среды. Да и некоторые из наших граждан могут сказать: «Я уеду в другое место, где мне не нужно будет платить такой подоходный налог». Поэтому это все нужно сбалансировать и, в конце концов, чтобы была мотивация к успеху, нужно дать им возможность сохранить большую часть их доходов.

Далее нужно перераспределить бюджет - через субсидии на воду и электроэнергию, плату за обслуживание и ремонт, образование, жилье, здравоохранение и, что важно, обеспечить для нового поколения возможность начать с более равноправных позиций. Никто в Сингапуре, ни один ребенок не будет ущемлен, даже если он из неблагополучной семьи. Есть специальная группа, которая будет следить за тем, чтобы он получил все возможности для должного образования. Если вы решили не пользоваться этими возможностями, это ваше дело. Большинство родителей так не делают, потому что видят, что дети их соседей, получившие образование, поднимаются вверх и переезжают в хорошие квартиры.

Мы также даем значительную сумму денег на покупку жилья, которое, как мы знаем, поднимется в цене. Это самое большое вложение, которое будет у них, когда они уйдут на пенсию. При покупке оно может стоить 200 тысяч долларов, а к моменту их выхода на пенсию - намного больше. Недвижимость должна расти в цене, потому что наша экономика развивается, а правительство регулярно улучшает инфраструктуру и

жизненное пространство. У нас все больше подземных и надземных поездов, красивых парков и водных путей, и это сознательная политика - дать каждому долю в развитии благосостояния страны.

ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗА КОПЕЙКИ НАНЯТЬ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ РАБОТАТЬ

- И все же неравенство в Сингапуре выше, чем в других странах, что показывает коэффициент Джини. Оно выше, чем, например, в Японии, где нет политики открытых дверей, при которой привлекается огромное количество иностранных рабочих.

- Нет, нет, нет. Япония для нас не образец. В Японии будет очень тяжелый период - сокращение и старение населения. Они не любят иммигрантов, у них есть черты ксенофобии. Но я думаю, что у них будут проблемы. Нет, Сингапур нужно сравнивать с Гонконгом, Куала-Лумпур, Бангкоком, Манилой и Джакартой. Это наша среда. Как можно сравнивать нас с Японией? Это совершенно другая страна с другим обществом и культурой.

- Смысл в том, что могли бы построить более равноправное общество, что близко к их модели...

- Если вы хотите получить равноправное общество с равными доходами, придется вернуться к чашке риса. Нет, мы создали систему, которая равноправна, т.е. то, что вы получаете, полностью зависит от вашей работы. А ваша работа зависит от вашего образования, умений и способностей. Вот так. Если мы притворимся, что все равны, когда это не так, то система развалится. Это жизненный факт.

Вначале моей главной целью было сделать так, чтобы никто не возражал против идеи иметь индивидуальные счета в Центральном сберегательном фонде (ЦСФ) и в «Медисейв» - системе медицинских сбережений. Что заработал, то твое. Потому что, если у тебя есть этот индивидуальный счет, то любой намек на то, что все это может стать общим, и оттуда будут брать средства (как в других системах) будет обязательно отнимать голоса избирателей. Эта идея могла пройти, пока счета не стали очень значительными. Поэтому, когда теперь Лоу Тиа Кьян предлагает объединить счета, я думаю, что он потеряет голоса на следующих выборах. Вы готовы вложить свои деньги в общий котел, после того, как столько работали и создали свой счет в ЦСФ? Это ваши деньги. Если вы их не используете, можете оставить их детям, родственникам или кому-то еще. Зачем вам отдавать их в общий котел, где все будут жить за ваш счет, как и происходит в некоторых западных странах? Эта система рухнула. Тони Блэр в Британии попытался создать индивидуальные счета,

он приезжал к нам и изучал нашу систему, но многие люди были против, и все застопорилось.

- Значит, вы считаете, что нам не нужно менять нашу политику относительно иностранных рабочих ради сокращения неравенства в доходах?

- Гораздо экономичнее и эффективнее завозить иностранную рабочую силу, чтобы делать дело, и давать неимущим какие-то надбавки, чтобы сократить разницу с богатыми. Есть возможность за копейки нанять людей, которые хотят работать, а вы предлагаете отказаться от этого? Посмотрите на британцев. Почему их экономика работает? Потому что они приглашают иностранных рабочих. В итоге у них многоязыкое общество. Выходцы из Восточной Европы, Южной Азии, Северной Африки, Африки южнее Сахары, Карибского региона... все они там, потому что готовы делать работу, которую британцы не хотят делать.

У нас был свободный приток талантов. Это помогло нашей экономике и нашему развитию. Мы не невежественные и не глупые. Мы делаем это в интересах жителей Сингапура. Если другой путь окажется лучше, разве мы совершим глупость и не пойдем по нему? Были бы мы тем, что мы есть, если бы запретили этим людям с разрешением на работу въезжать к нам? В строительстве мы пробовали заниматься подготовительными работами для жилья, представляемого Советом по жилищному строительству и развитию. Мы можем искать другие пути для сокращения нашей зависимости от иностранных рабочих, но они не безграничны.

- Одним из преимуществ другого пути является то, что производительность местных рабочих должна возрасти, будь то в строительстве или в других отраслях. Я знаю, что вы говорите о разнице между Японией и Сингапуром. Конечно, мы не Япония, но одним из следствий их системы организации общества является то, что зарплаты рабочих низших уровней возросли.

- Но что произошло с экономикой в целом? Я хочу сказать, посмотрите на конечный результат. Япония стала жить лучше? Японцы стали жить лучше? Политики могут сказать, что они так завоевывают голоса для выборов. Но станет ли это будущим для Японии? Оно слишком безрадостное и мрачное, верно? Они должны измениться.

Попробуйте представить, каким будет Сингапур, если мы примем японскую модель и закроем двери для иммигрантов и иностранных рабочих. Будет ли у нас сегодняшний Сингапур? Позвольте мне рассказать о нескольких личных встречах, чтобы вы поняли точку зрения сингапурца. У меня есть обущик по имени Хакка. Ему за 40, он унаследовал свою

профессию от отца, который шил для меня обувь. Но это умирающее ремесло. Не то, чтобы он не зарабатывал денег. Я плачу ему 300 долларов за пару обуви. Он должен обмерить мою ногу, дать примерить обувь. Я часто отказываюсь от этой обуви, велю взять более мягкую кожу и т.д. Тогда он берет с меня 350 или 400 долларов, ничего не поделаешь. Но хочет ли его сын продолжать это ремесло? Нет, сын хочет пойти в университет и работать в офисе с кондиционером.

Это ремесло умирает. Кто станет карабкаться по лесам на стройке? Кто пойдет работать в доки и возьмет в руки паяльную лампу? Хотят ли сингапурцы заниматься такой работой? Предложите им двойную оплату, и они все равно откажутся.

Вы видите, как строятся здания. Когда все построено, приходят сингапурцы и прокладывают электрические кабели и все остальное, уже под крышей. Когда стройка открыта всем ветрам, там только индийцы, выходцы из Бангладеш из Китая и другие. Мы можем платить сингапурцам больше, но пойдут ли они туда? Нет, потому что есть другие возможности заработать, которые они считают более привлекательными. Это образ мышления, так они расценивают свой статус.

Строительная индустрия Австралии переломила этот взгляд, потому что они не хотели приглашать рабочих из Азии. Они стали платить австралийцам гораздо больше. Но теперь все равно там появились азиаты, и их система рухнет. Это происходит даже в Китае. У нас были эти черно-белые амахи (*работницы домашней прислуги, носившие на работе черные брюки и белые рубашки*). Теперь они получили образование и не собираются оставаться горничными. Они хотят работать на фабрике или в отеле.

То есть в мире происходят социальные изменения. Если вы родились в Индии, Бангладеш, Индонезии или на Филиппинах, у вас нет выбора. Поэтому просто будьте довольны, что вашим сестрам и кузинам не приходится работать прислугой. Но если неправильно управлять этой страной, все умные люди уедут. Не самые умные, не самые образованные не могут уехать, они оказываются в положении филиппинцев или индонезийцев, такова жизнь.

- Но это не меняет того факта, что есть еще и политические издержки. Низкооплачиваемые люди чувствуют, что в какой-то степени система направлена против них. От развития страны в большей степени получают выгоду те, кто наверху. Это ведет к цинизму в обществе. Вы согласны, что это издержки системы?

- Зависть неизбежна. Но рассмотрите альтернативу, а именно -

медленное развитие. Неравенство между самыми богатыми и самыми бедными сохранится из-за глобализации, но все мы станем беднее, не так ли? Мы все станем беднее, потому что если избавиться от иностранных талантов и иностранных рабочих, то наш ВВП уменьшится, по крайней мере, на 2 - 2,5 процентных пунктов. Вы можете посчитать это на основе количества рабочих и их труда.

Сингапурская компания добивается успеха и переезжает в Катар. Если компания увозит с собой людей, она должна будет платить им больше из-за жары и неблагоприятных условий. Им нужно платить, по меньшей мере, 150 процентов от их здешнего заработка - расходы на жилье, прожиточный минимум, при необходимости, расходы на образование детей. Так же, если они переезжают в Китай, Вьетнам или Индию.

Я рабочий, и я вижу, что мой начальник уезжает за рубеж, потому что там нужно руководить рабочими. Но меня не берут, потому что там уже есть неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие. Я беспокоюсь. Я знаю, что это несправедливо. Но мир несправедлив.

Поэтому я не вижу смысла останавливать развитие, потому что зависть никуда не исчезнет. Вместо этого мы получаем выгоды от этого развития и перераспределяем их, чтобы поддержать малоимущих. Но их нужно поддерживать так, чтобы не уничтожить мотивацию.

КАЖДЫЙ СИНГАПУРЕЦ ПОЛУЧАЕТ ЖИЛЬЕ

- Когда неравенство в доходах будет расти, не приведет ли политическое давление на правительство Сингапура к необходимости перераспределять все большие и больше в пользу людей с низкими доходами?

- То есть вы хотите сказать, что люди с низкими доходами будут против правительства. Следует ли нам измениться, или нужно сказать: «Ладно, мы потеряем часть голосов, и за нас будут голосовать только люди с доходами выше среднего»? Я хочу сказать, это политика. Если людей с доходами выше среднего меньше, чем с доходами ниже среднего, тогда нам нужно понизить средний уровень. Мы за этим очень внимательно следим. Сколько людей живет в собственных домах, сколько в больших элитных квартирах, сколько в четырех- и пятикомнатных квартирах? Раньше жители четырехкомнатных квартир имели доход выше среднего, но теперь все считают, что получают хороший доход от недвижимости, поэтому покупают четырехкомнатную, даже если реально могут позволить себе только трехкомнатную.

Но я не думаю, что нужно перераспределять все больше и больше, так что в итоге исчезнет мотивация. Больше всего мы перераспределяем через общественное жилье. Каждый сингапурец получает жилье. Вы покупаете это жилье без стоимости земли и с большими субсидиями. Иными словами, у вас сразу есть фишки для игры. А 30 лет спустя, когда вы выйдете на пенсию, стоимость этого жилья многократно возрастет.

Далее, Центральный сберегательный фонд. Правительство постоянно увеличивает эти счета не для того, чтобы люди тратили деньги, а для их пенсий, расходов на здравоохранение и образование детей. Мы также выпускаем для сингапурцев «новые сингапурские» акции и акции «экономической реструктуризации», если имеется профицит.

- По вашему мнению, возможно ли делать и то, и другое - приглашать иностранных талантов и позволять высшим классам получать большие доходы, но также больше делать для низших классов, например, давать им распоряжаться своими заработанными деньгами? Активы в недвижимости и ЦСФ - это хорошо, но можем ли мы пойти дальше?

- Для этого у нас есть система «Уоркфеез» (схема дотаций для низкооплачиваемых рабочих). Это только начало, эту схему нужно

совершенствовать. Но принцип в том, что нужно работать. Мы не будем платить, если вы лежите на одном месте. Эта система должна расширяться, но не слишком быстро, так как она может лопнуть.

- Некоторые считают, что «Уоркфез» знаменует собой возникновение менталитета «положено по праву сингапурца», против которого Вы предостерегали.

- Не совсем. Чтобы получить эту дотацию, сначала нужно поработать.

- Да, но по существующей схеме, если вам больше 35 лет, то вы можете работать всего два или три дня в неделю, чтобы попасть под критерии для получения дотации...

- Нет, сейчас в Сингапуре кризис, поэтому нужно помочь им пережить его. Но принцип остается в силе - нужно поработать, прежде чем получишь «Уоркфез».

- Но эта схема создавалась во время бума. Она появилась в 2007 году, поэтому есть мнение, что Сингапур уже начал скатываться к политике «социального нахлебничества».

- Что ж, каждый раз, когда мы делаем что-то подобное, мы делаем шаг в неизвестность. Но пока люди понимают, что должны работать, все нормально.

- Не может ли это вызвать желание меньше работать?

- Нет, я так не думаю. Если давать слишком много, это станет искушением, и люди не захотят работать. Но мы даем именно столько, чтобы поддержать их на плаву, и человек знает, что если он освоит новую профессию, он будет получать больше.

Поэтому мы вкладываем столько усилий в программу по повышению квалификации и переподготовке, а также другие программы профессионального обучения и переобучения. Мы поощряем переподготовку рабочих с тем, чтобы, когда начнется экономический рост, они сразу перешли в более высокую категорию и их зарплаты стали выше. В современном мире ваша ценность определяется вашими навыками и знаниями. Вы можете быть гением, но если вам нечего предложить на рынке труда, то чего вы стоите?

- Говоря о беспокойстве, которое люди испытывают от увеличения неравенства доходов, не считаете ли вы, что политически было бы лучше, если бы правительство начало, так скажем, контролировать коэффициент Джини или величину этого неравенства и сделало бы это конкретной политической задачей? Сейчас зарплаты государственных служащих привязаны к ВВП, а некоторые люди предлагают привязать их в какой-то степени к величине неравенства доходов или к нижнему

уровню доходов.

- Государственным служащим мы должны платить достойные зарплаты, потому что мы боремся за талантливых людей с частным сектором. Уже сейчас, если мы посчитаем количество президентских стипендий, зарубежных стипендий, стипендий сингапурских вооруженных сил и полиции, то это количество не совпадет с количеством талантливых выпускников младших колледжей. Почему? Потому что они либо сами оплачивают обучение, либо получают стипендии от частного сектора. Вывод: мы конкурируем с частным сектором, причем не только с сингапурскими компаниями, но и компаниями со всего мира. Приходится мириться с этой реальностью.

- Я думаю, если госслужащий успешно сократит неравенство в доходах, то получит премию.

- (Со смехом) Чтобы сократить разрыв в доходах, необходим весь государственный аппарат, и то успех не гарантирован. Посмотрите, Япония была одной из самых эгалитарных среди развитых стран, верно? Скромная фактическая оплата руководителей корпораций и пожизненная занятость. Под давлением глобализации они меняются. И Sony, и Nissan берут на работу иностранцев с запада, так? Они конкурируют за наиболее талантливых. Чтобы выдерживать глобальную конкуренцию, им приходится ломать собственную систему. Поэтому все больше иностранцев вливаются в их корпоративную систему и изменяют ее.

Ситуация в Японии не статична. Теперь и там можно увидеть фотографии людей, спящих зимой под мостом. Раньше никогда такого не было. Они прошли войну, о которой с горечью вспоминали самые бедные фермеры, потерявшие своих сыновей и свои дома. У населения было чувство того, что они всем обязаны этим людям.

То же самое в Британии. Это происходит от комплекса вины. Люди, потерявшие жизнь или дом, были не офицеры из Оксфорда или Кембриджа, а рядовые, рекруты. Поэтому богатые выдвинули систему, которую поддержала лейбористская партия и приняла консервативная партия. Высший класс полностью обязан им.

Они не думали о последствиях и влиянии на мотивацию, пока система не начала давать сбой. Тогда Маргарет Тэтчер повернула процесс в обратную сторону. Тони Блэр продолжил. Теперь Гордон Браун мечтает повернуть его обратно, чтобы получить голоса низших слоев населения.

Вы должны понять, что мы не навсегда останемся с этим неравенством доходов. Как долго это продлится? 10, 20 или 30 лет. А что потом? Потом новые технологии, новые конкуренты, новые схемы работы и жизни начнут

оказывать на нас влияние.

ЗАЧЕМ ТАК СИЛЬНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ЭКОНОМИКУ?

- Как вы ответите на точку зрения, что правительство слишком сильно контролирует экономику? Думаю, это не относится крайним годам, когда люди понимали, что правительство должно контролировать. Но доминирование правительства до сих пор очень значительно и широко распространено. Вы считаете, что это серьезная проблема или станет ею в будущем?

- Поскольку все больше талантливых людей идут работать не в правительство, а в частный сектор, и при условии, что они не уезжают с концами за рубеж, а возвращаются, то со временем частный сектор накопит интеллектуальный багаж, достаточный, чтобы забрать у нас эти крупные корпорации. Как я уже говорил, мы хотим передать корпорации в частные руки, но в данный момент их некому передать.

Посмотрите на банки - DBS (Банк развития Сингапур) и OCBC (Загранично-китайская банковская корпорация Сингапура). Им приходится обращаться к иностранным талантам UOB (Объединенный заграничный банк) держится на (своем президенте) Ви Чо Яо, а кто придет ему на смену? Есть ли в UOB запас талантов, чтобы выбрать из них ноюй управляющего? Раньше там был подходящий человек, Эрнст Вонг, но он ушел, потому что знал, что ему не получить эту должность. Ви Чо Яо готовил для нее своего сына.

Если те талантливые студенты, которые сейчас едут на рубеж и не пользуются стипендиями, не останутся навсегда за рубежом, то через 10 или 15 лет частный сектор может сравняться с государственным сектором по количеству талантов. Мы уже сейчас видим, что количество талантов в государственном секторе уменьшилось по сравнению с тем, что было 10 или 15 лет назад. Я хочу сказать, сколько сыновей министров воспользовались стипендиями? Сыновья Лим Эн Кипи не воспользовались стипендиями. Сын Те Чи Хина воспользовался.

- Но каково же решение этой проблемы? Неужели частный сектор обречен быть слабым?

- Нет, как я уже сказал, пойдут ли туда талантливые? Посмотрите, мы вынуждены управлять (судоходной компанией) NOL, и кто же у нас есть? Ченг Вай Кеунг. В авиакомпании «Сингапур Эйрлайнз» - Стивен Ли. В DBS - Ко Бун Хви. Кто еще, скажите? Кому еще мы можем доверить огромные

корпорации?

- Вы ранее упоминали об авиакомпании. Как Вы пришли к выводу, что Стивен Ли лучше справится с работой в «Сингапур Эйрлайнз», чем Онг Бенг Сенг?

- Я знал Онг Бенг Сенга и знал, как он работает. Он не организатор. Он предприниматель и нефтяной дилер. Он заключает ту или иную сделку, а потом передает кому-нибудь управление.

- Может ли Онг Бенг Сенг нанять хорошего организатора и передать ему организационные обязанности?

- Да, может. Но хочет ли он отвечать за организацию? Я поехал за границу и взял его с собой. Он быстро заводит дружбу и заключает сделки. Он видит цель и стремится к ней самостоятельно. Это его сильная сторона. Он начинал нефтяным дилером в компании своего тестя. В конце концов, он опередил тестя. Потом он занимался отелями, его жена занималась бутиками. В Лондоне у него японский ресторан Nobi. У него есть доля в отеле на Канарах. То есть он занимается множеством мелких дел, потом продает их и получает прибыль.

А Стивен Ли очень успешно управлял текстильной компанией своего отца, затем перешел в другие отрасли. Он говорит на мандаринском диалекте китайского, а Онг Бенг Сенг не говорит. Поэтому Стивен может работать в Китае, разговаривать с руководителями их корпораций и правительства. У него также огромный опыт работы с профсоюзами.

Это жемчужины, но где еще их найти? Мы их используем, используем по полной программе, мы их перегружаем, потому что их очень мало. В Китае очень много талантливых людей, но на самом верху всего несколько, на которых возложены тяжелые обязанности.

- Значит, этим людям вы доверяете. Вы доверяете Стивену Ли?

- Я доверяю им и их суждениям. На многочисленных встречах со Стивеном Ли я убедился, что он правдив. Те министры, которые с ним работали, разделяют это мнение.

- Существует ли опасность, что Вы чрезмерно нагружаете их? Если правительство так довлеет в экономике, существует ли опасность конформизма? Того, что останется только одна точка зрения на то, как работает экономика и что нужно делать. У нас нет такого разнообразия, которое могло бы быть, если бы был только частный сектор, и разные директора и предприниматели работали в разных секторах экономики.

- Скажите, какие секторы экономики существуют в Сингапуре. В промышленности в основном работают транснациональные компании. В

логистике мы конкурируем: компания-оператор порта PSA против «Маерск» в Тан-джунг Пелепас и т.д. Авиакомпания «Сингапур Эйрлайнз» конкурирует с другими крупными авиакомпаниями. Аэропорт Чанги конкурирует с аэропортами Куала Лумпур, Бангкока, аэропортом Инчхон и Гонконга. Везде конкуренцией. Еще и Дубай. Назовите мне сектор, где вы видите конформизм. В каждом секторе действует свой собственный набор условий.

- Были ли неудачные попытки нанять иностранных специалистов высшего уровня в наши компании?

- Говорят, что неудачей был Джон Олдс, а кто еще? Филипп Пайларт, Флеминг Якобе? Это неудачи? Нет, я так не думаю. Джон Олдс посылал мне документы о слабых местах Банка развития Сингапура (DBS), он был очень проницательным. Я заставил DBS прочитать их и реализовать предложенные им изменения. Почему он ушел? Мы его не выгоняли. Он ушел, потому что не видел DBS в роли крупного банка региона. Он вернулся в Сан-Франциско, потому что не хотел стоять во главе среднего сингапурского банка.

В случае с Флемингом Якобсом компания NOL, и без того испытывала трудности. Посмотрите на датскую компанию «Маерск». Управляющего уволили, потому что он допустил крупные убытки. В конце концов, компания NOL слилась с компанией APL, и во главе компании NOL мы поставили генерального директора компании APL, американца. Мы столкнулись с проблемами из-за слияния компаний двух разных культур. Мы не могли привить компании APL сингапурскую культуру, потому что всей системой управляли американцы. Поэтому мы сказали: «Хорошо, пусть американец посмотрит на NOL, не со стороны APL, а мы посмотрим, что он сможет сделать ZYZ. Его порекомендовал нам Ченг Вай Кеунг. А он очень способный исполнительный директор в частном секторе.

Успешные управляющие - как жемчужны в песке. На пляже много гальки, много красивых камешков, но это просто галька. Время от времени натыкаешься на настоящую драгоценность, подбираешь ее, полируешь. Нужно иметь определенные качества, чтобы заниматься этим делом, нужна энергия, задор, способность общаться с людьми, способность заставлять людей работать в команде.

- Раз у нас есть «Темасек» и Инвестиционная корпорация правительства Сингапура (GIC), это огромные инструменты инвестирования, почему нельзя заставить их вложить деньги, скажем, в крупнейшие частные компании здесь в Сингапуре и помочь им достичь мирового уровня и стать конкурентоспособными?

- Это зависит от того, принесут ли такие вложения хорошую прибыль. Назовите мне эти 10 компаний.

- Может быть, мы плохо ищем. Мы уже делали подобное раньше с перспективными компаниями. «Темасек» инвестировал в компанию Nuflux и помог ей развиваться.

- Во-первых, Инвестиционная корпорация правительства Сингапура (GIC) вообще не инвестирует в Сингапуре. Это сознательное решение, чтобы обезопасить наши резервы. Если в Сингапуре наступит кризис, а часть активов будет за рубежом, их можно будет сохранить.

С «Темасек» все по-другому: они покупают компанию, развивают ее, а затем продают с прибылью. Они купили компанию в Индонезии. Пришли русские и хотели выкупить компанию. Мы отказались, тогда они дали взятку индонезийским чиновникам, которые стали на нас давить. Мы продали компанию Катару, и Катар договорился с ними. Катар остается владельцем, а мы не потеряли деньги.

Сингапурская компания, которая сможет выйти на мировой уровень и станет успешной МНК, не будет иметь проблем с привлечением средств из банков или на финансовых рынках. Ей не нужно будет дожидаться инвестиций от «Темасек».

- И, наконец, каким вы видите длительное развитие экономики Сингапура в будущем после вашего ухода?

- В ближайшие 10 лет, я думаю, мы будем планомерно продвигаться вперед. Посмотрите на планы управления по городскому переустройству, которые уже начинают осуществляться: залив Марина бей, река Сингапур, набережная Коллиер, набережная Боат, Орчард Роуд, трасса Формулы 1, два комплексных курорта, и твердое доверие к нам инвесторов.

Компания «ЭксонМобил» привезла весь совет директоров на встречу с премьер-министром и со мной. Во время кризиса они решили продолжать строить в Сингапуре новый нефтеперерабатывающий завод стоимостью более 4-х миллиардов долларов. Почему? Потому что Сингапур стабилен и надежен. Правительство стабильно, хорошая ситуация на рынке труда. От нас можно добраться до всех крупных городов мира. Мы больше не занимаемся низкопроизводительными заводами и низкотехнологичными отраслями. В этих секторах мы не можем конкурировать.

Сейчас наша цель - подготовка и переподготовка старшего поколения рабочих, которым за 40 и которые не получили образования, потому что тогда у нас не было институтов технического образования и политехникумов. Это серьезная задача. Молодые работники лучше образованы: от 25 до 30 процентов учились в университетах, 40 процентов

- в политехникумах, более 20 процентов - в институтах технического образования. Но старшее поколение не получило образования. Поэтому министр занятости и Национальный Конгресс профсоюзов уделяют такое большое внимание профессиональному обучению и переподготовке. В следующие 10 или, возможно, даже 20 лет может произойти качественный скачок в экономике Сингапура.

**В КОНЦЕ КОНЦОВ, ДЭН СЯОПИН
ПОНЯЛ, ЧТО ПРИНЦИП «МИСКИ
РИСА» НЕ СРАБОТАЕТ**

- Как вы формировали свои взгляды относительно правильной социальной политики в Сингапуре, и как эти взгляды изменились или они не изменились с течением времени?

- То, что я знаю сейчас, я не знал, когда начинал. У меня были определенные базовые убеждения, почерпнутые в книгах, от учителей, друзей, а именно, что все люди равны и должны получать одинаковое вознаграждение в справедливом мире. Именно поэтому множество людей во всем мире поддерживали социализм. И вы должны помнить, что это были 1950-е, когда Советский Союз запустил спутник. Даже в Кембриджском университете превалировали эти взгляды. Хотя такие взгляды не поддерживались, но многие студенты верили, что этим путем страны, недавно ставшие независимыми, могут быстро продвинуться вперед.

Это не сработало. В конце концов, Дэн Сяопин понял, что принцип «миски риса» не работает. Человеческая мотивация и природа человека таковы, что движущей силой для человека является выживание, и уже потом жертвование своей жизнью ради своей жены, детей, матери и отца и всего рода, именно в таком порядке. Я пришел к такому выводу, наблюдая, как рухнула британская социалистическая политика «от колыбели до могилы».

- В прошлом вы говорили, что не все члены вашего Кабинета разделяли ваши взгляды о том, что люди изначально неравны. Как вы

добились преобладания ваших взглядов?

- Логикой. Меня твердо поддерживали Го Кен Сви, С. Раджаратнам, Хон Суй Сен, Лим Ким Сан - все практики, которым приходилось иметь дело с финансами. А эгалитарного общества хотели все эти социалисты, приверженцы идеала равного общества. А я не верил, что такое возможно.

Я наблюдал за Советским Союзом, затем за Китаем, Вьетнамом - первое поколение происходит из разных слоев. Это борцы за свободу. Они верили в марксизм и равноправное общество. Второе и третье поколение становились более отобранными. Вы женитесь на равных, идете в университет и не женитесь на человеке с начальным образованием. Понаблюдайте сами, как я понаблюдал, за сыном Цзян Цзэминя, сыном Ли Пэна (Li Peng), сыном Чжу Жунцзи (Zhu Rongji), с которым я недавно познакомился, - все это высший класс.

Так что в итоге это естественный процесс в любом обществе. Когда общество стабилизируется и образовательный уровень устанавливается по вашим способностям, по вашей работе, люди начинают жениться на представителях сходного социального класса. Если вы теперь посмотрите на врачей, то увидите, что раньше врачи женились на медсестрах, и некоторые их дети становились врачами, а некоторые - нет.

Сейчас врачи женятся на врачах, и все дети становятся врачами, если хотят, некоторые очень злятся на меня, если не могут поступить в Национальный университет Сингапура и должны платить за обучение за рубежом. Почему? Потому что с обеих сторон двойной спирали у них высокий уровень энергии, высокий коэффициент умственного развития.

Однажды британцы подарили мне красивых собак. Это были лабрадоры-ретриверы, предназначенные для охоты и рыбной ловли. Но те собаки, которых подарили мне или министру обороны, были выставочными собаками. Поэтому (министр) Го Кен Сви не нашел им применения и отправил в школу полиции. Это были выставочные собаки, которые могли только получать медали. Они очень красивые, и их приятно держать дома. Но я читал, что настоящие черные лабрадоры из Шотландии могут ловить рыбу, форель, собирать дичь: вы стреляете птиц, фазанов, а они приносят их вам так аккуратно, чтобы не повредить тушку.

В 1970 году Алек Дуглас-Хьюм (Alek Douglas-Home) был тогда в (британской) оппозиции. Я знал его еще с тех пор, как он был министром. Он летел из Австралии домой. Я принял его и сказал: «Я читал, что ваши собаки могут ловить лосось, форель и приносить дичь». Он сказал: «Нет, это могут только специально натренированные собаки, у них особая родословная, они чемпионы и их родители чемпионы, их разводят для

этого». Я сказал: «Моих собак разводили для красоты, поэтому я отдал их».

Он спросил: «А, вы интересуетесь собаками?» В 1971 году он стал министром, и здесь у нас проводилась конференция стран Содружества. Он привез щенка лабрадора для моей дочери. Это была самая умная собака, которую я видел. Мы отправили ее в полицейскую школу, и она обучилась всем командам. Потом, когда ей давали команды, она легко выполняла все - «сидеть», «лежать», «ползти» и т. д. Потом инстинкт подсказывает ей: вода, нужно залезть в воду. Поэтому она залезла в наш пруд в Истане и мы ее мыли.

Поэтому я решил, что если собаки такие, и - раз я верю в дарвинизм и я не верю в сотворение мира и Библию, как американские фундаменталисты, - то, думаю, должно быть сходство между нами и животными, особенно человекообразными обезьянами и шимпанзе.

У НАС БУДЕТ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ ГОЛОДРАНЦЕВ

- Учитывая пути развития общества и неизбежность процесса отбора, какова в этом роль правительства?

- Вот проблема для правительства: как поддерживать единство в обществе, если низшие слои не могут угнаться? Поэтому мы предложили низшим слоям: если вы сделаете стерилизацию после рождения двоих детей, мы дадим вам квартиру бесплатно.

Никто не согласился. Почему? Потому что, если женщина сделает стерилизацию, а муж уйдет, она будет искать другого мужа, но без детей она не сможет его привязать. Поэтому они рожают новых детей. Если так будет продолжаться, у нас будет все больше и больше голодранцев, а всему обществу придется их содержать. Никто не хочет говорить об этой тяжелой правде.

- Звучит очень обреченно и грустно. Разве не может быть так, что некоторые из этих низших 20 процентов оказались там потому, что у них не было тех возможностей, что у детей из более богатых семей?

- Отец Лим Чи Онна (Lim Chee Onn) начинал таксистом. У него не было никаких возможностей. Но у его сына появились возможности, он пошел в университет и поднялся.

- Может ли кто-то из низших слоев подняться благодаря специальной помощи, независимо от процесса отбора?

- Я честно говорю людям: Бог сделал вас такими. Я не Бог, я не могу вас переделать. Могу дать вам образование, лучшее окружение, но большой пользы от этого не будет. Ваши соседи с большими способностями также будут продвигаться вверх. Поэтому разрыв никогда не исчезнет.

И все же мы пытаемся, мы всегда пытаемся: дать дополнительное образование, внимание, поддержать их. Поэтому когда я получаю гонорары за свои выступления, я отдаю деньги на стипендии и премии выходцам из низов, чтобы поощрять их подниматься и учиться в Институте технического образования или политехникумах. Некоторым это удается.

Поэтому мы будем продолжать давать эти дополнительные ресурсы и поддержку тем, кто может преуспеть. Но кто возьмется отбирать те камешки на пляже, которые можно отполировать и сделать чем-то более красивым, чем простая галька? Родители не поверят, что их ребенок хуже, чем соседский.

Я наблюдал за избирательными округами Танджонг Пагар и Крета Айер (Kreta Ayer). Я наблюдал за активистами в моей общине. У некоторых способные дети. Один сейчас работает окулистом в больнице Маунт Элизабет. Некоторые стали профессионалами и живут в частных или съемных домах.

А у других дети, не такие способные, получили четырех-, пятикомнатные квартиры от совета по жилищному строительству и развитию, и теперь они ворчат: «Почему у моих соседей дети лучше живут?»

Потому что их дети не сумели этого сделать. Вот и все. Никто не ущемлял их детей.

ЖЕНИШЬСЯ НА ЖЕНЩИНЕ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ - БУДЕШЬ РВАТЬ НА СЕБЕ ВОЛОСЫ

- Сможет ли талантливый ребенок таксиста в наше время - не раньше, а теперь - иметь те же возможности, которые помогли подняться Лим Чи Онну?

- Если это талантливый ребенок, и он будет учиться в школе, то сможет. Он не терял возможностей улучшить свои способности. Мы вкладываем столько же ресурсов в обычные школы, сколько и в элитные школы. Вы можете видеть, что оборудование в школах то же самое, компьютеры и все остальное, а также директора и учителя.

- А как же роль семейного окружения? Сын таксиста может не иметь доступа к обучению, к дополнительным занятиям. Разве это не уменьшает его возможности по сравнению с сыном врача, например?

- Существует много сыновей врачей, которые женились на врачах. Те, чьи супруги ниже их по интеллекту, теперь рвут на себе волосы, потому что их дети не справляются. Я прожил достаточно долго, чтобы видеть, как это бывает.

Разрешите, я расскажу вам то, что рассказывал своим детям, когда они росли. Я говорил: «Когда будете выбирать себе пару, помните, как сказал Джордж Бернард Шоу: «Если вы считаете, что ваша дочь будет такой же красивой, как ее мать, а сын таким же умным, как его отец, то вы жестоко ошибаетесь. Будьте довольны, если сын станет таким же умным, как его мать». Хорошенько подумайте над этим». Они усвоили этот урок.

Мой предпоследний внук - младший сын Луна - сейчас проходит действительную службу в армии. Он легко мог получить стипендию, но не захотел, решил, что будет заниматься информационными технологиями. После получения первой степени он собирается остаться там и изучить как можно больше, набраться опыта, поработать там и затем вернуться и, возможно, получить вторую степень.

Я сказал: «Но ты можешь сделать это и со стипендией». Но он сказал: «Нет, я хочу сделать все самостоятельно».

Может быть, родители заставляли их работать? Нет. Их мать и отец просто оставили их в покое, и они просто работают. Он жадно читает. Он интересуется рептилиями, динозаврами, у него горы книг. В конце концов,

он решил, что будет заниматься информационными технологиями. Вот и все.

Моя дочь, невролог, протестировала их всех. Их коэффициент умственного развития составляет 140 и выше. Поэтому родителям нечего беспокоиться. Это факт.

Поэтому, когда мужчина с высшим образованием не хочет жениться на женщине с высшим образованием, я говорю ему, что он дурак. Женишься на женщине без образования, будешь иметь проблемы, некоторые дети будут умными, а другие нет. Будешь рвать на себе волосы. Ошибиться нельзя. Это как два игральных кубика. На одном валет, дама, король, туз, и на другом также. Если бросить кубик с валетом, дамой, королем, тузом, а другой кубик с двойкой, тройкой, четверкой, пятеркой, шестеркой, что получится? Никогда не будет хорошей пары, не говоря уже о флеше.

РАЗМЕР ВАШЕЙ СОБСТВЕННОСТИ ЗАВИСИТ ОТ ВАШИХ СПОСОБНОСТЕЙ

- Мне не совсем понятно, что можно с этим поделать? Какова в этом роль правительства?

- Роль правительства в том, чтобы поддерживать единство в обществе, чтобы не было низших слоев общества, которые чувствуют себя отверженными, недовольными и готовы бунтовать, как в Америке. В Британии и в Европе видят выход в повышении благосостояния... Мы не можем пойти этим путем, мы не выживем.

Поэтому мы не даем благосостояния, мы даем хорошее образование и прирост капитала. Вам решать, потратить его или пустить в дело. Если тратите, это ваше дело. Если преумножаете, это ваши сбережения. Что мы даем? Жилье. Не хватает денег? Даем субсидию до 80 000 долларов на покупку жилья. Пополняем счет в Центральном сберегательном фонде. Даем бонусные акции, когда появляются излишки. Хотите бесплатный проезд в автобусе? Нет. У вас есть проблемы? Хорошо, я дам вам наличные или активы. Вы сами решаете, что делать. Можете работать или потратить деньги. Менее способные продадут свои акции и потратят деньги. Большинство людей копят деньги и становятся мелкими капиталистами. Так у нас образуется демократия частных собственников. Размер вашей собственности зависит от ваших способностей.

Мы создали демократию частных собственников, поэтому в Сингапуре теперь стабильность. Если хотите, чтобы люди защищали свою страну, дайте им долю собственности. Они не будут защищать страну ради собственности Дальнего Востока, группы компаний «Хонг Леонг» (Hong Leong) или кого-то еще. Вы владеете домом. Вы будете бороться за свою семью и за себя.

Это работает. Почему? Потому что мы в согласии с природой человека. Можно ли превратить всех сингапурцев в иезуитских священников? Иезуитские священники приносят себя в жертву. Такие люди есть, но много ли их? Сколько сейчас иезуитских священников в церкви? Мы принимаем природу человека такой, какая она есть, и основываем на ней нашу систему. Система должна учитывать человеческую природу. Нужно извлекать из людей лучшее с помощью стимулов и наказаний. Если у верхнего слоя отнять слишком много преимуществ, они уедут.

- В ближайшие годы правительство будет испытывать финансовое

давление, потому что малообеспеченные и пожилые будут нуждаться в большем социальном обслуживании. В то же время ставки налогов падают. Как с этим быть?

- Я не могу предсказать, как будут расти наши доходы и расходы. Население будет стареть, и расходы на здравоохранение увеличатся.

(Министр здравоохранения) Хау Бун Ван много времени посвящает этой проблеме. Он пытается уменьшить высокие расходы на пожилых, на лечение таких хронических заболеваний, как диабет, повышенный холестерин и т.д. Достижения в медицине продлевают жизнь, появляются более дорогие патентованные лекарства и больше медицинских и хирургических процедур. Сингапурцы хотят иметь все лучшее. У нас лучшая медицина в Азии.

Почему мы не открываем частные больницы, где можно заплатить и получить все самое лучшее? Я мог бы построить отдельную больницу. Никто не станет строить больницу, потому что это огромные вложения. Я бы использовал государственные деньги, построил и оснастил больницу, сказал: «Мы обеспечиваем персонал, вы управляете больницей, а мы назначаем вам арендную плату. Постепенно вы платите персоналу, включая парамедиков и т.д. Вы можете лечить всех - местных пациентов, пациентов из-за рубежа, назначайте им сами оплату. Тогда мы сможем иметь возможности пересадки печени и любых других органов».

Если сделать так в общей больнице Сингапура (Singapore General Hospital), некоторые люди скажут: «Они обратились в ту больницу, и их там лечили..., а я не получил там лечения». Это будет проблема.

- Почему молодые министры так не сделают?

- Потому что начнется большой скандал. В Англии партия тори попыталась открыть несколько частных клиник. Общество немедленно почувствовало, что это закончится двухуровневой системой. Теперь тори, желая победить на выборах, обещают: «Придя к власти, мы сохраним государственную систему здравоохранения». Они загнали себя в угол.

- Вы упомянули в этом интервью о нескольких вещах, которые Вы бы сделали, если бы были у власти, а молодые министры - не делают. Это вас беспокоит?

- Если бы я был у власти при тех условиях, что были тогда, то я бы это сделал. Я не уверен, что теперешние условия позволили бы мне это сделать.

- Правильно ли я понимаю, что вы считаете, что молодые министры могли бы быть - жестче, что они не хотят занять более твердую позицию?

- Нет, нет, я так не думаю. Им приходится учитывать преобладающие мнения, ожидания людей. Нельзя вдруг обмануть эти ожидания. Посмотрите на (французского президента Николя) Саркози. У французов свой образ жизни: я хочу, чтобы у меня была гарантированная работа, и мне все равно идет ли процесс глобализации или лопаются банки. Что ж, Саркози придется это урегулировать. Если он этого не сделает, французы устроят огромную демонстрацию, заблокируют движение, закроют железные дороги, чтобы показать власть рабочих.

Саркози приходится это учитывать. Он знает, что он может сделать, чтобы изменить положение вещей, но он также знает, что будет бунт. Такова ситуация во Франции. Если у меня будет такая же ситуация, что я смогу сделать?

Ни одно общество не остается статичным. Мир не статичен. Нужно двигаться вместе с течением мировых событий. Сингапур - это микрокосмос, отражение того, что происходит во всем мире.

Я НЕ ЗНАЮ, КАКАЯ ЧАСТЬ МОЗГА ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ

- Может ли правительство создать другие пути к успеху?

- Мы пытались, и теперь из всех сил пытаемся это сделать: музыкальная школа, художественная школа, спортивная школа. Есть много способов заработать на жизнь и преуспеть, не так ли? Это не только академическое образование.

Я ездил в наньянский политехнический университет и провел там целый день. Там я видел рисунки одной девушки-малайки. Она там лучше всех студентов, потому что у нее есть способности: цвета, сочетания, формы, зайдите в дома малайцев, вы увидите - они очень красиво оформлены. Зайдите в дома китайцев - там спартанская обстановка. Они не тратят деньги на занавески, ковры и все такое.

У меня трое детей. Их достижения примерно одинаковы с начальной школы до университета. У них хорошо идет математика, точные науки, сочинения, языки. В рисовании и музыке - они в самом конце класса.

Да, мальчики научились играть на трубе, на флейте и на кларнете - они способные, умеют читать ноты, играть, но только механически. Возьмите музыканта от природы, филиппинца, он может воспроизвести мелодию на слух, не глядя в ноты. У него есть к этому психические и музыкальные способности.

Я не знаю, какая часть мозга за это отвечает. Но я читал, что даже если у человека болезнь Альцгеймера, и он ничего не понимает, но раньше он был пианистом, то он может сыграть Брамса или Бетховена. Это удивительно. Музыкальная часть мозга отличается от вербальной или математической - она ближе к первоначальному мозгу у рептилий. Ее нет у меня и у моей жены. Поэтому это качество не проявилось. Я это принимаю. Но мой сын Лун женился на девушке с музыкальными способностями. И их сын, и дочь также обладают музыкальными способностями. Она играет на пианино и на гуженге.

Приведу вам другой пример: это был незабываемый урок для меня. Я хотел, чтобы здесь вокруг росли красивые деревья или кусты, как в японском саду. И мы пригласили сюда двух японских садовников. Кажется, частично по программе японской помощи. Они были здесь около девяти месяцев, обучили наших работников, создали красивые окрестности и уехали.

Но через некоторое время сады вернулись к первоначальному виду. Я сказал: «Боже мой, неужели наши садовники не могут это сделать?» И мы попросили японское правительство снова прислать тех садовников. Садовники сказали мне: «В Японии с раннего возраста определяют, есть ли у вас художественный талант: формы, красота, пропорции. Если вы очень талантливы, вы становитесь художником или скульптором.

Если таланта меньше, вы станете дизайнером интерьера или одежды, либо дизайнером ландшафтов. Но нужно иметь талант. А вы наняли людей, потому что у них высокие результаты экзамена».

Я сказал: «Да, я поступил глупоZXZ.

Мы изменили подход, и взгляните на Истану теперь. Везде прекрасные деревья и формы, потому что мы отбираем людей по их способности вообразить, как это будет выглядеть - если посадить эти кусты рядом, чего человек с прекрасными результатами по математике или точным наукам не сможет сделать. Посмотрите на старые государственные квартиры: они все одинаковые. Это был еще один урок.

- Влияние генетики очень велико, а играет ли роль образование в качестве выравнивающего социального фактора?

- Не нужно говорить мне об этом. Я прочитал всю литературу по этому вопросу.

- Когда мы проводили исследования перед интервью, мы были удивлены, что по некоторым, показателям Сингапур тратит на образование даже меньше Южной Кореи, Тайваня и т.д.

- Разве они лучше нас развиваются? Разве Тайвань развивается лучше нас?

- Можно ли сделать больше в плане вложений в будущие поколения?

- Бюджет министерства образования растет каждый год, и мы делаем все возможное, чтобы получить максимальный результат. Даже во время нынешнего кризиса у нас есть все оборудование, лаборатории, все, что нужно. Чего не хватает? Хороших учителей. Поэтому мы надеемся принять на работу больше хороших учителей, начиная от начальной школы и выше, и в детские сады тоже.

Всех воспитателей детских садов мы направляем на переподготовку. Но это - просто полировка. А камень можно полировать только тогда, когда он этого стоит (*Смеется*). Пойдите на пляж. Моя жена когда-то собирала камешки. Если видела красивый камешек, подбирала его. Маленькие круглые камешки она складывала в деревянные коробочки или на маленькие деревянные подносы и любовалась ими. Безобидный и очень

экономный способ наслаждаться природой. Но не все камешки красивы.
Это жизнь.

ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО СМОЖЕТЕ СОЗДАТЬ РАВНОПРАВНОЕ ОБЩЕСТВО, КАК ВЕРИЛИ КОММУНИСТЫ?

- Насколько вы уверены в том, что нынешняя система способна отобрать именно те камешки, которые достойны полировки?

- Мы стараемся изо всех сил. Если у вас есть идеи получше, скажите о них министру образования или министру молодежи, спорта и социального развития. Они обсудят эти идеи. Если они подойдут, то будут их внедрять. Мы стараемся изо всех сил. Нельзя сказать, что мы не хотим этого делать. Но есть предел, который нужно принять.

- Но, может быть, хотя бы постепенно это стоит делать?

- Мы стараемся. Посмотрите, «Мендаки» (группа взаимопомощи малайцев-мусульман) и «Муис» (Исламский религиозный совет Сингапура) прилагали много усилий, и результаты по математике и точным наукам постепенно улучшаются.

Но я говорил малайским руководителям, что они никогда не преодолеют разрыв между ними и индийцами или тайцами, потому что, пока они улучшают результаты, другие также движутся вперед. Поэтому разрыв всегда будет. Они улучшаются, но не уменьшают этот разрыв. Это факт жизни. Сидек Саниф (Sidek Saniff), в конце концов, признал это. Он никогда в это не верил. Когда он присоединился к нам, он был президентом профсоюза малайских учителей. Мы привлекли его. Я сказал: «Мы поставим тебя в систему образования, и ты сам все увидишь». Мы возвращаемся к британским временам, видишь результаты? Где тут предвзятость? Дискалькулия существует с периода колониализма.

Вы думаете, что сможете создать равноправное общество, как верили коммунисты? Они за короткое время перестали в это верить. Они притворяются, что это общество равных. Но все общество работает неправильно. Поэтому Дэн Сяопин сказал: «Некоторые будут богаче быстрее, чем другие. Возможно, остальные разбогатеют позже. Поживем - увидим». И он переубедил всех своих коллег старой гвардии, которые глубоко верили в равноправное общество.

- В какой степени ваши взгляды на генетику, наследование и неравноправное общество разделяются нынешним Кабинетом?

- Это реальность, которую они постепенно принимают. Мне не нужно

их убеждать. Это моя позиция. Просто наблюдайте. Они читают и наблюдают. Вокруг много лицемерия. Ларри Саммерс (американский экономист и ректор Гарвардского университета в 2001 - 2006 гг.) был уволен из Гарварда за то, что сказал, что из девушек получаются не очень хорошие математики и ученые. Это правда. Из некоторых получаются. Но, как правило, нет.

Если исследовать мозг с помощью магнитного резонанса, женщины большую часть времени используют оба полушария мозга. Интуитивная часть мозга у них доминантная. Поэтому они хорошо понимают истинные намерения человека. Мужчина использует левое полушарие мозга, аналитическое. Можете верить в это или нет. Но почему так мало дарвинов или джонов мейнардов кейнсов среди женщин, или женщин - нобелевских лауреатов по математике или точным наукам?

- Сотни лет неравноправного образования...

- Есть биологические различия. Посмотрите на ДНК. Две Х-хромосомы дадут девочку. Х-хромосома больше, чем Y-хромосома, Х и Y хромосомы дадут мальчика. Y-хромосома меньше. Эмпирически девочки больше похожи на своих отцов, чем мальчики. Мальчики больше похожи на матерей. Я смотрю на моих сыновей. Они оба больше похожи на мать, чем на меня. Не я так говорю. Люди так говорят. Моя дочь такая же боевая, как я.

Я читал различные теории. Я интересуюсь теориями, потому что сам люблю теоретизировать. Но мне нравятся теории, доказанные практикой. Я не встречал теории, что все люди в реальности равны.

- Какой уровень неравенства вы считаете приемлемым в обществе? Вас не беспокоит возможность возникновения классовых войн?

- Поставьте себя на место главы правительства. 50 лет я пытался проложить свой путь. Мне не удалось. Вы меня не переубедите. Смогу ли я переубедить вас или нет, мне безразлично, потому что я знаю, что это реальность. Вы не собьете меня. А если министры, как и вы, верят, что все люди рождаются равными, то они потеряют много времени и денег. Постепенно они придут к моей точке зрения.

ВОСПИТАНИЕ ОСОБЕННОГО РЕБЕНКА

- Вы упомянули, что ожидания общества меняются. Родители детей с особыми потребностями говорят, что у государства есть ресурсы, но им они не достаются, и некоторые из них вынуждены обращаться в частный сектор. Вызывает ли у вас сочувствие эта проблема?

- Мы открыли школы для больных дислексией, аутизмом и детей с нарушениями зрения. Мы заботимся сначала об обычных детях. Не позаботившись о них, мы не можем позволить себе другого.

- Люди считают, что мы уже хорошо позаботились об обычных детях, и настала пора обратить внимание на проблемные области.

- Дело не в деньгах, а в нехватке обученных кадров для работы в школах. Для такой работы нужно специальное обучение. Нельзя просто построить школу для больных аутизмом и начать в ней работу, нет. Нужны годы обучения, и не одного человека, а целой группы. У кого мы учимся? У Америки, Британии, Австралии.

Член парламента Дениз Пхуа (Denise Phua) подталкивала меня и министров. Сколько нужно лет, чтобы обучить персонал и запустить школы? Я сказал ей, даже если мы откроем школы, нужны такие люди, как она, с высокой мотивацией, чтобы работать в этих школах для детей-инвалидов. За эти школы будут отвечать чиновники, для которых это просто работа. Для них это не личное дело.

Она настаивает, потому что для нее это личное дело - ее сын страдает аутизмом. Я говорил коллегам, что в таких школах родители должны участвовать в работе школы и контролировать персонал. У них есть личный интерес. Они болеют за своих детей.

Один из моих внуков страдает синдромом Аспергера, и он альбинос. Было очень сложно вернуть его в нормальную школьную систему.

- Считаете ли вы, что он смог бы окончить университет, если бы у вашей семьи не было дополнительных ресурсов?

- Нет, не смог бы.

- Не смог бы?

- Не смог бы. Его отправляли в подготовительную школу Довер Корт (Dover Court), которой управляют британцы. Раньше только они могли преодолеть его закрытость и полуслепоту. Они посадили его на первый ряд и сделали так, что он почувствовал себя уверенным и желанным. И он

окончил школу. Затем его мать, Хо Чин, тщательно выбирала директора средней школы, который бы заботился о нем, принял бы его как непростого ученика. Многие школы просто отказались его принять, потому что у них нет ресурсов.

Он пошел в школу Жонгхуа (Zhonghua), а не в известную школу. Директор отнесся к нему с пониманием, принял его. И Йипэн расцвел. Постепенно сдал экзамены, это заняло больше времени, большее количество лет, чем обычно, потому что у него ограниченные возможности, он плохо видит. У него хороший музыкальный слух. Он помнил имена всех композиторов и дирижеров. Он мог бы быть ведущим музыкальной передачи, специализирующейся на классической музыке. Я спросил, почему бы ему этим не заняться? Но он сказал, что не хочет.

ЭТО НЕ ПРОСТО РЕСУРСЫ - ЭТО ЛИЧНОЕ ВНИМАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

- Значит, ему повезло, что у его семьи были такие ресурсы?

- Не просто ресурсы, а внимание. Личное внимание. Это не просто ресурсы. Это личное внимание Хо Чин и отца. Хо Чин долго искала такую школу, где о нем бы заботились и принимали его с его недостатками. Его отвергли во многих школах. Говорили, что у них нет учителей, чтобы смотреть за ним. Директор этой школы сказал, что попытается. И это удалось.

Хорошо. Мы нашли школу. Решит ли это проблему? Нет. Решить проблему можно только в том случае, если родители придерживаются того пути, по которому может пройти ребенок, и заставляют чиновников прилагать усилия. Иначе чиновники будут делать это как свою работу - с 9 до 5, и домой. Такая система в Великобритании не приносит большой пользы детям с ограниченными возможностями.

- Значит, другими словами, если ребенок не может в этом случае максимально использовать свой потенциал, то вы будете рассматривать это скорее как неудачу его семьи, чем государства?

- Обоих. Потому что государство не предоставило возможностей, а семья не добилась этого. Мотивация должна исходить от семьи.

- Значит, Вы признаете, что в прошлом это были и недоработки государства.

- В предоставлении школ и персонала, способного делать эту работу. Я не считаю, что это недоработка. Нам приходилось расставлять приоритеты.

Даже сведение четырех государственных языков к одному было огромной проблемой. Перевести Пантах (Nantah) (Наньянский университет, обучавший на китайском языке) на английский, а затем переделать все средние и начальные школы по типу государственных школ, обучавших английскому и второму языку - родному - все это началось лишь с 1980-х годов.

Я знал, что этот путь мы должны пройти, но как это сделать?

Вынашивание планов - долгий процесс. Нельзя сделать это за одну ночь. Можно построить школу, но что это даст? Это просто здание. Школу создают не здания, а люди, которые там работают, их умения, забота, желание помочь этим детям, которое должно идти от родителей. Если вы специалист, но ваши дети - не среди таких детей, то вы просто делаете эту

работу. Если ваш ребенок среди них, то все по-другому.

**НЕ ХОЧУ ОБИЖАТЬ
МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО**

- Ваши взгляды на многонационализм были краеугольным камнем развития Сингапура в последние 45 лет. В день обретения Сингапуром независимости 9 августа 1965 года вы заявили по телевидению, что Сингапур не будет малайским, китайским или индийским государством. Оглядываясь назад, как бы вы оценили продвижение Сингапура по пути многонационализма?

- Я должен говорить откровенно, чтобы мои слова имели смысл, но я не хочу обижать мусульманское сообщество. Я думаю, мы продвигались очень хорошо, пока не поднялась волна ислама. Если вас интересуют мои наблюдения, то я могу сказать, что в других сообществах интеграция происходит легче - дружба, смешанные браки и т.д., индийцы с китайцами, китайцы с индийцами, но не у мусульман. Это результат волны, идущей от арабских государств.

Если хочешь жениться на мусульманке, должен стать мусульманином, что для многих немусульман - серьезный шаг. Я имею в виду, что меняется образ жизни. Придется ходить в мечеть, изучать арабский язык, молитвы, посты, - все меняется, и я думаю, что это барьер, который трудно будет преодолеть.

Я принял идеалистические обещания Раджаратнама в то время, когда твердо знал, что этого не произойдет в течение многих десятилетий, это был медленный процесс, пока не возникла эта волна. Сегодня я могу сказать, что мы можем интегрировать все религии и народы, кроме ислама.

- Вы хотите сказать, что существование мусульман в Сингапуре является главным препятствием к многонациональной гармонии?

- Нет, я этого не говорил. Я думаю, что мусульмане не вызывают никаких проблем в обществе, но они существуют отдельно и обособленно.

Поколение, которое работало со мной - Осман Вок, Рахим Исхак - было до волны, которая смела их; то поколение было хорошо интегрировано. Мы пили пиво, ездили по избирательным округам, вместе ели.

Теперь они спрашивают: «Тарелки чистые?» Я отвечаю: «Такая же посудомоечная машина, как у вас». Халяль, не халяль и т.д. Я хочу сказать, что все это разделяет. Все это отделяет одного человека от другого: «Я верующий, а ты нет». В этом все дело. Никто не возражает против гигиены. Но это не имеет отношения к гигиене, это имеет отношение к религиозному убеждению, что что-то нельзя делать.

- Так что же мусульманам нужно делать, чтобы интегрироваться?

- Быть не такими строгими в соблюдении ислама и сказать: «Давайте, я буду есть с вами».

- Но, наверное, есть другие способы интегрироваться, кроме еды?

- Я покажу вам реакцию немалайца, немусульманина.

Премьер-министр давал прощальный обед для всех членов парламента, уходящих на пенсию. Был приглашен Осман Вок - член парламента на пенсии. Он сидел за моим столом. И я заметил, что ему приносят особую еду. Я сказал: «Осман, ты заказывал особую еду?» Он ответил: «Нет». Я подозвал официанта и спросил: «Почему вы принесли ему другую еду? Почему он не может есть то же, что и я? Там нет свинины». Он ответил: «Господин, сейчас действует правило, по которому все мусульмане получают мусульманскую еду, иначе произойдет много несчастий».

- Вас обидело то, что он получил особую еду?

- Нет, просто я почувствовал, что мир изменился, мой друг изменился. Это тот же старый друг многих десятилетий, но тот Осман Вок, с которым мы ездили на предвыборные кампании в 1950-е и 60-е и 70-е, изменился. Это факт жизни. Я не говорю, что это хорошо или плохо. Я просто говорю, что раз он мусульманин, ему приходится на публике действовать, как мусульманин.

Я ходил в английскую школу Телок Курау, у меня было много друзей-малайцев, также и в институте Раффлз. Некоторые из моих друзей-малайцев из школы Телок Курау также учились в Раффлз, и все это время мы дружили. Мы вместе ели малайские блюда: нази-лемак и нази-горинг,

купленные у женщин, которые их делали и продавали на улице возле школы.

В те дни в школах не было буфетов, так что мы покупали нази-лемак на два цента и съедали. Еще там были торговцы рисовой лапшой - куай теоу и т.д. А теперь ты ходишь в школу вместе с малайцами и китайцами, и там есть отделение халяль и не халяль, и то же самое в университетах. Они и сидят отдельно, чтобы не заразиться. Все это разделяет общество. Я не говорю, что это хорошо или плохо. Я только хочу сказать, что это требования религий, но последствия - это барьер в обществе, и, думаю, это делается намеренно. Ислам стремится отделиться.

МИГРАЦИЯ ЗНАЧИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ

- Но обязательно ли это будет препятствием для развития государства?

- В вооруженных силах Сингапура пришлось ввести две диеты. Вы идете в битву, но вы разделены едой, когда вокруг пролетают пули. Но мы справляемся. Посмотрите, вы задаете мне вопросы, теоретические вопросы. Я управлял этой системой, и я вижу, что молодому поколению придется справляться с еще большими проблемами и привычками. Например, два стола, два - того, два - сего. Это жизнь.

Посмотрите на иммигрантов. Малайцы или индонезийцы не приезжают или почти не приезжают к нам, потому что считают нас неисламским государством. Также они не получают особых привилегий. Поэтому мы пытаемся привлекать арабов, но арабы - богатые. Некоторые женятся на малайках, родившихся у нас, и переезжают к нам, но таких очень мало.

В результате численность индийского населения приближается к численности малайского: их было 7%, а теперь 9%. Малайцев было 14%, а теперь 15%.

- Даже при более высоком уровне рождаемости среди сингапурских малайцев?

- Миграция значит больше, чем этот высокий уровень рождаемости, потому что у нас теперь индийцы высокого уровня. Это не те старые индийцы с юга, которые были рабочими, теперь это высокообразованные люди из лучших институтов и университетов. И это нам нужно понимать и с этим работать. И мы с этим прекрасно справляемся.

- Является ли серьезным фактором то, что Сингапур окружен мусульманскими странами?

- Взаимоотношения мусульман региона и наших мусульман - это реальность. Они встречаются, они смотрят телевизор. Платок становится проблемой в школах, потому что они видят, что малайки-полицейские также носят платок, и индонезийцы постепенно начинают его носить. Не все. Я думаю, некоторые лидеры отказываются это делать.

Поэтому нам пришлось твердо стоять на своем. Я сказал: «Это не школьная форма, и если вы хотите быть среди лучших учеников, соблюдайте школьную форму. Если хотите носить платок, вы не будете

среди лучших». Мы приспосабливаемся, как только можем, но мы должны соблюдать форму, показываясь на публике и перед гостями со всего мира.

Мы говорим: нет, если вы хотите выполнять эту работу, носите то же, что и другие. Хотите носить другое, закрывайтесь в кабинете и работайте только на компьютере. Да, таких огромных проблем раньше не существовало. Почему? Ну, они говорят, это потому, что теперь они все знают. Сотни лет ислам привозили сюда арабские торговцы на суденышках. Это занимало у них три или четыре месяца. Потом они оставляли свои привычки и поступали, как местные.

КИТАЙ НАС СКОРО ДОГОНИТ

- Считаете ли вы, что когда-нибудь нужно будет отказаться от тех административных мер, которые ввело правительство, например, национальные квоты на заселение, избирательные округа с групповым представительством?

- Когда закончится нефтяной век. Я не могу сказать вам, что будет через 10 или 20 лет. Но я не думаю, что так будет.

- Думали ли вы о том, как на наше общество повлияет приток иностранцев, которые в основном являются китайцами и индийцами, и изменения в национальном составе общества в последние несколько лет?

- Да, меня очень беспокоят эти изменения. Меня не беспокоят китайцы, потому что наше местное население быстро сокращается. Поэтому иммигранты просто восполняют его. Приезжает много высококвалифицированных индийцев, от которых мы не можем отказаться. Глупо от них отказываться - это специалисты в информационных технологиях, в банковском деле. У них будут способные дети.

Их сейчас около 9%. Раньше их было 7%. Я не могу сказать, как долго продлится эта тенденция. Мне кажется, что она продлится много лет, потому что Индия не догонит Сингапур еще много лет.

Китай нас скоро догонит. Через 20, 30 лет прибрежные города Китая догонят Сингапур, и иммигрантов станет гораздо меньше, потому что зачем приезжать в Сингапур, если будут такие же возможности, такое же качество жизни. Это происходит не сразу, но изменения уже видны. У нас больше иммигрантов из Сычуани, Хунани, Хубэя, Ляонина и более бедных провинций. Но не из прибрежных городов, потому что там у людей больше денег. И когда человек там получает документ об окончании школы или международную степень бакалавра, он уезжает в Америку.

Поэтому меня беспокоит, что приток китайцев уменьшится с прогрессом Китая. Приток индийцев не уменьшится, потому что, хотя индийские города развиваются, они захотят использовать наши возможности, остаться в Сингапуре и завести здесь семьи. Поэтому мы можем оказаться в ситуации, когда индийцев будет 12%, и малайцам станет некомфортно. Но мы стараемся привлечь мусульман из стран Залива - некоторых, но не многих, потому что они богаты. Немногие приедут из Малайзии и Индонезии. Есть некоторое количество браков между

сингапурцами и малайцами, сингапурцами и индонезийцами. Но в процентном отношении это ничтожное количество.

- С геополитической точки зрения лучше сохранить пропорцию на нынешнем уровне или иметь меньший процент малайского населения?

- Нет, я считаю, что с геополитической точки зрения мы должны сохранить значительный процент малайцев, чтобы не забывать, что это важная составляющая нашей жизни и важная составляющая в нашем регионе. Предположим, что малайцев будет 5%, тогда сингапурцы могут сказать: ладно, дадим этим 5% малайцев все, что они хотят, и не будем о них думать, - это будет неправильно.

Сейчас проблема в том, что если мы хотим привлечь низкоквалифицированных рабочих, то это можно сделать в любой момент, но мы завозим их навсегда. А нам нужны профессионалы, менеджеры, руководители и технари - люди с высшим образованием, но все лучшие из них, даже и не совсем лучшие, получают стипендии или гранты в Малайзии. Они не хотят приезжать к нам, если только женятся на малайке из Сингапура. Мы могли бы привлечь больше индонезийцев, потому что индонезийские профессионалы не так быстро делают карьеру. Страна у них больше, рост медленнее, так что у них меньше возможностей реализовать свой потенциал. Кроме Джакарты, города у них не очень хорошие. И даже в Джакарте бывают наводнения, много проблем, транспортные пробки. Мы привлекаем иммигрантов из региона, которые могут принести пользу Сингапуру, но мы не хотим тех, кто принесет нам лишние проблемы.

У НИХ ЕСТЬ ДЕНЬГИ, И ОНИ СТРОЯТ МЕЧЕТИ ПО ВСЕМУ МИРУ

- Вы высказывали очень жесткие взгляды на ислам и мусульман, и говорили, что мы можем принять все религии и национальности, кроме ислама.

- Потому что они неспособны взаимодействовать в обществе без ограничений. Например, не могут взять еду у соседа. И смешанные браки очень затруднены, потому что приходится менять религию и т.д.

- Был ли поворотный момент, который определил ваши взгляды на ислам? Возможно, теракт 11 сентября в Америке?

- Нет, нет, нет. Я видел, что это начинается с подъемом нефтяных держав и экспортом их формы ислама, особенно из Саудовской Аравии, ваххабитского ислама, потому что у них есть деньги и они строят мечети по всему миру.

Поэтому, когда к нам приезжал премьер-министр республики Маврикий и встречался с тогдашним премьер-министром Го Чок Тонгом, он спросил: «Есть ли какие-то изменения среди ваших мусульман?» Чок Тонг спросил: «Почему Вы спрашиваете?» Тот ответил: «Потому что теперь наши мусульмане не смешиваются с остальным обществом. Они все ходят в свои мечети, у них своя социальная и культурная деятельность, и они начинают отличаться от других граждан, - китайцев, французов, креолов, африканцев и т.д.»

Тогда Чок Тонг объяснил, что у нас это тоже происходит. В то время стояла проблема ношения платков в школах, и мы сказали «нет», все должны носить униформу, будь то в государственном учреждении или в школе. Все, кто работают с людьми, должны носить форму. Если хотите носить платок, работайте только в задних комнатах. Нас уже беспокоил этот всемирный феномен. Это не имеет отношения к 11 сентября. Это волна ваххабизма и финансирующих его нефтяных денег.

Саудийцы строят мечети по всему мусульманскому миру и в каждую мечеть посылают проповедников. У нас мы сами строим мечети, и нам не нужны их проповедники. А наша ситуация не такая сложная. Если они пришлют проповедников, они будут проповедовать ваххабизм, а он отделяет себя от всех остальных и отбрасывает назад, в VII век.

Исламскому религиозному совету Сингапура («Миус») пришлось согласиться: никаких зарубежных проповедников. Это всегда беспокоит, но

они могут поехать в Батам или Джохор Бахру и послушать все эти вдохновенные речи мулл. Некоторые до сих пор ездят учиться в Медину. Если они едут в Иорданию, это не так уж плохо, потому что это больше соответствует современному миру. Иорданцы хотят, чтобы их мусульмане были частью современного мира.

Саудийцы хотят, чтобы их мусульмане были частью исконного ислама. Поэтому и королевская семья до сих пор у власти. Существует соглашение между королем Саудом и лидерами ваххабитов, что он будет поддерживать их и их деятельность, а они будут поддерживать династию. На сегодняшний день это соглашение о разделе власти. Семья Сауди контролирует богатства. Теперь мы слышим о демократии, о женщинах за рулем, о модернизации, о перераспределении денег и миграции населения. В конечном итоге это произойдет, потому что они хотят дать своим людям образование.

Поэтому у них есть Университет науки и технологии имени короля Абдуллы, на территории которого не действуют общие правила. В долгосрочной перспективе это согласуется с сохранением старого порядка. Но с течением времени саудийские студенты будут выезжать учиться за рубеж, даже в Сингапур, они будут возвращаться и пытаться приспособиться, потому что иначе они не получают работу. Они будут знать, как устроены другие общества, хотя в них тоже есть мусульмане. Это может произойти в течение одного или двух поколений или пока не кончится нефтяное богатство, когда-то это произойдет. А пока распространение всех этих мечетей и финансирование проповедников будет продолжаться.

После нефтяного кризиса 1973 года, когда поднялись цены на нефть, или чуть раньше, Ливия посылала людей на Филиппины для разрешения конфликта на Южных Филиппинах между марабитами и филиппинцами. Это было вмешательством в дела других стран и попыткой распространения ислама с помощью нефтяных денег. Но когда Саудия стала продвигать ваххабизм, мы, к счастью, не пустили их к нам, начав строить свои мечети.

Нам не нужны их деньги или их проповедники. Наша форма ислама не обращается к прошлому, как в Малайзии.

50 000 МЕДРЕСЕ, КОТОРЫЕ ГОТОВЯТ СМЕРТНИКОВ ДЛЯ ДЖИХАДА

- Вас беспокоит то, что происходит в Малайзии и Индонезии?

- Да, конечно, потому что это неизбежно затронет нас. Не говоря уже о том, что люди ездят туда и обратно, сингапурцы смотрят их телепередачи, они смотрят наши. Кроме родственников по всему региону, которые ездят туда-сюда, наши пенсионеры, построившие или купившие дома в окрестностях Джохор Бахру, приезжают в сингапурские больницы. Так что происходят постоянные контакты, и они не закончатся. Поскольку наших малайцев стало меньше, чем представителей остальных национальностей, будет великое влияние Малайзии. Мы должны принять это, как факт жизни, и справляться с этим, пока ситуация не переменится, что, я уверен, произойдет, потому что, если противиться модернизации, то окажешься в отсталом обществе. Это неизбежно.

Иранцы пытаются быть и мусульманами, и современными, потому что хотят воспринимать науку и технологии. Но теперь они столкнулись с проблемами политической структуры из-за стремления получить больше свободы, больше прав для женщин. Я не был в Иране, но Чок Тонг был, он рассказывал, что женщины в Иране носят небольшую накидку, больше из-за моды, тонкие прозрачные платки. Они просто делают вид, что соблюдают исламский дресс-код. Они надевают чадру, но приходя домой, снимают ее, а под ней - красивое платье из Парижа и туфли в тон. Это двойной стандарт: на людях - одно, а дома - другое. Это говорит о том, что если дать женщинам образование, а в Саудовской Аравии этого не делают, то нельзя запретить им хотеть, чтобы страна стала современной. Можно оставаться исламской страной и быть современной, но нельзя быть современной и жить по законам VII века. Это делают айа-толлы. Сколько еще им удастся это поддерживать?

- Но вернемся к Сингапуру.

- Вы хотите знать, почему я ввел такие взгляды. Это не имеет отношение к 11 сентября. Это относится к нефтяному кризису и возрастающему международному влиянию, которое оплачивают нефтяные державы. Все наши мусульманские лидеры были в Саудовской Аравии и Иране, оплачивали участие в конференциях. Они говорят: наш ислам настоящий. Ваш ислам был испорчен. Ислам пришел в Юго-Восточную Азию на торговых суденышках. Путь занимал много месяцев, учитывая

муссоны. Поэтому ислам развивался совершенно по-другому.

- Сингапурские мусульмане не могут вступать в браки с сингапурцами других религий, но утверждаете ли вы, что они не могут жить в гармонии с другими национальностями и быть такими же сингапурцами, что и другие национальности?

- Нет, я этого не утверждаю. Я не говорю, что они не могут быть мирными, добропорядочными гражданами. Я только утверждаю, что они будут отдельной частью нашего общества.

У нас могут быть новые индийцы или китайцы, не являющиеся частью нашего сообщества, но их дети определенно станут его частью. Вы не сможете отличить пловчиху Тао Ли от урожденного сингапурца. Она приехала сюда в возрасте четырех или пяти лет. Она говорит на сингапурском мандаринском диалекте и на сингапурском английском. Она является частью Сингапура.

Для меня одним из самых показательных случаев был тот, когда, после и сентября, один из наших мусульман пакистанского происхождения поехал в Карачи и вступил в партию Талибан, чтобы сражаться с американцами. Он был схвачен Северным альянсом, и американцы прислали запрос, является ли он нашим гражданином. В то же время пакистанец того же возраста, родившийся и выросший в Бирмингеме, также пошел сражаться за Талибан.

Поэтому у индийцев бесконечные проблемы с пакистанскими террористами. Президент Мушарраф хотел урегулировать обстановку в Кашмире. Он не мог этого сделать из-за мусульманских экстремистов. У них 50000 медресе, которые готовят смертников для джихада, этого достаточно, чтобы бесконечно снабжать ими Кашмир. Для индийского спецназа это неравная битва, потому что они хотят выжить и вернуться к своим семьям.

Индия посылает прекрасно подготовленных, хорошо обученных спецназовцев, но у них есть семьи, которые зависят от своих отцов. Поэтому, если убивают солдата, страдает вся семья. А с пакистанской стороны, если погибает солдат, то он верит, что попадет на небеса, где его ждут 72 девственницы.

- Но это небольшое меньшинство.

- Одна бомба на станции метро может вызвать хаос; это не только страх смерти, но и подозрения и беспокойство, которые возникнут между мусульманскими и немусульманским сообществами, как в Лондоне. Даже в автобусе лондонцы отодвигаются от мусульман. Они боятся, что у тех может быть бомба. Если он пустит ее в ход, вы умрете. Люди реагируют

таким образом.

ОДНА БОЛЬШАЯ БОМБА, И МЫ УЖЕ НЕ СМОЖЕМ ОСТАНОВИТЬ РЕАКЦИЮ

- Вы говорите об этом барьере между мусульманами и немусульманами. Я думаю, что большинство мусульман, которых я знаю, жили с убеждением, что они могут быть и в полной мере сингапурцами, и в полной мере мусульманами, и они верят в тот Сингапур, образ которого вы нарисовали своим гражданам. А теперь они слышат, что между мусульманами и немусульманами есть барьер. И я хочу спросить вас: неужели мусульмане обманывали сами себя, веря в то, что их примут в это общество?

- Нет, это разные типы мусульман. Когда возникла Ассоциация мусульман-специалистов, они были в оппозиции к Исламскому религиозному совету Сингапура («Миус») и к нашему малайскому руководству ПНД. Они возникли как оппозиция. Они считали, что могут принести больше пользы малайцам. Поэтому мы дали им финансовую поддержку. Потом они поняли, что не могут сделать больше, чем «Мендаки» (группа взаимопомощи малайцев-мусульман) или «Миус». Постепенно они поменяли свои убеждения, потому что поняли, что «Мендаки» и «Миус» хорошо работают.

Мы не утверждаем, что такая позиция безнадежна. Остаются люди, находящиеся под влиянием сторонников арабского джихада. Один-два человека могут испортить все взаимоотношения. Одна большая бомба, и мы уже не сможем остановить реакцию. Я имею в виду, что начнется после взрыва, скажем, в Анг Мо Кио или Танджонг Пагар, где очень мало мусульман, или даже там, где живут мусульмане, например, в Раффлз Сити. Отношения мусульман и немусульман изменятся кардинально, как это произошло в Британии.

Британцы чувствовали себя уверенно, у них были советы. Но британская разведка объявила, что они наблюдают за 2000 потенциальными сторонниками джихада. 2000. Где они нашли столько сотрудников разведки, чтобы наблюдать за 2000 человек? Они делают это через интернет и технические средства наблюдения.

Мы еще не дошли до этого. Но отдельный террорист может проникнуть из Батама с поясом смертника. Нам нужно быть внимательными. Мы не можем гарантировать, что кто-то не проскользнет, не проникнет на станцию метро и не взорвет себя, или, того хуже, не

сделает это в туннеле. Тогда начнется очень опасная спасательная операция, с пожаром в туннеле, а не просто на станции, где есть средства пожаротушения. Поэтому наши службы учатся справляться с такими ситуациями. Это чрезвычайная ситуация, но если она случится, мы не можем просто оставить гореть поезд с тысячей пассажиров. Даже если возможно спасти только часть из них, нужно постараться это сделать.

Это не шутки. Мы сталкиваемся с новой ситуацией, такого не было никогда в истории цивилизации. Перед нами группа людей, готовых уничтожить себя, чтобы навредить другим. Раньше такими были только «Тамильские тигры». Но они сражались за осязаемый результат, за тамильские земли в Шри-Ланке. Теперь это битва за ислам, это причина, проистекающая из религиозных убеждений.

По своей искаженной точке зрения, мусульмане убеждены, что каждый, кто сотрудничает с правительством неверных, - это плохой мусульманин, и точка. Если мы не проведем это различие, то у нас не будет ни одного малайца в правительстве, на государственной службе, либо в службах безопасности. Нужно провести это различие, потому что мы имеем дело с совершенно разными группами. И одна вредоносная группа может разрушить межнациональную, межрелигиозную гармонию.

Мы послали в Лондон группу для изучения их опыта. У них есть разные группы мусульман, которые не могут объединиться. Из-за их законов о свободе слова они позволяют любым фанатичным проповедникам произносить взрывоопасные проповеди в британских мечетях. Теперь они стали ограничивать фанатиков. Они берут Совет мусульман, идут в Верховный Суд и борются за права человека и свободу слова. В конце концов, судьи разрешили правительству выдворять их. Если бы мы принимали саудийские деньги для строительства мечетей, у нас бы были саудийские проповедники. К счастью, мы предотвратили это, основав Фонд строительства мечетей, так что нам не нужны их деньги.

ПЕРВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ДОЛЖНА БЫТЬ ВЫСОКАЯ СТЕПЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ

- Но не опасаетесь ли вы, что ваши взгляды могут быть неправильно поняты молодым поколением руководителей, которые не прошли через то, через что прошли вы? Вы знаете мусульман и малайцев, и знаете, как с ними справляться, но не может ли среди молодых руководителей начаться слишком бурная реакция, хотя бы из страха?

- Нет, я так не думаю. Они работали вместе со мной. Го Чок Тонг работал со мной 15 лет, прежде чем занял этот пост, и он присутствовал на всех моих встречах с малайскими руководителями и т.д. Сянь Лун дружил со множеством малайцев, выучил малайский язык, он их понимает. Еще мальчиком он объезжал со мной избирательные округа. Он понимает их чувства. Кто бы ни пришел после него, начнет понимать и адаптироваться, пока сидит в парламенте и работает в избирательных округах.

Я не вижу нетерпимости. Каждый сингапурец знает, что первой составляющей, первым качеством многонационального, космополитичного общества должна быть высокая степень толерантности. Это наш образ жизни - евреи, христиане, мусульмане, зороастрийцы, буддисты, даосисты - кто угодно. Послушайте наши молитвы за вооруженные силы. Упоминаются все религии. Это ваша вера, она дает вам силы в битве. Если вы умрете, то не напрасно.

- Как бы вы охарактеризовали уровень вашего доверия к сингапурским мусульманам?

- Я бы сказал, что твердо прослеживается закономерность - чем лучше они знают английский, тем меньше они подвержены этому. Сейчас их первый язык - английский. Поэтому, когда они выходят в интернет, они читают по-английски. Мы исследуем учеников начальных классов. Все больше малайских детей начинают говорить дома по-английски. Если ребенок в таком возрасте говорит по-английски, мы знаем, что его родители хорошо образованы и хотят, чтобы их дети преуспели в нашем обществе. Это тенденция. Мы перешли на английский и открыли для них более широкий мир.

- Значит, наблюдая за изменениями в мусульманском сообществе в Сингапуре, распространением английского языка внутри сообщества, соответствующей мотивацией этого сообщества, вы должны испытывать чувство удовлетворения?

- Эта группа будет только расти со временем, но мы не можем заставить исчезнуть меньшинство сторонников джихада. Каким бы ничтожным ни было это меньшинство, оно способно разрушить всю межнациональную гармонию.

ХРИСТИАНЕ НЕ ХОДЯТ ПО УЛИЦАМ, ОБВЯЗАВШИСЬ БОМБАМИ, ЧТОБЫ ВЗРЫВАТЬ ЛЮДЕЙ

- Давайте поговорим о других религиях. Некоторые считают, что тенденция возрастания религиозности в Сингапуре касается и некоторых фундаменталистских христианских групп. Как вы относитесь к возрастанию активности христиан?

- Христианское миссионерское движение началось в 1970-е годы в школах. Мою внучку крестили. Моих внуков - нет. Я не знаю, как они ее убедили. Она училась в школе для девочек Раффлз, затем в Хва Чонг. Сейчас она глубоко религиозный человек, носит крестик. Каждое воскресенье ходит в церковь. Читает Библию.

- Христиане организованно выступают против некоторых решений, например, против строительства казино.

- Но они не ходят по улицам, обвязавшись бомбами, чтобы взрывать людей. Если они начнут это делать, у нас будет проблема, и мы их остановим. И остановим также миссионеров. Сейчас они законопослушны.

- Среди некоторых нехристиан зреет опасение, что довольно много министров Кабинета - христиане, к тому же это, кажется, связано с уровнем образования. Все больше высокообразованных сингапурцев становятся христианами.

- Этому есть более широкое объяснение - буддизм и даосизм, как и религии предков, не являются очень привлекательными верованиями для людей, получивших образование на Западе. Этот феномен мы наблюдаем в Корее. По какой-то причине образованные корейцы не придерживаются буддизма, даосизма и верований предков. Они говорят, что это суеверия. Они верят в сверхъестественное существо, которое когда-то создало этот мир, эту вселенную.

В Тайване по мере развития страны люди становятся более религиозными. Это называется аномия, которая происходит в результате быстрых экономических и социальных изменений. Мы направили команду для изучения религиозных движений в быстроразвивающихся странах: Корее, Тайване, Гонконге. На Тайване строится множество храмов.

Христианская церковь предлагает ритуалы для рождения, женитьбы, похорон. Это три важнейших события в жизни человека. У буддистов нет

обряда посвящения. Затем женитьба: у китайцев проводится только лишь чайная церемония. В обществе, ориентированном на Запад, это не будет законной связью, нужно зарегистрироваться в специальном ведомстве. Это правовая процедура - согласны ли вы взять в жены эту женщину, взять в мужья этого мужчину и т.д. Тогда как священник спрашивает, нет ли у кого-то возражений против этого брака, пусть тот выскажет свои возражения сейчас. Затем произносятся клятвы любить и почитать этого человека в болезни и в здравии, в бедности и в богатстве, пока смерть не разлучит их. Это утешительные слова, они имеют большое психологическое воздействие.

После смерти священник проводит последние обряды. Хон Суй Сен (бывший министр финансов) был глубоко верующим католиком, также и его жена. Его жена искренне верит, что после смерти встретится с мужем. Это дает ей утешение.

У меня нет такой веры. Поэтому мне приходится иметь другие защитные механизмы. Я скажу: ладно, такова жизнь. Се ля ви, как говорят французы.

Когда умерла моя мама, мы не хотели проводить буддистскую церемонию, и она не была христианкой. Мы провели простую церемонию. Я произнес прощальную речь. Так же поступили и мои братья, но это не дает такого утешения, как отклик церкви с пением и органной музыкой.

Эта музыка развивалась веками, чтобы соответствовать настроению. Я был на похоронной церемонии Хон Суй Сена в Соборе Святого Пастыря. Священник провел таинство причастия семье. Все получили облатку. Я не брал, потому что я не католик, так что я просто сидел в задних рядах. Все остальные брали. Это дало семье большое утешение. Когда они возвращались домой, они были спокойны.

Теперь я должен решить, как быть с моей женой, потому что она не христианка. Я должен буду произнести прощальную речь, также и мои сыновья и внуки.

Вряд ли я встречу свою жену на небесах или где-то еще. Из чувства сентиментальности мы хотим, чтобы наш прах покоился рядом. И это все.

МНЕ НЕ НУЖНО ВЕРИТЬ В СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ

- Так в чем же вы черпаете духовную поддержку или она вам не нужна?

- Я не знаю. Я пережил разные кризисы. Должно быть, есть что-то, что помогает мне подниматься. Мне не нужно верить в сверхъестественное, чтобы подняться.

- По поводу количества министров-христиан...

- Они не агрессивные христиане. Они умеют жить и давать жить другим. Если хотите клясться на Библии, клянитесь, будь то Ветхий или Новый Завет. Они дают клятву верности, формулировка отличается у разных религий. Нет, если в Кабинете будут одни христиане, это, возможно, будет нетолерантный Кабинет, этого мы не позволим.

- Я думаю, некоторые люди беспокоятся, что другие религии захотят дать адекватный ответ.

- Буддисты ответили. Они должны отвечать, должны защищать своих от сокращения. Это пройдет.

Мы изучили опыт Кореи и Японии. Как только в Японии кризис, возникает новая религиозная секта, не обязательно христианская, также новые варианты синтоизма или другие секты.

В Корее выбирают христианство. На Тайване процветают храмы. В Гонконге много христиан, но меньше, чем в Сингапуре или в Малайзии.

- Не кажется ли вам, что появилась проблема в том, чтобы поддерживать светский, многоконфессиональный центр управления страной?

- Нет. Я не вижу признаков этого ни в одном из членов парламента. Мы проводили свободное голосование по Закону о трансплантации органов человека. Кристофер де Соуза (Christopher de Souza) голосовал против. Это его твердое убеждение, так что пусть будет так. Он католик. Я не вижу, чтобы он кого-то обращал в свою веру. Но у него твердые убеждения. Поскольку Папа против этого закона, он не должен за него голосовать. Я же считаю, что Папа неправ.

ВСЕ РЕЛИГИИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ВНЕ ПОЛИТИКИ. ТАК МЫ СОХРАНИМ ГАРМОНИЮ

- В 1980-х правительство выступило против вмешательства католической церкви.

- Да, они вмешивались в политику. Если бы мы позволили это, то другие религиозные группы также выступили бы на политическую арену. Тогда у нас были бы политические партии, разделенные по религиозному признаку. Мы остановили это. Католики были замечены в латиноамериканском католическом движении за улучшение положения бедных, а католическая церковь не справлялась со своей работой.

Я прекратил это. Когда сюда приехал Папа, я объяснил что «это может быть в порядке вещей в Латинской Америке, но у нас многонациональная страна. Ваши католики начнут это, другие религии ответят, и у нас начнутся трения между религиями. Все религии должны держаться вне политики. Так мы сохраним гармонию».

Посмотрите на Малайзию. Они никогда не решат свои проблемы. Я как-то ехал с Тунку Абдул Рахманом в его машине. Он обращался со мной, как с придворным. Я должен был сопровождать его на свадьбы и другие светские мероприятия. Везде у них новые мечети. Я спросил: «Тунку, почему вы не строите больницы?» «Нет, нет, - сказал он, - Куан Ю, Вы не понимаете таких вещей. Это малайское общество. Им нужно молиться. Нужно только дать им нужные молитвы и чуть-чуть лучшей жизни, и они будут счастливы, и будут работать с вами».

Это было только начало, самое начало. Это было начало использования ислама в качестве политического фактора вовлечения всех мусульман, чтобы ни один немусульманин не мог набраться сил в этом мусульманском обществе и выиграть выборы. Когда мы приехали в Малайзию, убедив некоторых малайцев голосовать за ПНД, он сказал: «Не вмешивайтесь. ПНД может быть здесь, но только в рамках китайских общин». Я сказал ему: «Тогда у нас будет раскол в обществе». Он сказал: «Нет, попробуй сделать это с евразийцами и индийцами, но оставь мусульман в покое». Теперь это глубоко укоренилось. Исламская партия Малайзии PAS собирается проводить переговоры о сотрудничестве с лидерами Объединенной малайской национальной организации UMNO. Об

этом можно прочитать в малазийской прессе. Это должно было случиться.

Зачем малайцам-мусульманам отдавать свои особые права? Потому что у Анвара Ибрагима такая платформа? Я не думаю, что PAS согласится на это.

НЕ БУДЕТЕ УЧАСТВОВАТЬ В ПРАЗДНЕСТВАХ ГОЛОДНЫХ ДУХОВ - ПОТЕРЯЕТЕ ГОЛОСА

- Вы только что упомянули, что костяк министров составляют умеренные христиане. Как вы можете обеспечить, что они останутся таковыми, или что ключевые персоны в политике, например, постоянные секретари, не будут склоняться в ту или иную сторону?

- Нет, само население не проголосует за таких людей. Если вы не будете участвовать в празднествах Седьмого месяца - празднествах Голодных Духов, вы потеряете голоса. Это простой тест на гибкость. Есть некоторые китайские добродетели, которые не изменятся. И низкообразованные по-прежнему верят в старый пантеон китайских богов и богинь: Куан Йин, Матцу и всех остальных. Если вы строгий христианин, вы будете избегать храмов и праздника Седьмого месяца. Люди сразу среагируют: он не наш. И вы потеряете голоса.

- Но это только раз в пять лет, верно?

- Да, конечно.

- А между выборами, если вы, скажем, увидите, что коллега движется не в ту сторону?

- Если он движется не в ту сторону, он проиграет выборы. Главная проверка - это способность вести людей за собой. Если им удастся обратить в свою веру все население, то у нас будут огромные проблемы. Но я не вижу, чтобы это происходило. Я был в избирательном округе Августина Тана (Augustine Tan). Там было священное дерево со множеством свечей и записок. Люди молились за четырехзначные числа. Я сказал Августину: «Это похоже на фетишизм». Он христианин, но он сказал: «Нет, нет. Это дает им утешение. Пусть останется».

Если вы разрушите священный храм или что-нибудь другое, а кто-то скажет: «Я молился здесь и получил ребенка», то вы разрушите это место против его желания. Вы перевернете все сообщество.

Китайская Коммунистическая партия была против религии. Она подавляла ее. Стоило коммунистам расслабиться, как вера предков вернулась, так ведь? Так, в Цинмине (Qing Ming) все ходят на могилы предков, чтобы совершить ритуал сао му - убрать траву, растения с могил. Это глубокие, тысячелетние традиции. Христиане были в Индии. В таких новых странах, как Фиджи, христиане обращали языческое население в свою веру. Сколько теперь христиан в Индии? Они не смогли уничтожить

глубокие корни индуизма, индуистского пантеона, Ганеш, бог-слон и т.д.

- Когда в сингапурском Кабинете происходят дискуссии, в какой степени религиозные убеждения министров влияют на их позицию, например, по вопросам нравственности - казино, гомосексуализм и т.д.? Это как-нибудь проявляется?

- Они современные мыслящие люди. Это реальность общества, мы решаем, что отвечает нашим интересам, и как будут реагировать люди. Гомосексуальность со временем станет нормой. Она уже приемлема в Китае. Будет ли она приемлема здесь - это только вопрос времени.

Я не думаю, что простой народ обратится в христианство. Если это произойдет в массовом порядке, то это будет уже другое общество.

ЭТО БЫЛО ЧУВСТВО ПОЛНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АПАТИИ И ПРОСТО ТУПОСТЬ

- Мы заметили, что в последнее время вы поглощены этой проблемой - язык, изучение китайского языка или политика билингвизма. Могу ли я спросить, чем вызвана ваша озабоченность и почему вы так поглощены этой проблемой?

- Меня заботит, в первую очередь, самосознание. Мы настаивали на обучении родному языку, потому что я видел разницу между теми, кто получил образование на китайском и на английском языке. Те, кто обучался на английском языке, не имеют корней. Поэтому в разгар кризиса 1956 года студенты колледжа Раффлз только смеялись, тогда как в китайской школе готовился заговор. Я думаю, это было чувство полной политической апатии и просто тупость, никакого чувства или ощущения, что происходит в обществе.

- Но вы обучались на английском, и ваши близкие коллеги тоже.

- Мы понимали, что для того, чтобы завоевать Сингапур, мы должны одержать верх над теми, кто получал образование на китайском. Тех, кто обучался на английском, была малая доля населения. Поэтому мы объединились с представителями левого крыла, чтобы победить тех, кто обучался на китайском. Поэтому я убежден, что если мы потеряем нашу принадлежность к китайскому народу, наше самосознание как самих себя, а не членов западного общества, тогда мы потеряем нашу жизненную силу. Это было нашей первой движущей силой.

Конечно, сингапурцы, какие они есть, не видят в этом никакой ценности: что такое культура? Я могу читать китайские книги в переводе на английский, но это не одно и то же. Это не дает чувства самого себя. И я окончательно убедился, что это важно, когда два моих сына, ходившие в китайскую школу, поступили в Кембридж. Тогда все носили длинные волосы, но они сохранили короткие стрижки. Их не захватило желание подражать западному веянию. Я - это я, ты - это ты, я говорю с тобой о математике, я соревнуюсь с тобой, но я - это я. Я имею в виду, что они полностью уверены в себе.

- А если бы они ходили в английскую школу?

- О, они стали бы другими. Студенты, обучавшиеся на английском, все

носили длинные волосы, потому что они чувствовали, что это часть мира, к которому они принадлежат, а мои сыновья чувствовали, что они часть другого мира. Это была часть поколения китайских революционеров, не сегодняшнего Китая, а Китая 1950-х и 1960-х, где происходили грандиозные изменения.

Но в последние годы родители начали считать, что изучать китайский - это трата времени, это не имеет ценности и т.д. И вдруг в Китае произошел подъем. Если у нас не появится больше людей, говорящих на этом языке, мы потеряем наши возможности, потому что они собираются приехать сюда, а по-английски они говорят не очень хорошо и очень мало говорят по-малайски, поэтому им понадобятся сингапурские партнеры, чтобы работать с ними, говорить по-английски и по-малайски, возить их по региону.

Все наши граждане, ведущие дела в Китае, знают, что если ты не говоришь по-китайски, ты ничего не добьешься. Как ты будешь работать? Сейчас я получаю множество электронных писем от бывших учащихся школ, где учились на английском и изучали китайский как второй язык, а не из специализированных школ, которых обучают по специальной программе помощи (в них особое внимание уделяется китайскому), и они благодарят меня, что их заставили изучать второй язык. Они благодарят меня за эту базу.

Я хочу сказать, что величайшая экономика мира может использовать нас и помогать нам расти, но нам необходим их язык, чтобы общаться с ними. Нам нужен английский, чтобы общаться с Америкой и Европой, всем англоговорящим миром. Так мы развиваемся. Почему мы не можем освоить это и общаться с Китаем, и расти вместе с Китаем? Они будут самой быстрорастущей экономикой в ближайшие 20, 30, 40 лет. Посмотрите, на каком они уровне. Через 60, 70, 80 лет они достигнут уровня Америки по показателям на душу населения.

РОДИТЕЛИ ПОСЫЛАЛИ ДЕТЕЙ ЗА ГРАНИЦУ, ЧТОБЫ НЕ УЧИТЬ КИТАЙСКИЙ КАК ВТОРОЙ ЯЗЫК

- Оглядываясь назад, нет ли у вас сожалений по поводу развития нашей политики билингвизма?

- Нет, нисколько. Если бы я знал, как тяжело будет обучить китайскому детей из англоговорящих семей, а нам пришлось использовать китайский как первый язык в школах, потому что в этих школах учителя преподавали на китайском и отказывались пользоваться английским, потому что эти дети были китайцами. Учителя считали: я буду говорить на китайском, как в китайской школе, а ты заучивай. Дети в растерянности, они не понимают. Я изменил это. Я узнал, что многие родители посылают детей за границу, чтобы не учить китайский как второй язык.

Затем я познакомился с Го Йен Сеном (Goh Yeng Seng), который теперь является руководителем китайской секции Национального института образования. Он защитил кандидатскую диссертацию по лингвистике в Лондонской школе ориенталистики и африканистики, но ему пришлось изучать английский. Он сдал кандидатский экзамен по лингвистике. И он говорил, что изучал английский так же, как я изучал китайский, - через китайский. Он смотрел в словарь - английское слово означает то-то и то-то. Если он бы он смотрел в англо-английский словарь, он потратил бы годы и ничего не достиг. Он смотрел в англо-китайский словарь, и выучил язык.

Я выучил китайский с помощью китайско-английского словаря. Поэтому я попробовал применить это в школах, обучая детей из англоговорящих семей китайскому через английский. Это удалось. Мы попробовали в четырех школах. Во всех родители говорили об успехах детей. Так мы преодолели сопротивление со стороны китайско-говорящих групп и распространили эту практику на большее количество школ.

Теперь ситуация изменилась, потому что учителя теперь владеют двумя языками. Более молодые учителя, которые заменили прежних, говорят по-английски, это их первый язык, и их специально готовили для преподавания китайского. Так что теперь проблем нет. Также мы научились применять модульное обучение, так что каждый учится в том темпе, который позволяет ему его домашняя база. Если может освоить два, три

модуля за год, пожалуйста. Если можешь освоить только один модуль, на следующий год перейдешь к другому. Так что проблема решена, но это потребовало 40 лет вследствие невежества.

Что же делать? Если бы тогда я знал столько, сколько сейчас, скольких трудностей и моментов отчаяния я бы мог избежать. Это жизнь. Ты учишься и становишься мудрее уже после того, как все произошло.

- Конечно, со стороны родителей, обучавшихся на английском языке, было много поддержки, но, я думаю, ее могло быть больше, потому что многие из них были не заинтересованы в языке, поэтому у них не было мотивации учиться и заставлять учиться своих детей.

- В этом есть доля правды. У них не было бы мотивации, если бы это было нужно для поступления в университет, а потом можно все забыть. Теперь Китай поднимается, и язык нужно освоить. Будь ты юрист или бухгалтер - кто угодно, если ты говоришь по-китайски, тебя берут в транснациональную компанию, платят хорошую зарплату, оплачивают жилье за рубежом, обучение для твоих детей за рубежом. Ты сохраняешь деньги, возвращаешься уже богатым человеком, с отличным послужным списком. Поэтому теперь к этому относятся серьезнее. Теперь нет проблем с мотивацией.

МЫ ДОЛЖНЫ ПОБУДИТЬ НЕКОТОРЫХ НАШИХ РЕБЯТ ИЗУЧАТЬ АРАБСКИЙ

- Вы упомянули о различном отношении со стороны англоговорящих и китайскоговорящих групп к языковой политике и к проводимым изменениям. Как велико сегодня различие между этими группами?

- Я бы сказал, что среди молодого поколения различие ничтожно, потому что все они говорят по-английски и знают китайский как второй язык. Я был в Ханое, и газета «Стрэйтс Таймс» послала туда свою журналистку из Пекина, чтобы она писала о моем визите. Я посмотрел ее резюме. Она не изучала китайский в университете. Она училась в Лондонской школе экономики. Китайский она изучала в школе как второй язык. Наш посол сказал, что когда она только начинала работать в Пекине, ей было очень сложно. Через шесть месяцев все стало нормально, потому что она изучала китайский в школе как второй язык. И я спросил ее, как ей удалось освоиться всего за шесть месяцев.

Она сказала: «Потому что я говорила дома на мандаринском диалекте». Поэтому, хотя она не достигла высоких результатов на экзамене по китайскому в чтении и письме, она бегло говорила на языке и могла его совершенствовать. И теперь, спустя два года, она полностью влилась в китайскоговорящую среду.

Теперь это требование экономики. Посмотрите, где наши движущие силы прогресса? Английский язык нужен в Америке, Японии, Европе, Британии, Австралии, Новой Зеландии. Откуда теперь будет идти развитие?

Мы не отказываемся от прошлого; мы хотим иметь соглашения о свободной торговле с ними со всеми. Но мы добавляем новые движущие силы, необходимые для нашей экономики: Китай, Индию, страны Персидского залива. Думаю, мы должны побудить некоторых наших ребят изучать арабский, чтобы сотрудничать с ними. Поэтому у нас должен быть арабский квартал, кальяны и все такое, чтобы они чувствовали себя как дома. Арабы жили здесь с основания Сингапура. Они все из Йемена. Есть арабская улица. Мы должны воссоздать там маленькую Аравию. Это поможет нам создать контакт. Они говорят по-английски. Но когда ведешь там дела, нужно контролировать работников, нужно говорить по-арабски.

Что касается бизнеса с Индией, изучение тамильского в этом не очень

полезно. На тамильском говорят только в Тамилнаде. Если хотите изучить индийский язык, это должен быть хинди, потому что на нем говорят 300-400 миллионов человек на севере Индии. Но все, кто занимается бизнесом, говорят по-английски, так что это нормально. Но в Китае, если не знаешь китайского, не сможешь работать. Лишь небольшое количество высокообразованных людей хорошо говорит по-английски. Все активно учили язык к Олимпиаде, но выучили лишь несколько слов и фраз, и все.

- Заккрытие в 1980 году единственного в Сингапуре наньянского китайского университета оставило у китайскоговорящих людей того поколения щемящее чувство потери. Можно ли было этого избежать? Не стало ли бы теперь преимуществом, если бы в Сингапуре оставался китайский университет?

- Если бы он у нас был, кто бы туда пошел? Вы отправите своего сына в китайский университет в Сингапуре, если он может поехать в Пекин или Шанхай?

Я предлагал Ви Чо Йо (Wee Cho Yaw) (банкир и лидер китайской общины): мы возродим старую китайскую школу, если вы ее заполните. Он отказался. Он знал, что не сможет этого сделать. Ни один родитель в Сингапуре, который хочет, чтобы его ребенок достиг успеха, не захочет, чтобы он учился в школе, которая не даст ему владения английским языком.

- С подъемом Китая видите ли вы необходимость дальнейшего совершенствования политики билингвизма? Ведь недавно вы говорили не просто о билингвизме, но также о бикультурализме.

- Нет, нет, это только для небольшой группы. Вы хотите, чтобы все достигли этого уровня - это невозможно. Вы сойдете с ума. Это невозможно.

- Значит, для большинства людей политика билингвизма останется такой же, как сегодня?

- Да, конечно, но мы должны постараться и найти 100, 200, максимум 300 человек, которые смогут пойти дальше. Проблема в том, что способные люди, которые могли бы пойти дальше, хотят стать бухгалтерами, юристами, архитекторами и т.д., а не специалистами по языку. Но тогда они могут поехать в Китай и стать архитекторами там, как Лиу Тай Кар (Liu Thai Ker).

- Учитывая экономическую потребность в изучении китайского, не считаете ли вы, что было бы полезно либерализовать политику билингвизма для меньшинств и позволить им изучать китайский, если они хотят этого, и не изучать родной язык в школе?

- Для китайцев, говорящих дома по-английски, это уже очень трудно. Старший министр С.Джаякумар отправил своих детей изучать китайский. У них получилось, но они очень способные, и они старались. Некоторым малайцам это удастся, потому что они стараются. Но они хотят изучать английский, малайский, арабский в Коране и китайский.

- Но если вы позволите им изучать второй язык по их выбору, я подозреваю, что более успешные малайцы выберут китайский.

- Если они готовы рискнуть и возложить на своих детей груз обучения, я думаю, нет причин им отказывать. Но если будет трудно, пожалуйста, не обвиняйте правительство. Это ваш выбор, вы заранее знали, что это не простой язык.

АНГЛИЙСКИЙ ДАСТ НАМ НАИЛУЧШУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТУПИТЬ В РАЗВИТЫЙ МИР

- Могли ли вы представить, что жизнь повернется таким образом, когда вы решили сделать английский рабочим языком в Сингапуре 40 лет назад?

- Нет, 40 лет назад я знал, что английский даст нам наилучшую возможность вступить в развитый мир: Америка, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, возможно большая часть Европы, потому что их компании пользовались английским. И Япония стала пользоваться английским. Поэтому я дал нашей стране лучшие возможности. Я не думал, что французский или русский просто исчезнут, или что интернет просто захлестнет мир английским. Это была удача.

Если бы мы выбрали русский, мы бы пожалели об этом. Я говорил сыну, чтобы он учил русский. Я сказал, что русские хороши в математике, а ты знаешь английский, китайский и малайский. Раз ты можешь это, то выучи немного русский. Он с отличием сдал экзамены по начальному уровню русского языка, и, когда был в России по пути в Кембридж, смог сказать речь на русском языке. Но для чего? Теперь он едва понимает русский, когда беседует с российскими лидерами.

- У него количество нейронов выше среднего уровня.

- Но для чего? Он может использовать свои нейроны для других, более полезных вещей. Смотрите, я изучал шесть языков. Можно ли удержать в памяти шесть языков? Мне нужно читать экономические новости со всего мира, индексы Доу Джонса, Standard & Poor's, новости Сингапура, Индонезии, Малайзии, курсы валют. Для всего этого нужны нейроны. Нужно отмечать тенденции в экономике, анализировать экономическую ситуацию: выходим ли мы из кризиса и когда выйдем? Можно ли удержать шесть языков? Ерунда. Вы сойдете с ума.

Нужно знать один язык в совершенстве, на котором вы сможете быстро работать, получать информацию и выражать свои мысли. Для меня такой язык - английский.

- В прошлом вам приходилось иметь дело с людьми, которые сделали политическую карьеру на проблемах языка. Решены ли эти проблемы? Решен ли вопрос о том, каким языком пользоваться в

Сингапуре?

- Нет, использование языка в мире всегда будет развиваться и меняться. В следующие 50 или 100 лет доминирующими языками для нас будут английский и китайский, в такой последовательности. Но кто может предсказать, какие языки будут доминировать в мире через 200 или 300 лет?

Латынь была языком Европы. Вплоть до XVI века многие ученые, включая Эразма, писали на латыни. Церковь пользовалась латынью. К XVIII веку начали переходить на свои родные языки. Постепенно латынь исчезла. Теперь латынь - мертвый язык, используется только в католических богослужениях. Никто не может сказать, что английский всегда будет доминирующим.

Я не верю, что китайский когда-нибудь станет главным языком в мире. Он слишком сложен для тех, кто не говорит на нем с самого раннего возраста. В нем нет фонетики, нет пиньинь (*официально принятая система записи звуков китайского языка латинскими буквами - прим. переводчика*). Они не перейдут на пиньинь, потому что тогда не смогут читать надписи на старых могильных камнях или древнюю литературу на бамбуке. Пока они не откажутся от старой письменности, изучение этого языка останется двойной проблемой. Сначала нужно научиться говорить и слушать, что очень сложно, потому что слова односложные и имеют пять тонов: четыре основных и один легкий. Во-вторых, нужно различать более 3000 иероглифов. Произношение некоторых можно определить, потому что между чертами в иероглифе есть связь, но одно и то же слово может иметь несколько разных значений. Одно и то же слово может произноситься по-разному. Это сложно.

«Май» означает «хоронить», «мен юан» - жаловаться. Но это один и тот же иероглиф. Я долго думал, почему так. Мой учитель сказал, что слово меняет произношение, когда изменяется его значение. Я посмотрел в словарь, так и есть. Но когда смотришь в словарь, то видишь только одно значение. Я не знал историю слова, и как оно изменялось. Это настоящая проблема. А когда два слова соединяются вместе, значение меняется. Это очень сложный язык.

ВЫ ВЕРИТЕ, ЧТО ОНИ БЫ ПРИНОСИЛИ ЖЕРТВЫ РАДИ ВАС?

- Но вы не думаете, что, возможно, с развитием Китая, в Сингапуре будут китайцы, которые захотят, чтобы китайский язык занимал здесь больше места?

- Нет. Мы - часть Юго-Восточной Азии. Куда нас приведет китайский язык? Кто будет поддерживать нашу экономику? Торговать только с Китаем? Если это Гонконг, Китай будет его поддерживать. Но мы - Сингапур, мы независимы. Китай не будет нас поддерживать.

Когда мы вели переговоры о свободной торговле, они говорили нам, что мы не Гонконг. Гонконг - часть Китая. Они дали Гонконгу хорошие условия. Но мы - суверенное государство, и то, что они дадут Сингапuru, они должны быть готовы дать и другим. Конечно, если мы присоединимся к Китаю в качестве особой административной зоны, все может быть по-другому. Вы хотите этого? Но мы не настолько близки.

Гонконг теперь собирается устанавливать более тесные связи с материком. Мост соединит Гонконг, Чжухай (Zhuhai), Аомынь (Aomen) (Макао) и все города дельты реки Перл.

- Но эмоциональное тяготение может быть достаточно сильным, особенно мягкое влияние Китая.

- Нет. Какое эмоциональное тяготение? Вы знаете «Плена» (*Plen* - сокращенное название «полномочный представитель» - прим. переводчика). Его сына младенцем отправили в Китай на воспитание. Еу Чуй Ип (Eu Chooi Yip) встретился с Го Кен Сви. Они были старыми друзьями. Он сказал, что его сын бросил идеологию. Разрешим ли мы ему вернуться? Сын Плена был в Цинхуа, он очень талантливый, не коммунист и женат на китаянке из Малайзии. Так что мы разрешили ему вернуться, и я встретился с ним на обеде. Мне было интересно, и я спросил его: «Расскажите, как вы росли в Китае». Сингапурцев и малайцев поселили вместе в деревне в Чанша. Они росли отдельно от коренных китайцев, ходили в другие школы, с ними по-другому обращались. Он поехал в Цинхуа с коренными китайцами. Хотя он рос там и говорил, как они, относились к нему по-другому.

- Но это старый Китай, я имею в виду, Китай 30 - 50 лет назад.

- Я ездил в Сямынь (Xiamen) в 1980-е, и меня возили туда, где живут вернувшиеся туда сингапурцы и малайцы. Они живут отдельно. Они не

смешиваются. Может быть, через два или три поколения их детей примут, они будут ходить в те же школы, но пока они «Хуачао» (граждане Китая, живущие в других странах). Они на ступеньку ниже. «Хюэйи» (этнические китайцы, живущие вне Китая) на две ступеньки ниже. Этого не случится.

У нас были опасения, когда коммунисты в Сингапуре были сильны. Многие изгнанные сторонники коммунистов хотели вернуться, но мы не пустили их. Мы сделали глупость. Мы не понимали, что их никогда не принимали в Китае. Мы не понимали, что в Китае вместо того, чтобы получить поддержку родной страны, они были людьми низшего сорта.

Когда пришло время, Китай подружился с АСЕАН. Они прижали вьетнамцев. Так что все партизанское движение перестало получать оружие, средства связи, деньги. Я говорил Дэн Сяопину, что пока Китай поддерживает их, не может быть никакого сотрудничества с Китаем. Он прекратил их поддерживать. Они были поставлены вне закона.

Я дважды встречался с Пленом в Сингапуре, после того, как он сдался правительству Малайзии. Дэн сказал ему: хватит. Он давал им деньги, чтобы купить собственные средства связи и уехать в Таиланд. Он говорил Плену остановиться, иначе Ли не будет сотрудничать. Он обвинял меня. Но он все прекратил. Что важнее - интересы Китая или малайской коммунистической партии? Вы верите, что они бы приносили жертвы ради вас? Конечно, мы говорим о дружбе. Мы говорим о близких культурах, но на самом деле наши культуры разные. Мы более западные.

ГОРОД ДОЛЖЕН БЫТЬ УДОБНЫМ И ПРИЯТНЫМ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ

- Вы были одним из самых убежденных сторонников идеи открыть Сингапур для иностранцев. Будет ли Сингапур зависеть от иностранцев вечно?

- При существующем уровне воспроизводства, безусловно. В противном случае к 2050 году на одного старика будет приходиться полтора работающих человека - это нежизнеспособно. Это будет коллапс всей экономики. И из-за того, что бремя будет настолько велико, одаренная молодежь предпочтет эмигрировать, а не нести на себе такой тяжкий груз. Почему, вы думаете, мы призываем сингапурцев заводить больше детей? Да потому что мы не можем даже воспроизвести себя. Мы вынуждены зависеть от того, станут ли дети мигрантов сингапурцами, чтобы наше население всегда в большинстве своем состояло из сингапурцев. Мы заботимся о том, чтобы они были рассредоточены и чтобы их соседями были сингапурцы, а их дети общались с сингапурцами и ходили вместе с ними в школу.

Невозможно изменить первое поколение иммигрантов, будь то индийцы, китайцы или кто-то другой, но, безусловно, можно вобрать в себя следующее поколение, которое либо родилось здесь, либо было слишком молодо в момент приезда сюда. Они ходят в наши школы, они начинают говорить и вести себя как сингапурцы.

Без иностранцев у нас не будет достаточно рабочей силы, необходимой для нашего роста. Все очень просто. У нас нет легионов людей. Сколько детей рождается в год? От 30 000 до 35 000. А должно быть в два раза больше, не так ли? Когда я вступил в должность, каждый год рождалось 62 000 младенцев, и это при населении менее чем в 2 миллиона.

- Есть ли предел открытости? Однажды вы заметили, что, по вашему мнению, населению нельзя позволить вырасти до 6,5 миллионов, на что нацелены некоторые государственные планы развития.

- Нет, я считаю, что в силу территориальных причин нужно создавать оптимальную среду: необходимо, чтобы были «зеленые легкие», рекреационные зоны, чтобы город был удобным и приятным для проживания. Но в правительстве считают, что население можно довести до 6,5 миллионов за счет освоения новых земель. Они говорят, что можно

освоить еще 15 процентов.

А что после этого? Представьте, что вы освоили максимально возможные территории вплоть до нашей морской границы, и что дальше? Потом нужно будет повышать наше качество. Мы прилагаем все усилия. Мы не можем изменить набор генов нашего населения. Но мы можем максимально развить их потенциал за счет воспитания и обучения подобно тому, что мы делаем сейчас в рамках программы SPUR (про-граммы по повышению квалификации и переподготовке), используя время экономического спада, чтобы повысить их квалификацию и развить навыки с целью подготовить их к работе в новых отраслях промышленности, которые появятся с восстановлением экономики. Старые отрасли уже не вернуться. Они отошли к более дешевым странам.

РАБОТОДАТЕЛЯМ РЕШАТЬ, КОГО ОСТАВИТЬ, А С КЕМ РАСПРОЩАТЬСЯ

- Удивляет ли вас уровень неприязни сингапурцев по отношению к иностранцам?

- Нет, я не удивлен. Это ведь нечто новое. Мы привлекли огромное количество людей, в чем вы можете убедиться, взглянув на статистику нескольких последних лет, потому что экономика развивалась, и люди были нам нужны в самых разных отраслях. Затем наступил экономический спад, во время которого мы не требовали, чтобы владельцы разрешений на работу или рабочих виз имели преимущество, потому что это был бы неправильный сигнал работодателям и иностранцам. Мы же стали выдавать «кредит на создание рабочего места» размером до 300 долларов в месяц на каждого сингапурского наемного работника, и выбор стоит за работодателем. Если он решает оставить на работе иностранца и отказаться от субсидии в 300 долларов, на это есть веская причина, не так ли? Нам нужно решение, предполагающее определенную долю гибкости, чтобы работодатели могли решить, кого оставить, а с кем распрощаться. Это зависит от стараний и продуктивности работника.

Как правительство, мы должны учитывать ситуацию в целом, чтобы при выходе экономики из кризиса, минимизировать препятствия на пути к росту производства. Такие вещи не делаются наобум. Все это было тщательно продумано, обсуждено, причем не только на уровне министерства финансов или министерства занятости, а целой комиссией, куда вошло и министерство национального развития, и министерство торговли и промышленности, а затем итог размышлений был вынесен на решение кабинета министров.

Как вы думаете, почему в Сингапуре в отличие от всего мира нет паники? Да потому что мы создали все эти возможности: стимулирование обучения, субсидирование каждого сингапурского наемного работника, предоставление альтернативы работодателю держать работника при себе или направить его на обучение и получить в итоге более квалифицированный кадр. У нас есть ресурсы, которые мы создавали годами, поэтому во время кризиса мы можем принимать адекватные меры и не допускать паники.

Правительство не может свернуть с этого тщательно рассчитанного курса только из-за экономического спада и брюзжания населения. Мы

нацелены на долгосрочное существование Сингапура.

- Если вдруг приток иностранцев резко увеличится и повлечет за собой неприязнь, доходящую до «точки кипения», будет ли это поводом для того, чтобы уделить пристальное внимание смягчению настроений граждан?

- Мы прилагаем все усилия для того, чтобы обеспечить их интеграцию. Во-первых, мы широко расселяем их в жилых районах, построенных Советом по жилищному строительству и развитию. Но когда индийские иммигранты покупают кооперативное жилье на Восточном Побережье, мы не можем им помешать. Поэтому среди жителей кооперативных квартир на Восточном Побережье будет непропорционально большое число выходцев из Северной Индии.

Однако в квартирах, построенных СЖСР, и где проживает большинство, мы пытаемся, не форсируя интеграцию как таковую, обеспечить больше возможностей для интеграции и взаимного понимания. Народное общество создает комиссии по интеграции в каждом округе. Но этот процесс требует времени.

В ходе внутреннего диалога в ПНД при подготовке к собранию партии одна из новых иммигранток говорила на мандаринском наречии. Когда ей сделали резкий выговор за то, что она не владеет английским, она потеряла самообладание. Как она могла выучить английский и говорить на их уровне? Ей нужно дать время. Она хочет влиться в общий поток, она приняла участие в этой комиссии и получила такой выговор. Нам необходимо проявлять больше понимания и участия. Она прилагает усилия. Она хочет установить контакт и рассказать нам, что она чувствует. Давайте дадим ей время на интеграцию. Обе стороны должны приложить усилия, это двусторонний процесс.

Если бы мы вернулись назад в 1960-е годы, когда на одну семью приходилось четыре ребенка, эта проблема никогда не встала бы перед нами, нам не пришлось бы это преодолевать. Но тогда у нас не было бы накопленного капитала для создания инфраструктуры, школ и образовательных учреждений, потому что мы бы постоянно пытались угнаться за приростом населения. Сегодня мы могли бы получить от 6 до 7 миллионов человек своего населения. Однако во всех развитых странах, где женщины получают равное с мужчинами образование и карьерные возможности, уровень рождаемости идет на спад.

Новые иммигранты становятся такими же, как наши граждане. У меня есть сиделка родом из Китая, которая воспитывает одного ребенка. Я спросил у нее: «Почему не завести двоих? А еще лучше троих?» На что она

ответила: «Нет, нет, это очень дорого. Вы знаете, какие сейчас расценки в детских садах? А ведь сын скоро пойдет в школу. Я выбрала самую лучшую школу в районе, и теперь каждую неделю в течение как минимум одного года я должна переводить детей через дорогу в качестве волонтерской работы, пока моего ребенка туда не возьмут».

Она сказала: «С двумя детьми я разорюсь. К тому времени, как я смогу вернуться на работу, я потеряю свое положение, тогда как другие его повысят».

Это показывает, что ее образ мыслей стал абсолютно таким же, что и у сингапурцев. Они думали, что новые мигранты будут вести себя как раньше, но они действуют так же, как и мы, просчитывая и рационально выбирая альтернативы. Мы не смогли найти формулу стабильного прироста за счет своих ресурсов. Возможно, мы никогда ее не найдем. Только Швеции и Франции удалось достичь общего коэффициента рождаемости приблизительно равного 2. Все остальные потерпели неудачу, особенно это касается более развитых стран в Восточной Азии.

Америка стоит особняком, потому что у них уйма неосвоенных территорий, и они являются оптимистически настроенной нацией. Думаю, что со временем они тоже достигнут этой стадии. Многие города Японии и Китая пошли по этому пути: там много незамужних женщин, работающих в СМИ и занимающихся бизнесом. Это проблема мирового масштаба. Это структурные социальные изменения. Когда женщины имеют возможность получать образование и имеют равные карьерные возможности, социальные структуры необратимо изменяются.

ЧТО ИНОСТРАНЦЫ СТИМУЛИРУЮТ СИНГАПУРЦЕВ

- Как по-вашему: изменится сингапурское общество под влиянием такого масштабного притока иностранцев?

- Я считаю, что иностранцы стимулируют сингапурцев прилагать больше усилий для того, чтобы победить в конкурентной борьбе, и это хорошо. Если мы будем рассредоточивать их по нашей территории, они не смогут повлиять на нас больше, чем мы на них. Изменения не будут слишком заметными. Их дети уже становятся сингапурцами.

Я просто не понимаю, как они могут не стать сингапурцами. Многие родители-китайцы, являющиеся новыми иммигрантами из Китая, жалуются: «Мой сын не хочет учить в школе китайский, потому что он хочет сконцентрироваться на английском и преуспеть в нем».

Такой ребенок будет говорить на мандаринском наречии дома, но он не пойдет в школу, работающую по специальной программе помощи, чтобы приложить там усилия к учебе. Он хочет занять лидирующее положение. Он видит, как просчитывают свои шаги сингапурские дети, и думает: «Если я буду слишком усердствовать с китайским, я проиграю им. Для того, чтобы победить, я должен сконцентрироваться на основных предметах - английском, естественных науках, математике, физике, биологии. Тогда я смогу одержать победу».

- Как решается вопрос интеграции иностранцев в сингапурское общество?

- Это вопрос, с которым мы вынуждены иметь дело, и который сопряжен с очень серьезными проблемами перехода в новое качество. Новые иммигранты из Китая и местные китайцы не очень хорошо ладят между собой, поэтому они держатся обособленными группами. Индийцы, приезжающие с севера, и даже те, что прибывают из Тамилнада (Tamil Nadu), считают себя выше сингапурских индийцев. Поэтому и среди них смешения не происходит.

Следующее поколение, благодаря нашей системе обучения, уже не будет иметь различий. Но поколение, о котором идет речь, приезжает в возрасте 40, 50 и более лет, а значит, они проживут еще 10, 20, 30, 40 лет. Мы должны помочь им ассимилироваться. Как-то я слушал радиопрограмму на волне 95.8 на мандаринском наречии, где брали интервью, насколько я понял, у китайца средних лет, нового иммигранта из

Китая. Он говорил: «Как я могу ассимилироваться? Я пытаюсь. Но я ем другую еду, готовлю по-другому, у меня другой жизненный уклад. Мои дети ходят в местные школы, они естественным образом станут сингапурцами. Но как я могу измениться в одно мгновение?» И он прав.

Мы не можем заставить их измениться в мгновение ока, но мы должны прилагать усилия для того, чтобы расселять их по нашей территории. Если они будут создавать общины, покупать вторичное жилье и держаться вместе, это будет проблемой. Они будут говорить между собой на своих языках, а не на английском. Поэтому мы должны следить за статистикой резидентов в жилых районах, построенных советом по жилищному строительству и развитию, и широко рассредоточивать их на этой территории. Тогда их соседями будут преимущественно сингапурцы. Если сингапурцы будут превосходить их по количеству, дети иммигрантов будут общаться с сингапурскими мальчиками и девочками, будут жить в смешанном расовом обществе и вырастут другими людьми.

В настоящий момент это является чрезвычайно важной задачей социальной инженерии. Если вы оставите их жить по своему усмотрению, они будут держаться общинами. В этом состоит большая проблема для нынешнего поколения. Но если вы не будете правильно управлять процессом, следующее поколение может и не интегрироваться в полной мере из-за общинного образа жизни. Мы хотим иметь квоту на микрорайон в размере не более определенного процента от тех, кого они называют ту шенг ту чанг де, т.е. тех, кто не родился и не вырос в этих местах.

ЕСЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НЕТ, ПРОИСХОДИТ СТАГНАЦИЯ И УПАДОК

- Вы говорили о необходимости широко расселять новых мигрантов, но в действительности существуют территории, в том числе это касается и государственных жилых районов, где концентрация иностранцев более высока.

- Что мы не можем контролировать, так это аренду. Мы позволили владельцам недвижимости сдавать в аренду свои квартиры, предоставленные СЖСР, чтобы заработать денег. Отслеживание всех случаев сдачи недвижимости - непосильная задача. Некоторые сдают всю квартиру, некоторые - только комнаты. Как за ними можно уследить? Контроль можно осуществлять, когда они покупают квартиру и живут в статусе постоянных жителей или граждан, но не когда они являются временными жильцами. Мы не можем контролировать их, когда они арендуют квартиры у владельцев. В большинстве случаев это делают временно проживающие люди. Если они захотят остаться, они на волне экономического спада купят себе вторичное или новое жилье.

А какова альтернатива? Допустить, чтобы экономика пошла на спад? Самое важное для любой страны - это экономический рост. Если экономического роста нет, происходит стагнация и упадок.

Если вы хотите, чтобы люди прочно пускали корни в вашей стране, вы должны предлагать им экономические возможности. Посмотрите на гонконгцев, которые эмигрировали в Канаду в огромном количестве (в годы, предшествовавшие установлению суверенитета над территорией Гонконга Китаем в 1997 году). Но в Канаде не было экономических возможностей. Поэтому они вернулись в Гонконг, но оставили свои семьи и детей в Канаде: Торонто, Ванкувере. Гонконг там, где есть деньги. Не зря их называют «астронавтами».

- Сингапур вобрал в себя столько иностранцев за очень короткое время по экономическим и демографическим причинам. Как уравновесить это с социальными последствиями, которые становятся все более заметными?

- Что ж, чувство дискомфорта присутствует. Внезапно вы можете услышать совершенно иной гнусавый выговор, когда говорят на мандаринском наречии, или вы можете услышать, как индийцы говорят не на тамильском, а на хинди, и выглядят они другими, иногда совершенно

другими. От этого никуда не деться. Я спрашивал некоторых экспатриантов, с которыми встречался: «Каков ваш конечный пункт назначения? Где вы собираетесь осесть, когда закончите работу?» Один из них, родом из Британии, ответил: «Думаю, я поеду в Австралию». Я спросил его: «Почему?» Он сказал: «Там лучшие возможности». И добавил: «В Лондоне, где я родился, я не узнаю место, когда иду домой. Там столько новых людей: поляков, азиатов, арабов, африканцев и прочих. Когда я иду домой, я чувствую себя чужаком». Но британская экономика до экономического кризиса бурно развивалась, а страны Европейского Союза, блокировавшие миграцию, не процветали в такой степени.

Конечно, Британия резко сдала свои позиции из-за злоупотреблений в жилищном секторе и покупки этих проблемных активов. Но экономика переживала бурный рост. Лондон был центром империи. Поэтому там был и металл, и прочий товарообмен. Как они могли поддерживать все это после распада империи? За счет привлечения на свою территорию новых компаний и талантов со всего мира, особенно американских банков.

Они создали евродоллар. Американские банки открылись в Лондоне. Лондон создал колоссальный финансовый сектор. И они все говорили на английском: юристы, бухгалтеры, вся вспомогательная структура банковской системы. Американские юристы и бухгалтеры тоже обосновывались в Лондоне. В настоящее время имеет место регресс. Но они надеются преодолеть его. Я наблюдал за этими процессами и пришел к выводу, что они обеспечили свой рост за счет глобализации.

- Еще одна проблема, которую сингапурцы видят в связи с иностранцами, это то, что многие из них приезжают в Сингапур, получают постоянное место жительства и имеют слишком мало стимулов для того, чтобы стать гражданами.

- Это правда. Это вопрос, над которым мы тоже много думаем.

- Их беспокоит и то, будет ли следующее поколение таким же.

- Нет, нет, следующее поколение не может быть таким же. Вы можете быть постоянным жителем, но если вы мужчина, то по достижении 18 лет вы должны пройти обязательную военную службу, или вы потеряете статус постоянного жителя.

ЕСЛИ ВЫ УЕДЕТЕ, НЕ ПРОЙДЯ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ, ВАС НЕ ВПУСТЯТ ОБРАТНО

- Я беседовал с постоянными жителями из Индии, которые сказали мне, что, когда их дети достигнут восемнадцатилетнего возраста, они просто уедут в Австралию.

- Если они уедут, то вернуться уже не смогут.

- В этот момент перед ними стоит вопрос выбора гражданства, и они намереваются вернуться в статусе постоянных жителей и работать по рабочим визам.

- Нет, нет, обратно их не впустят. У нас есть правило, согласно которому вы не можете вернуться обратно, если, будучи постоянным жителем, вы уедете и не пройдете обязательную военную службу. Вы являетесь постоянным жителем, проводите свое детство в наших школах, пользуетесь преимуществами нашей системы, после этого вы обязаны пройти здесь военную службу. Если вы уедете, не пройдя ее, вас не впустят обратно. Нам пришлось ужесточить правила, потому что люди пытаются обойти законы, чтобы воспользоваться преимуществами своего положения. Но только наиболее состоятельные индийцы верят в то, что они могут уехать домой, а, скажем, через 20 лет мы забудем об их прошлом и снова их впустим. Они ошибаются.

Большинство наших иммигрантов вполне довольны тем, что их сыновья проходят обязательную военную службу. Они знают условия. Они видят пример детей своих соседей. Для них это уровень и качество жизни, которые их родные страны не смогут дать им еще как минимум на протяжении двух, а то и более поколений. Они вполне счастливы оттого, что живут здесь.

- Как вы думаете, почему среди постоянных жителей наблюдается такое сопротивление получению гражданства?

- Возьмите, к примеру, малайзийцев - многие не отказались от малайзийского гражданства. Причина этого в том, что в Малайзии у них осталась и семья, и собственность. Гораздо проще ездить туда-сюда. Когда их родителей не станет, они возьмут сингапурское гражданство. У меня есть личный врач, который высказывает именно такую позицию. Его жена и дети живут здесь и являются гражданами Сингапура. Если мы будем давать двойное гражданство, это только усугубит ситуацию. Наша страна не такая большая, как, например, США.

- Насколько тяжело будет поддерживать расовый состав нашего населения по мере того, как мы принимаем все больше иностранцев?

- Трудность будет заключаться в том, чтобы привлечь такое же количество малайцев или мусульман для того, чтобы увеличить эти цифры, потому что число приезжающих сюда мусульман из Малайзии и Индонезии очень мало. Конечно, если впустить к нам неквалифицированных рабочих, их поток нас захлестнет. Что касается специалистов с хорошим образованием, в Малайзии и Индонезии у них меньше конкуренция и больше привилегий. Зачем им сюда приезжать?

К нам приезжает незначительное количество арабов, которые работали в Заливе и женаты на наших мусульманках. Они приняли для себя решение, что Сингапур будет для них неплохим местом. Мы не чинили препятствий женщинам в их стремлении вернуться обратно вместе со своими образованными супругами. Но их число очень мало.

Малайские лидеры понимают ситуацию. Я побуждаю их к тому, чтобы они привлекали больше иммигрантов из числа малайцев-мусульман. Некоторые специалисты-мусульмане приехали в Сингапур по заданию многонациональных корпораций, их дети ходят в наши школы, и они хотят, чтобы дети остались здесь даже после того, как их командировка подойдет к концу. Мы приветствуем такие решения и надеемся, что их приедет еще больше.

Процент индийцев растет за счет приезда их одаренных сограждан. Посмотрите на сам ресурс: их насчитывается около миллиарда человек, среди которых образованную часть составляют 200 миллионов. Они имеют английское образование, играют в крикет и вносят вклад в разнообразие наших спортивных и прочих умений.

В Сингапуре есть три индийские школы. Они хотели открыть еще, но я сказал им нет - либо вы будете ходить в сингапурские школы, либо вернетесь в Индию. Посещение индийской школы, ориентированной на индийскую культуру, затрудняет их ассимиляцию, даже если они живут здесь в статусе постоянного жителя и проходят обязательную военную службу.

На самом деле сейчас мы думаем над тем, чтобы ввести дополнительное правило: если вы получаете среднее образование в индийской школе, вы не будете удовлетворять требованиям на получение статуса постоянного жителя. Вам придется вернуться в Индию, потому что все учебники в этих школах ориентированы на Индию, знания получаются по индийскому образцу, так же как и образ мыслей, и все остальное. Это проблема.

МЫ ПРИНЯЛИ РЯД РАДИКАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И «СМЕШАЛИ» ЛЮДЕЙ

- На недавнем мероприятии, организованном китайской газетой «Лианхе Заобао» (Lianhe Zaobao), многие из числа новых иммигрантов говорили о том, как благодарны они вам за ваше руководство и те возможности, которые предоставлены им в Сингапуре. А вы тогда обронили, что многие сингапурцы думают по-другому.

- Это нормально. Все дело в том, что у них другая исходная позиция - китайская или индийская. Когда они приезжают в Сингапур, для них это сродни внезапному улучшению всей жизни. Для взрослого сингапурца улучшение происходило постепенно, поэтому он этого не чувствует. Что касается его детей, они думают, что наше развитие - это естественный ход событий, но это не так. Я хорошо представляю себе обстоятельства, из-за которых все наши достижения могут мгновенно кануть в небытие, и нам не на что будет опереться.

Мы поем (государственный гимн) «Вперед, Сингапур», мы приносим присягу, но все-таки мы еще не нация. Мы пока находимся в переходной стадии, надеясь стать единой нацией, может быть, в ближайшие 100 лет. Америка существует уже 250 лет, но я не верю, что они нация в полном смысле этого слова. Да, они воевали в Европе во время Второй мировой войны вместе - белые и черные. Они сражались вместе во Вьетнаме. Когда они вернулись на родину, черные продолжили жить отдельной жизнью. Даже сейчас большинство из них живут своей отдельной жизнью.

Мы стараемся добиться своих целей в очень сложных условиях. Мы приняли ряд радикальных решений в самом начале и «смешали» людей. Если бы мы не сделали этого, сейчас Сингапур был бы другим.

Малайзия пошла по иному пути. Они полностью разделили этнические общины. Китайцы, индийцы, малайцы - даже на вершине экономических социальных групп они не взаимодействуют на равных началах. Они стали отдельными общинами. Являются ли они нацией? Нет.

Являемся ли нацией мы? Мы в процессе становления. Когда этот процесс завершится? Я не могу вам ответить.

Лидер может только обеспечить преемственность. После этого все зависит от его преемников. Сталин ушел, и Хрущев разрушил сталинскую систему. Ушел Хрущев, и Брежнев начал формировать новый режим. Брежнев передал полномочия Андропову, когда ему было глубоко за 80,

почти перед смертью. Когда умер Черненко, к власти пришел Горбачев и ликвидировал Советский Союз. Они не были нацией, они были империей. Являются ли нацией китайцы? Да, ханьцы, которые составляют 90 процентов населения. Их история насчитывает 5 000 лет. А Синьцзян и Тибет? Государство надеется сделать их нацией за счет связей этих регионов с ханьцами. С такой проблемой сталкивается любой неоднородный по своему составу народ.

Национальное единство - это искусственное образование, искусственный признак, по которому люди, принадлежащие к разным расам, делятся на страны со своим управлением. Останется ли Малайзия навсегда в том состоянии, в котором она пребывает сейчас? Я не знаю.

ЭМИГРАЦИЯ - ЭТО ОБЩЕМИРОВАЯ ПРОБЛЕМА

- Обратной стороной иммиграции является эмиграция, это вопрос, который вам приходилось решать в бытность премьер-министром, и это явление продолжает быть источником проблем. Какие решения вы видите, особенно принимая во внимание глобализацию мира?

- Я не думаю, что мы можем остановить отток людей, потому что это общемировая проблема. Что может заставить наших студентов чувствовать себя привязанными к Сингапуру, когда они уезжают за границу? Карьерные возможности, не уступающие тем, что они могут получить за рубежом. Тогда они вернутся.

Что может их сдержать? Цены на дома и машины? В Америке недвижимость дешева, машины дешевы, но там существует «стеклянный потолок», из-за которого вы не сможете продвигаться по карьерной лестнице, так как вы не входите в круг избранных и никогда в него не попадете. Это страна белых людей. Может быть, президент Барак Обама сможет найти выход из положения. Это незаурядный человек в исключительных обстоятельствах, но в социальном плане черные, как правило, не перемешиваются с белыми. Это нужно учитывать.

Нашим одаренным студентам предлагают в США работу еще до окончания вуза. Студенты принимают за дело, говоря себе: «Хорошо, я накоплю опыт, а потом вернусь в Сингапур». Вернутся ли они, если мы не будем являться процветающим финансовым центром? Не думаю. Если же мы будем таковым, их компании сами будут направлять их сюда, потому что здесь они будут работать и взаимодействовать наилучшим образом. Так от чего это зависит? От экономической динамики и карьерных возможностей.

Если вы спросите меня, то я отвечу, что верность, привязанность, дух товарищества на военной службе и в школе - это положительные факторы. Но если нет экономических и карьерных возможностей, таланты не вернутся. Когда за рубежом наступает экономический кризис, уровень эмиграции резко падает.

- Видите ли вы новую угрозу нашему принципу многорасовости со стороны иммиграции или со стороны, например, граждан Индии, которые привозят с собой свои кастовые предрассудки, или граждан Китая и их презрения к темнокожим людям?

- Я так не думаю. Те, кто хочет жить здесь, понимают, что они - меньшинство. Индийцы знают, что хинди приведет их в никуда, и они вынуждены учить английский. Они могут поддерживать знание хинди, причины этому лежат более в области сантиментов. Хорошо, они могут вернуться в Индию и заниматься там бизнесом, но в Индии заниматься бизнесом можно и зная английский. Они должны сделать все для того, чтобы их дети стали частью этого места, иначе они не преуспеют.

Устранение кастовости займет определенное время, потому что новые иммигранты серьезно относятся к кастовому вопросу. Представители следующего поколения, обучающиеся в наших школах, будут испытывать давление со стороны родителей, когда захотят вступить в брак. Те будут говорить им: «Я привезу тебе жену из Индии». Но это со временем сойдет на нет, потому что жена из Индии не вписывается в новую картину. Сын уже нашел себе женщину здесь, он будет противостоять родителям. Очень многие врачи родом из Индии женятся на китайских женщинах-врачах.

Что касается китайцев, для них трудностей, на мой взгляд, еще меньше. У них нет кастовой системы. Они говорят с акцентом, но их дети благодаря школам будут говорить как сингапурцы. На самом деле, я надеюсь, что их акцент улучшит наше произношение. Они говорят на более правильном мандаринском наречии, а мы говорим с наньянским акцентом.

- Социальной сплоченности угрожает также то, что некоторые состоятельные иностранцы увлекаются нарочитой демонстрацией своего богатства, что идет вразрез с тем, к чему привыкли сингапурцы.

- Эта нарочитая демонстрация благосостояния, о которой вы говорите, исходит в основном от женщин индийского происхождения. Если у вас есть богатая одежда, украшения, и вы хотите их носить, это ваше дело. Пробуждает ли это зависть в наших людях? Вы ведь можете наблюдать демонстрацию роскоши в таких журналах, как «Татлер» (Tatler), не так ли? Я не сторонник построения культуры социальной элиты, но мы решили дать ей право на существование. На вершине каждого общества есть некоторое количество людей, которые хотят быть законодателями мод, завсегдатаями светских вечеринок. Оставим их. Они - меньшинство. Они не задают стандарты. Стандартов устанавливают министры, члены Парламента и управляющие высшего ранга.

Благодаря домам в прибрежной части и гонкам Формулы 1 их будет приезжать все больше и больше. Мы стараемся привлекать их. Онг Бенг Сенг (Ong Beng Seng) делает все для того, чтобы как можно больше богатых туристов приезжало на гонки Формулы 1.

С развитием курортов, предоставляющих самые разнообразные услуги, на нашей территории будет происходить больше съездов и больших шоу. Сюда будут слетаться люди: богатые индийцы, китайцы. Эти шоу спонсируются казино.

В результате увеличится приток богатых людей. Это хорошо. Вы видите их по телевизору, видите их в реальной жизни. Хотите чего-то подобного? Действуйте, прилагая все усилия. Вы тоже можете покупать драгоценности. Но я не думаю, что сингапурцы захотят носить на себе тонны ювелирных украшений, чтобы показать всем свое благосостояние. Это дурной тон.

МЫ ЖИВЕМ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. СТАРЫЕ ШАБЛОНЫ БОЛЬШЕ НЕ ДЕЙСТВУЮТ

- Вы описываете Сингапур как нацию в процессе становления, принимая во внимание его молодую историю, когда у нас не было ни общего языка, ни культуры, ни географии. Каким должен быть Сингапур, чтобы вы смогли назвать его нацией?

- У нас должно быть чувство своего «я», национальной самобытности, готовность умереть за свою страну и друг за друга. Посмотрите на китайцев, сколько раз их завоевывали, но они каждый раз возрождались как нация, когда захватчики ослабевали, потому что у них есть то, что может их сплотить: единый язык, единая культура и единая ханьская раса.

Есть ли у нас единый язык и единая культура? Нет. Мы выбрали один язык, который является для нас иностранным, подобно Вест-Индии или некоторым африканским странам, которые также выбрали английский язык, но они не являются единой нацией. Если мы потеряем свой второй язык, мы полностью потеряем чувство национальной самобытности. Невозможно создать нацию за 45 лет.

- Не беспокоит ли вас то, что приток иностранцев в Сингапур в будущем размочит границы национальной идентификации, которую мы пытаемся создать?

- Возможно, но какова альтернатива? Я не устаю призывать сингапурцев: пожалуйста, заводите как минимум двоих детей, а лучше троих. Они не откликаются. Какова альтернатива?

- Рискую показаться сентиментальным, задам такой вопрос: есть ли какая-то эмоциональная составляющая в том, чтобы быть сингапурцем?

- Я был в австралийском городе Перт и встречался с сингапурцами, которые там обосновались. Они с любовью вспоминают Сингапур. Мужчина, который организовал встречу, хранит паспорт своего сына в качестве гарантии. Сын окончил университет в Перте и работает бухгалтером в одной из крупных компаний. Я спросил: «Почему вы не отказываетесь от сингапурского гражданства»? Он ответил: «Сын вернулся на родину, чтобы пройти обязательную военную службу, он хочет обеспечить себе альтернативу на случай экономического спада».

Он вернулся и прошел военную службу, но его семья осталась там. Если он женится на девушке из Австралии, если они потеряют работу там,

он вернется сюда вместе с ней. Допустим, Перт станет засушливым из-за перемены климата, тогда они тоже могут решить вернуться. Мы живем во время перемен. Старые шаблоны больше не действуют.

ЕДИНАЯ РАСА, ЕДИНАЯ КУЛЬТУРА, ЕДИНАЯ РЕЛИГИЯ, ЕДИНЫЙ НАРОД

- Что составляет национальную идентификацию Сингапура? Как выделить сингапурца из толпы?

- Позвольте мне дать широкое представление о том, что такое идентификация. Идентификация меняется с обстоятельствами. Возьмем, например, идентификацию Британии в период империи: валлийцы, ирландцы, шотландцы - все идентифицировали себя как британцы. А когда Британская империя распалась, они сказали: «Я - валлиец, я - шотландец, я хочу отдельное законодательство, и нефть за пределами города Абердин принадлежит мне».

Лейбористское правительство позволило им иметь свое законодательство. Это еще больше усугубило разрыв. Теперь у них есть партии, поддерживающие независимость Шотландии. Идентификация меняется. Когда я задаюсь вопросом, существуют ли малайзийцы, мне кажется, что нет. Есть малайцы-малайзийцы, китайцы-малайзийцы и индийцы-малайзийцы. Что же является идентификацией сингапурца в изменяющихся обстоятельствах? Принятие многорасовости, терпимость к людям - представителям другой расы, другого языка, культуры, религии, а также наличие равных исходных позиций в конкурентной борьбе. Вот что будет отличать нас от всех соседей.

Индонезийцы на протяжении десятилетий не считали китайцев своими гражданами. Китайцам приходилось ме-нять свои имена на имена прибуми, то есть имена коренных индонезийцев, и, несмотря на это, их все равно не принимали. Сейчас благодаря подъему Китая им позволили вновь открыть китайские школы, и допустили к вещанию китайские телевизионные каналы. Но вспомните, что Юсуф Калла (Jusuf Kalla) набрал всего 12 процентов голосов, баллотировавшись в президенты, потому что он не был яванцем. Существует ли индонезийская идентификация? Да, сейчас они все говорят на языке бахаса индонесиа - индонезийском языке. Что еще? У них один административный режим, общие силы обороны и, даже если вы являетесь меньшинством в Новой Гвинее или где-то еще, вы являетесь частью Индонезии, и от этого не уйти. Следовательно, это идентификация в процессе становления.

Что касается Японии, Китая, старых наций, они уже устоялись. Классическое определение нации - единая раса, единая культура, единая

религия, единый народ. Какие мы знаем страны, отвечающие всем этим характеристикам? На сегодняшний день я бы сказал, что это Япония, внутриконтинентальный Китай, но не прибрежная его часть, поскольку она стала иной, а также Германия до войны, куда не впускали никого, кроме немцев. Но сейчас немцам приходится принимать турков, они вынуждены давать туркам немецкое гражданство, несмотря на то, что те не интегрируются в их общество.

Шведы вынуждены были принимать беженцев: сомалийцев, тамилы из Шри-Ланки и многих других. Станут ли они шведами? Для этого должно смениться много поколений. Будут ли их воспринимать как шведов? Юридически, да. Они имеют право на пособия по безработице, социальное обеспечение. Но они не входят в близкий круг.

Мое определение сингапурца, черта, которая отличает нас от всех остальных, это наша позиция: тот, кто присоединяется к нам, становится частью нас самих. Это американская концепция. Ты можешь оставить себе свое имя: Бжезински, Берлускони - какое бы оно ни было, но раз ты приехал, присоединяйся ко мне, ты - американец. Нам нужны таланты, и мы их принимаем. Это должно быть нашим определяющим качеством.

Если у нас не будет этого качества, будем ли мы принимать только тех, кто похож на нас? Разве китайцы из Китая похожи на нас? Разве индийцы из Индии похожи на нас? Малайцы из Малайзии тоже сейчас от нас отличаются. Со временем китайцы, индийцы и другие иностранцы, приезжающие к нам, меняются. Вот оно определяющее качество. Английский будет нашим рабочим языком, а вы можете сохранить и свой родной язык. Может быть, вы не будете говорить на нем так же хорошо, как на английском, но если вам придется работать с Китаем, Индией, Малайзией или Индонезией, вы всегда сможете его восстановить.

СИНГАПУР - ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ. ЭТО ПОЧТИ ЧУДО

- Многие американцы готовы умереть за свою страну, которую они считают местом открытых возможностей для всех людей. Таким ли вы видите Сингапур?

-Нет, Сингапур - это нечто большее. Это почти чудо. Когда вы приезжаете, вы становитесь частью совершенно исключительного организма. Он был создан необычным путем. Вы становитесь частью чего-то особого. Он возник, если можно так сказать, по счастливой случайности, умноженной на кропотливую работу и творческую, самобытную команду. И, я думаю, мы можем продолжать в том же духе.

Сингапур может оставаться безопасным и стабильным местом только при условии своей исключительности.

- Когда вы росли, вы были британским подданным, потом японским подданным, а позже вы были малайцем. В какой момент вы почувствовали себя сингапурцем, и что для вас значит быть сингапурцем?

- Я не являюсь типичным сингапурцем. Так получилось, что я создал этот организм, который мы зовем Сингапур, и в результате появились сингапурцы. Да, я вырос британским подданным. Мой отец поначалу работал в Сингапуре. Мой дед был начальником хозяйственной части на судне пароходства «Хип Энг Мо» (Heap Eng Mo), принадлежавшего сахарному королю Явы Ой Тионг Хаму (Oei Tiong Ham), потом он стал его представителем и поверенным в Сингапуре. Он сделал состояние на торговле. Он женился на моей бабушке в городе Семаранг и привез ее сюда. Мой отец родился в Семаранге. Ребенком его перевезли в Сингапур. Поскольку его отец был британским подданным, то и он родился британским подданным. Когда я был маленьким и жил на улице Нейл Роуд, которая тогда находилась в фешенебельном районе, прислуга в доме состояла из яванцев, потому что они более трудолюбивы, чем малайцы. Моя бабушка говорила на яванском. Считал ли я тогда себя сингапурцем? Нет.

Потом мой отец начал работать на компанию «Шелл», и его направляли в Джохор, Бату-Пахат (Batu Pahat) и Куантан (Kuantan). Во время школьных каникул я часто приезжал к нему, и, знаете, тогда было единое административное управление. Я просто садился в машину и ехал

туда. Не было ни таможни, ни иммиграции. В моем представлении я был малайцем.

Но малайцы в Малайзии не считали китайцев и индийцев частью Малайи. Они считались оранг тумпанган, временными жильцами, и их могли вышвырнуть вон. Когда нас вышвырнули, нам пришлось создать сингапурскую идентификацию. Вы спросили меня, каковы основополагающие признаки. Эти признаки и являются базовыми. Не обладая ими, Сингапур не сможет выжить. Если мы не ладим друг с другом, мы не сможем удержаться на плаву.

- Получается, что в самом начале быть или не быть сингапурцем было сознательным выбором, решением. В какой момент это решение стало приниматься не головой, а сердцем?

- Я не могу подвергнуть себя такому психоанализу. Все, что я знаю, это то, что мы были поставлены в такие обстоятельства, которые потребовали от нас идентифицировать себя как сингапурцев. Мы стали сингапурцами, когда малайзийцы занялись вопросом иммиграции и организовали таможню на дорогах, и нам пришлось поступить так же. Теперь стало необходимо предъявлять удостоверение личности. А раньше вы проезжали беспрепятственно.

В каком-то смысле мы приветствовали эти перемены. В противном случае, вся территория, по которой проходит малайская железная дорога, была бы заполнена малайскими самовольными поселенцами. Работа у нас оплачивалась выше. Так делается история. Такие карты были у нас на руках. Мы должны извлечь максимум из того, что имеем. У нас получилось неплохо.

ЛИБО ВЫ СОСУЩЕСТВУЕТЕ, ЛИБО ВЫ УНИЧТОЖАЕТЕ ДРУГ ДРУГА

- Мы хотим узнать ваше мнение по поводу событий в мире и геополитики. Существует ли какая-то всеобъемлющая концепция, исходя из которой, вы объясняете для себя принцип поведения стран и их взаимодействия?

- В этом смысле все остается неизменным с незапамятных времен. Племя хочет получить больше места, захватить территорию других племен, они вступают в борьбу и распространяют свое влияние. Даже когда она становится их частью, и они превращаются в другую группу, они продолжают бороться за господство.

Социобиолог Эдвард Уилсон (Edward Wilson) утверждает, что при борьбе двух племен третье племя поддержит то, ДНК которого наиболее близко его собственному. Он описывает это как врожденный, наследуемый ген, который стремится к размножению.

Возьмите Китай, и вы увидите, что веками их завоевывали, и веками ханьцы поглощали чужако- маньчжурцев, монголов, - и все они в итоге стали ханьцами. Единственные племена, с которыми они не смогли ассимилироваться - это уйгуры и мусульмане региона Нинся (Ningxia). Еще одна группа, с которой им не удалось ассимилироваться, - это тибетцы. Причина в том, что тибетцы живут на большой высоте с меньшим содержанием кислорода в воздухе, и многие ханьцы, которых туда отправляли, вынуждены были вернуться, потому что их легкие не смогли адаптироваться.

Посмотрите на белых. Они воевали друг с другом. Потом они воевали друг с другом в борьбе за империи. Сначала британцы захватили крупные куски Индии, Юго-Восточной Азии, Африки, оккупировали Северную Америку, но уступили их американским колониям, Австралии и Новой Зеландии, Южной Африке.

Несмотря на то, что британцы воевали с бурами в Южной Африке, они объединились в противостоянии черным. Они думали, что у них больше общего, более близкая ДНК, потому что они белые, а буры родом из Голландии.

Я считаю, что это неотъемлемая часть развития человеческого вида, потому что сейчас весь мир взаимосвязан, и белые руководители Америки и Европы столкнулись с миром, в котором будут доминировать сначала

китайцы, а затем и индийцы. Будет интересно наблюдать за тем, как они будут адаптироваться. Передача власти британцами американцам прошла относительно гладко и безболезненно. Британцы медленно сдавали свои позиции, американцы постепенно перехватывали инициативу. Один язык, схожая цивилизация, и американцы просто унаследовали английский язык.

Я не знаю точно, что произойдет, когда китайцы будут постепенно сравниваться с американцами, а это ожидается к концу века. К следующему веку придется уяснить: либо вы сосуществуете, либо вы уничтожаете друг друга.

- Ваш взгляд вполне в духе дарвинизма.

- Это не совсем дарвинизм, это знания, которые я получил опытным путем. Поначалу у меня не было никаких теорий. Я не начинал с Эдварда Уилсона. Уилсон просто дал мне интеллектуальную основу и примеры, но я имел возможность наблюдать все это на практике.

Это неотъемлемая часть эволюции человека. Когда вы создаете национальные государства, вы имеете дело с ресурсами людей, не относящихся к вашему «роду», но вы можете использовать их для укрепления своей мощи. Так, британцы использовали африканских стрелков, индийскую армию и вели много войн. Аналогична ситуация в Афганистане: разные племена боролись за господство, но в конфликте с русскими племена объединились и победили их. Сейчас в противостоянии силам НАТО (Северо-Атлантический Альянс), они также объединятся и победят их.

Я БЕЗ КОЛЕБАНИЙ СКАЗАЛ БЫ: «ТЫ СОШЛА С УМА»

- Вы сказали, что такой образ мысли появился у вас не сразу. Как вы пришли к такому пониманию картины мира, и каковы были самые значимые события, заставившие вас прийти к этому выводу?

- Это результат постепенного взросления и превращения ребенка сначала в юношу, затем в молодого студента, а затем в зрелого человека.

Когда японцы пришли в Сингапур, они поступали так же, как британцы, по принципу «разделяй и властвуй». Они деликатно обращались с малайцами, приняли сдавшихся индийцев в свои ряды и нанесли удар по китайцам. Генетически китайцы стоят к ним ближе всех, но они представляли для них угрозу в прошлом, и японцы хотели завоевать Китай и доминировать над ним. Тогда они бы использовали ресурсы китайцев для того, чтобы завоевать эту часть мира. Они откусили больше, чем смогли проглотить и проиграла. Но они были особенно жестоки с китайцами именно потому, что китайцы в этой части света спонсировали националистское правительство в городе Нунции (Chongqing) с целью борьбы с Японией.

Так вы приходите к собственному выводу. Почему он воюет со мной? Потому что я - китаец. Почему он так мягок с малайцами и склоняет на свою сторону индийцев? Таким образом, в данном случае генетическую связь перевешивает другая амбиция - стать властелином Восточной Азии. Вы должны делать свои собственные расчеты, вы можете наблюдать происходящее.

- Вы не верите, что благодаря глобализации, а также развитию и модернизации человеческого общества, эта позиция может смягчиться?

- У вас есть дочери?

- Да.

- Предположим, что ваша дочь захочет выйти замуж за чернокожего африканца, какова будет ваша реакция? Вы будете в восторге или скажете ей: «Послушай, подумай еще, хорошо»? Я без колебаний скажу вам, что я бы сказал: «Ты сошла с ума».

Когда моя дочь работала в общем госпитале Массачусетса стажером-неврологом, на ней хотел жениться врач, еврей по происхождению. Моя жена спросила тогда: «Ты уверена, что у вас все получится, он еврей-

американец»? Она обдумала это и сказала: «Да, правда». Их отношения продлились несколько лет, а затем сошли на нет.

Предположим, это был бы врач-китаец из Китая или Тайваня. Мой внук, сын премьер-министра, привел в дом молодую девушку. Она на тот момент собиралась в Японию, где училась по стипендии, и ее приезд в Сингапур для того, чтобы повидаться с семьей, говорил о своего рода верности. Он привел ее, чтобы познакомить со мной. Она выпускница массачусетского технологического института, жительница материка, ее отец - профессор. Сейчас они живут в Америке. Она живет там 11 лет. С этим не было никаких проблем. Мы сказали: «Хорошо, это неплохой вариант». Он нашел себе китайку, она умна, очень покладиста, приятна и говорит на двух языках, поэтому, может быть, со временем он тоже будет говорить на двух языках.

Допустим, он привел бы белую девушку. Ты уверен, что хочешь этого? Какова была бы моя реакция? Я бы сказал: «Обдумай все как следует еще раз. Будет очень много трудностей. Хорошо?» Я имею в виду, что это инстинктивная реакция.

-Вы хотите сказать, что все эти глубоко укорененные в нас племенные инстинкты в равной степени актуальны и на международной арене, и в личной жизни? Какое значение это имеет применительно к подъему Китая и смещению баланса власти от англосаксонской основы к китайской? Неизбежен ли конфликт?

- В настоящий момент я считаю, что для нас предпочтительнее развитие событий по американской модели. Я не вижу китайцев в роли такой же мягкой силы, какую сейчас представляют американцы. Они говорят: «бу чен ба» («не буду гегемоном»). Но если ты не готов стать гегемоном, почему же ты не устаешь повторять всему миру, что не стремишься к господству? Ты просто не являешься гегемоном, не так ли? Я знаю, что американцы стремятся к гегемонии, но в мягкой форме. Я с ними в хороших отношениях. Почему бы не оставить того гегемона, который здесь уже укоренился?

ТОРГОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ - ВСЕГО ЛИШЬ ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ

- А как насчет экономических требований? Безусловно, нации не будут воевать, если это негативно отразится на торговле, инвестициях, индексе доверия. Являются ли эти факторы актуальными в современной геополитической системе?

- Так думали, когда Германия влилась в европейскую систему и набрала мощь. Германия опоздала с созданием империи, но решила добиться этого. Остальные силы, включая американцев, объединились и победили ее. Поэтому сейчас они решили: хорошо, будем довольствоваться Европой.

Я не согласен с тем, что торговые и экономические отношения играют решающую роль. Это всего лишь один из факторов, но если вы верите, что можете выиграть и захватить власть, почему бы и нет? Какое-то время вы терпите лишения, но потом все это становится вашим. Однако я не верю в возможность такого исхода, когда обе стороны имеют водородные бомбы. Они обе будут уничтожены. Конкуренция будет на грани.

- Но не считаете ли вы, что, по крайней мере, на уровне двух государств большую пользу приносят международные организации, происходит больше сотрудничества? Не считаете ли вы, что эти стремления доминировать друг над другом могут урегулироваться институтами?

- Сколько Вам лет?

- **Мне 26.**

- Что ж, если вы зададите мне этот вопрос, когда вам будет 46, значит, вы немногому научились. Спросите Кишора Мах-бубани (Kishore Mahbubani), спросите любого, кто работал в Организации Объединенных Наций. Да, у маленьких стран нет выбора, потому что совет безопасности ООН может по-требовать, чтобы они прекратили войну, либо будут приняты меры. Но когда речь идет о крупных силах, когда это касается другого члена Совета Безопасности или даже двух стран, не являющихся членами совета безопасности, например, Индии и Пакистана, они просто игнорируют любые призывы и продолжают воевать.

- Как эти ваши взгляды касательно собственного корыстного и

родственного интересов формируют внешнюю политику Сингапура и определяют наш подход к взаимодействию с другими странами?

- Они не являются определяющими. Но это один из факторов. Возьмите малайцев в Малайзии. Они считали индонезийцев «серумпун» (тем же родом). Сейчас индонезийцы испытывают больше ненависти к малайцам, чем к нам, потому что они оспаривают друг у друга право на нефтяные месторождения в регионе Амбалат (Ambalat) (морской блок в море Сулавеси). Мы не враждуем с ними по этому поводу. А они почти дошли до военного противостояния, когда их суда столкнулись вблизи Амбалат.

Для индонезийцев это не имеет никакого значения. Я большой брат. Они говорят «серумпун», что означает: вы сдаетесь и подчиняетесь мне как старшему брату. А малайзийцы не хотят сдавать эти нефтяные месторождения и говорят: обратимся в суд. А почему они должны? И сейчас малайзийцы заявляют, что им принадлежат острова Сипадан (Sipadan) и Лигитан (Ligitan), границы стали иными.

Таким образом, это не решенный вопрос, не окончательная позиция. Она меняется. Но если мы будем угрожать одной из этих стран, им придется объединиться и остановить нас, иначе мы будем как терновник, растущий на их территории. Поэтому мы просто сохраняем спокойную позицию и позволяем им существовать по их усмотрению. Мы будем дружески относиться к каждой из этих стран, но не потерпим грубого с собой обращения.

НА КАРТУ ПОСТАВЛЕНЫ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ СИЛЫ

- Мы находимся в эпицентре тектонических сдвигов мирового порядка. Какие основополагающие принципы должны определять внешнюю политику Сингапура?

- Эти принципы не меняются со временем. Мы всего лишь хотим максимум пространства, чтобы быть собой. Лучше всего это получается, когда большие «деревья» дают нам это пространство, между ними для нас есть место. Если будет одно большое дерево, накрывающее нас собой, пространства у нас не будет.

- Вы можете конкретизировать, что именно должен сделать Сингапур, чтобы создать для себя пространство рядом с исполинами?

- Предположим, мы не создали имеющихся у нас сейчас связей с Америкой и Японией. Это ситуация до возвышения Китая и Индии, когда Америка, Япония и Европа были стратегическими игроками на мировой арене, а Британия все еще имела значительные военные силы и была заинтересованной стороной. Это давало нам пространство, мы не были изолированы от внешнего мира странами АСЕАН. Если вы не хотите заниматься с нами торговлей, это ваш выбор. Мы привлекли на свою территорию транснациональные компании, стали заниматься экспортом. В конечном итоге, они присоединились к нашему процессу привлечения транснациональных корпораций. Мы получили больше инвестиций, которые были лучшего качества, с большим приростом стоимости. Поэтому мы стали от них независимы.

Предположим, мы не сделали всего этого и пошли на поводу у тех, кто призывал: давайте будем поддерживать с ними дружеские отношения. Какова покупательная способность Индонезии? Какова покупательная способность Таиланда по сравнению с Японией или Америкой? Даже по сравнению с Австралией и Новой Зеландией? Их может быть 25, 27 миллионов или даже три миллиона, но их уровень жизни очень высок. Это экономическое пространство.

А поскольку мы представляем собой безопасную, стабильную базу в самом сердце региона, они могут продавать фрукты, масло, яйца, замороженную курицу, замороженную свинину, да что угодно. Они создают свою базу в Сингапуре, а затем постепенно прокладывают себе дорогу в регион, являющийся источником спроса. Мы начали позиционировать себя

как центр экономической активности, и мы им стали. Во время британского господства мы уже отчасти были центром, мы просто улучшили ситуацию.

- Существует мнение, что положение Сингапура может осложниться по двум причинам. Первая причина - это возникновение более жесткой сверхсилы, то есть вытеснение США Китаем. А вторая причина - это отсутствие государственного деятеля вашего масштаба. Каково ваше мнение по тому поводу?

- Нет, нет и нет. Второй фактор является эфемерным, на карту поставлены гораздо более значимые силы. Если США полностью уйдут из Восточной Азии, и Китай станет единственной доминирующей силой, тогда мы окажемся в очень затруднительном положении, потому что, если мы сделаем что-то, что им не понравится, им не надо будет даже оккупировать нас.

Наши экономические связи с ними крепнут день ото дня, хотя мы прикладываем все усилия для того, чтобы диверсифицировать свою экономику в сторону Индии и других частей Азии. Но их рынок огромен. Они просто-напросто зажимают нас в экономические тиски. Сейчас Гонконг знает свое место. Если экономика пойдет на спад, они могут сказать: хорошо, я разрешаю моим друзьям покупать вашу собственность, и фондовый рынок немедленно пойдет вверх. Знают ли гонконгцы, кому они обязаны куском хлеба с маслом? Конечно, да. Кто увеличивает свое влияние: антикитайские, продемократически настроенные группы или группы, призывающие работать с Китаем? Поэтому Ансон Чан (Anson Chan) (главный секретарь Гонконга, 1993 - 2002) решила оставить свой пост. Она заняла позицию, которая была неразумна с самого начала. Она встала в оппозицию Китаю. Она считала, что британская система, демократия, американская поддержка смогут про-держаться 50 лет. Ерунда. В тот день, когда был спущен флаг, был поднят флаг Китая, и он стал верховной властью.

Британцы понимали это. Я понимал это. Это происходило по всему миру, шел процесс тотальной деколонизации, и я наблюдал за ним как опытный адвокат. Имперская система преференций потеряла смысл. Каждая независимая страна идет своим путем. У нас есть торговые соглашения с Америкой, Китаем, Индией и регионом. У нас нет торгового соглашения с Британией. Зачем оно нам? Сколько они могут купить? Но во времена империи, когда мы были их частью, они следили за тем, чтобы мы были частью их экономики.

НАС НЕ ЛЮБЯТ НАШИ СОСЕДИ

- Вы говорили о том, какой мягкой силой являются США, и о том, как нам выгодно иметь с ними тесные отношения, но есть ли у этих отношений какие-то издержки?

- Издержки в том, что нас не любят наши соседи. Наши соседи хотят иметь дружеские отношения с Америкой, но наша дружба с Америкой крепче, поэтому мы вызываем их недовольство.

Нет, все, что мы делаем, вызывает их недовольство. Не так ли? Каковы издержки этого? Мы позволили Америке создать здесь логистическую базу - какое оскорбление, сколько протестующих голосов со стороны Малайзии и Индонезии. Потом, когда Южно-Китайское море стало предметом разногласий, Али Алатас (АН Alatas) (бывший на тот момент министром иностранных дел Индонезии) заявил, что мы всегда выступали за то, чтобы Америка имела морские логистические мощности в Сингапуре. Как замечательно. Тогда мы этого не знали. Сейчас Филиппины сожалеют о том, что закрыли американскую военно-морскую базу Субик-Бей. Они просто показали свою недалекость. Теперь уже слишком поздно. Им ни при каких обстоятельствах нельзя было закрывать эту базу, тогда они бы не потеряли спорные острова в Южно-Китайском море. Там бы базировался американский военно-морской флот, оказывая поддержку филиппинскому флоту. Если китайский военно-морской флот привлечет к сотрудничеству филиппинский флот, это будет зарождением альянса. Но они выгнали Америку, и американцы не собираются уходить из Сингапура. Ради чего? Это было бы ненужным и бессмысленным бременем.

- Рассуждая о балансе сил в регионе, вы довольно подробно говорили о США и Китае. Каким образом Индия вписывается в этот баланс?

- Географически Индия не относится к Тихоокеанскому региону. Но соперничество будет происходить именно в Тихом и Индийском океанах. Китай ввел военно-морские силы в Индийский океан для защиты своих нефтяных ресурсов, поступающих из залива, и сырьевых товаров из Африки. Вот где Индия представляет собой силу. Если индийцы будут на стороне американцев, у последних будет большое преимущество. Поэтому китайцам необходимо средство противодействия, и они освоили порты Мьянмы и Пакистана.

- Иногда кажется, что вы с большим оптимизмом воспринимаете

рост Китая, чем рост Индии. В своих мемуарах вы писали, что в 1950-х и Китай, и Индия представляли собой модели развития, и что вы надеялись на успех Индии.

- Потому что Китай был коммунистическим. Их экономическая система могла и не справиться.

ВАШИ ДОРОГИ ИЗНОШЕНЫ, КРУГОМ РЫТВИНЫ, КОРОВЫ, ВЕЛОРИКШИ, УЛИЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ, СКВАТТЕРЫ

- В какой момент вы пришли к такому заключению?

- К 1970-м годам. Между ними существуют фундаментальные различия. Эдвард Люс (Edward Luce) из «Файнэншл Таймс» (Financial Times) написал книгу «Несмотря на богов: Удивительный подъем современной Индии» (In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India). Сравнения, приводимые в ней, интересны и убедительны.

Во-первых, Индия представляет собой не единую нацию, а много наций. Британцы сделали ее одной нацией благодаря железной дороге и единому администрированию. А затем она распалась на Индию, Восточный и Западный Пакистан, который позднее разделился на Пакистан и Бангладеш. Британцы позволили правителям княжеств решать, к какой стране присоединиться. Правитель Кашмира, индус, решил присоединиться к Индии. Большинство населения штата составляли мусульмане. Это решение правителя-индуса так и не было принято пакистанцами. Народы Индии говорят на многих языках. На хинди говорит 40 процентов населения на севере. На английском - может быть, 35 процентов по всему субконтиненту. На тамильском говорят 10 процентов в Тамилнаде. На малайялам говорит 3 процента населения.

В Китае 90 процентов населения составляют ханьцы, которые говорят на мандаринском наречии китайского языка. Они упростили китайские иероглифы и практически всех обучили китайскому языку. Поэтому вещание Центрального телевидения Китая понимает вся страна.

Сравните культуры. Китайцы - это деятели. Индийцы склонны к созерцанию и спорам - (экономист, лауреат Нобелевской премии) Амартия Сен озаглавил одну из своих книг как «Индиец-спорщик» (The Argumentative Indian). Когда китайцы решили сделать город Чунцин процветающим центром западного региона, они снабдили его необходимыми ресурсами. После этого Чунцин стремительно расцвел.

Я был в Бомбее. Заместитель премьер-министра правительства штата Махараштра пригласил меня провести диалог с ним, его министрами и главными чиновниками по поводу того, как сделать Бомбей похожим на Сингапур. Я провел с ними три часа.

Я сказал им: «Возьмем ваш аэропорт: если вы хотите стать финансовым центром, изучите пример Шанхая, и вы увидите разницу. Ваши дороги изношены, кругом рытвины, коровы, велорикши, уличные торговцы, скваттеры. Когда, в конце концов, попадаешь в Бомбей, то видишь море и несколько небоскребов, выстроенных в хаотическом порядке». Я спросил его, откуда Бомбей берет свой доход. Он ответил: «От правительства штата Махараштра». А откуда получает доход правительство штата Махараштра? Со всего штата, но Бомбей является главным источником доходов.

Я спросил: «Сколько из того, что зарабатывает Бомбей, возвращается к нему?» Он ответил: «Трудно сказать точно, но большая часть распределяется по штату, между фермерами». Таким образом, чтобы получить голоса фермеров, используется доход Бомбея. Поэтому я сказал ему, что, если они хотят сделать Бомбей финансовым центром по примеру Пудуна (Pudong), им следует обратиться к примеру китайцев, которые сделали Шанхай независимым городом, наделив его провинциальным статусом. Это город центрального подчинения. Почему бы не выстроить систему Бомбея по этому образцу? «Нет, - ответил мне он, - мы не можем этого сделать. Если мы это сделаем, мы потеряем свой доход». На что я ему ответил: «В таком случае Бомбей всегда будет таким, какой он есть сейчас».

Двумя днями позже я обедал с премьер-министром Манмоханом Сингхом (Manmohan Singh) и его советником по вопросам безопасности. Я передал ему нашу беседу и сказал: «Послушайте, если вы действительно имеете серьезное намерение сделать Бомбей финансовым центром, таким, как Пудун, Лондон или Нью-Йорк, вы должны сделать его независимой провинцией, взаимодействующей с центром напрямую». Он ответил: «Я никогда не смогу провести такую инициативу через парламент». Чтобы провести ее, необходимо, чтобы все 30 штатов дали свое согласие, чтобы прошло голосование и тому подобное. По его мнению, это было абсолютно невыполнимой задачей. Что ж, тогда это никогда не произойдет.

В каждом штате есть коалиции разных партий. Если Коммунистическая партия входит в состав правительства, в Калькутте и Керала они проводят разную политику. Они приглашают инвесторов в свои штаты, но не допускают приватизации центром. Они все время играют в политические игры. В коалицию входит 10 партий. Это не единая страна, это много стран.

Китай имеет одно правительство: сделайте так же и вы пойдете вверх. Не сделаете этого, останетесь за бортом. Вот и все.

Их системы несравнимы. Их ВВП были одинаковы во времена независимости, и когда Китай начал свою политику открытых дверей, страна как будто увязла в старой системе. Сегодня ВВП Китая в три с половиной раза превосходит ВВП Индии. Темпы роста Индии составляют примерно две трети от темпов роста Китая. Но это очень большая страна, и они представляют собой уравнивающую силу в Индийском океане. Мы хотим, чтобы они были частью баланса сил Юго-Восточной Азии.

Наши морские пути простираются и на восток, и на запад, поэтому мы поддерживаем дружеские отношения с обеими странами. В этом нет противоречия. Они будут развиваться с разной скоростью. Запад поначалу подыгрывал Индии. Статья «Файнэншл таймс» спустила индийцев с небес на землю. Нельзя говорить о Китае и Индии одновременно. Это две разные страны. Но выводит ли это Индию из состава игроков? Нет. Это игрок большой по весу, чем все страны АСЕАН, взятые вместе.

ЛОГИКА ОБЪЕДИНЕННЫХ РЫНКОВ НЕОПРОВЕРЖИМА

- Когда мы говорим об АСЕАН, люди все чаще высказывают мнение о том, что эта ассоциация должна иметь успех в качестве экономического образования. 550 миллионов человек - это рынок, равный половине рынков Китая и Индии соответственно. Каков ваш взгляд на АСЕАН как на экономическую группу?

- Логика объединенных рынков неопровержима, и это будет происходить. Процесс будет медленным. Поэтому давайте достигать соглашений о свободной торговле. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе.

- Не разочарованы ли вы лично медленными темпами интеграции АСЕАН?

- Нет, я удивлен, что нам удалось достичь такого прогресса. Реальность дошла до сознания, но между пониманием и реальными действиями проходит время. Для нас это не имеет большого значения. Мы не зависим от рынка АСЕАН. Мы концентрируем свое внимание на США, Японии, Южной Корее, Китае, Индии, странах залива. Мы структурировали свои экономические связи таким образом, потому что наши соседи оказались неспособны двигаться в быстром темпе. Если бы мы последовали их примеру и шли с такой скоростью, где бы мы были сегодня?

- Многие общества в этой части света находятся в неуравновешенном состоянии, поскольку имеют массу нерешенных политических вопросов, это Таиланд, Малайзия, возможно, даже Индонезия. Испытываете ли вы беспокойство по поводу этого региона? Вы весьма оптимистично настроены по отношению к Азии в целом.

- У них не будет коллапса, но они не будут развиваться так хорошо, как могли бы. Все корабли поднимаются с приливом. Их корабли находятся не в лучшем состоянии, но все равно они будут подниматься. Мы преуспеем больше, потому что находимся в полной готовности. В регион придут инвестиции.

- Насколько широко люди поддерживают вашу точку зрения о том, что должен существовать баланс сил, и присутствие США здесь должно по-прежнему быть сильным? Некоторых беспокоит то, что

части Индокитая попадают под влияние Китая. Что будет с остальной частью Юго-Восточной Азии?

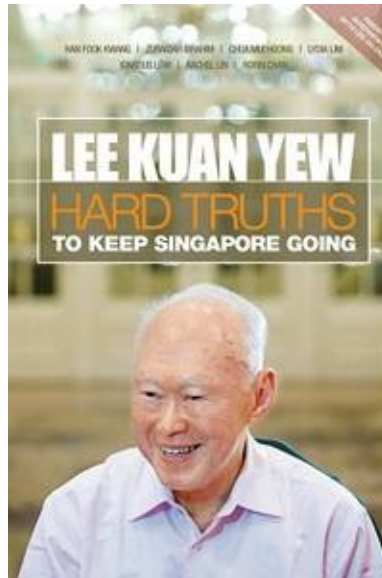
- Нет, вьетнамцы не попадут под влияние Китая. Люди, мнение которых вы озвучили, рассуждают, не обладая глубокими знаниями в области истории, культуры, взаимоотношений Вьетнама и Китая, а также современной ситуации. Да, вьетнамцы с опаской относятся к китайцам, но допустят ли они, чтобы над ними доминировали? Нет. Они уже меняют свое отношение к американцам. Залив Камрань Бэй (Cam Ranh Bay) может быть перестроен в военно-морскую базу, предназначенную для американского военно-морского флота. У них будет баланс сил. Китай оказывает больше поддержки Камбодже и Лаосу, чем любая другая страна. Таиланд поддерживает дружеские отношения и с США, и с Китаем. Мьянма с распростертыми объятиями встречает индийцев и китайцев. Они уравнивают друг друга.

- Каковы, с вашей точки зрения, наиболее вероятные прогнозы касательно Мьянмы, и предвидите ли вы большие перемены в этом обществе в ближайшее десятилетие?

- Там произойдет либо переворот с согласия, либо переворот с применением силы. Как долго сможет удержаться следующая власть? Она перейдет к более молодой группе полковников. Они изолированы, они видят прогресс Таиланда. Да, их личное благосостояние растет, но страна погружается в пучину бедности: плохие врачи, отсутствие медикаментов, отсутствие образования - вы бы хотели, чтобы ваша страна стала такой? Если у них есть голова на плечах, они откроют страну. А когда вы открываете страну, необходимо обучать людей. Когда вы даете людям образование, это влечет за собой определенные последствия. Так что я не предвижу их процветания.

Я уже махнул на это рукой. Когда приезжают американцы, я прошу их поговорить с младшими министрами. Я разговаривал с Кхином Ньюнтом (Khin Nyunt), самым разумным из генералов, который отвечал за разведку, и убеждал его пойти по пути Индонезии, снять униформу, основать партию, отправиться на выборы и позиционировать себя политической силой. Они шли к этому. Но затем пал Сухарто (Suharto). Они сказали, что это неправильный совет. Не говорите мне о Мьянме. Я уже сбросил их со счетов на целое поколение вперед.

**РАДИ ЧЕГО АМЕРИКАНЦЫ ДОЛЖНЫ
ВОЕВАТЬ С КИТАЕМ?**

- Премьер-министр Ли Сянь Лун и премьер-министр Малайзии Наджиб Разах пришли к важному согласию по соглашению о переносе железнодорожной станции и освобождении Танджонг Пагара для развития. На очереди линия метрополитена до Джохор Бахру. Регион Искандар старается привлечь как можно больше бизнесменов Сингапура. Смотрите ли вы с оптимизмом на развитие экономического сотрудничества? Насколько стороны могут сблизиться, с точки зрения экономики?

- Сингапур экономически очень активен. Если Малайзия хочет подключиться к росту Сингапура, особенно что касается южного Джохора, она должна с радостью принимать как инвестиции, так и бизнесменов Сингапура. Премьер-министр Наджиб это понимает. Он хочет развития региона Искандар в южном Джохоре. Экономические потребности очень сильны. Сомневаюсь, чтобы проблемы иррациональной политики смогли задушить развитие экономического сотрудничества. То, насколько стороны могут сблизиться с точки зрения экономики, зависит от того, в какой степени малазийцы полуострова будут поддерживать бизнесменов Сингапура. Сингапурцы должны быть уверены, что их инвестициям ничто не угрожает и что их ждут с распростертыми объятиями.

- В случае возникновения конфликта между США и Китаем или Китаем и Индией, должен ли Сингапур занять чью-либо сторону?

- Не думаю, что возможен конфликт между Китаем и Индией. Из-за

чего им конфликтовать? Из-за Гималаев?

- **У них длинная общая граница.**

- Что значит длинная граница? Горные цепи? В чем смысл захвата Индии и одного миллиарда человек, чтобы потом нести за них ответственность? Собираются ли индийцы захватывать Тибет? Нет. Попросят ли индийцы Далай-ламу покинуть свою резиденцию в Дхарамсале у тибетской границы? Нет. Китайцам не нравится такая близость Далай-ламы к Тибету. Китай и Индия не могут развязать большую войну, потому что у обеих этих стран есть ядерное оружие. Во имя чего им воевать? И каков будет исход противостояния?

Ради чего американцы должны воевать с Китаем? Ради контроля над Восточной Азией? Китайцам нет нужды воевать ради Восточной Азии. Медленно и постепенно они укрепят свои экономические связи с Восточной Азией и предложат им свой рынок в 1,3 миллиарда потребителей. Они уже входят в первую тройку стран по импорту и экспорту в семи из 10 стран АСЕАН. И это произошло за период с того момента, как они открылись миру и начали покупать и продавать в 1990-х годах. Распространите эту тенденцию еще на ближайшие 10, 20 лет, и они станут первым импортером и экспортером среди всех стран Восточной Азии. Как могут американцы конкурировать в торговле?

БУДЕТ ЛИ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ ИСПОЛЬЗОВАНО НА ДЕЛЕ?

- Вы исключили возможность конфликта между Китаем, Индией и США в регионе в ближайшие 20 - 30 лет, а есть ли в регионе какой-либо отдельный конфликт или очаг напряженности, который, по вашему мнению, с большой вероятностью может проявиться в этот период? Чего стоит больше всего опасаться Сингапуру в случае возникновения региональных конфликтов?

- Во-первых, при отсутствии военного потенциала, для нас существует угроза как со стороны малайзийцев, так и со стороны индонезийцев. Они просто разобьют нас. Они не будут вторгаться к нам в открытую, потому что, как вы понимаете, совет безопасности потребует, чтобы они ушли и тому подобное, они прекрасно осведомлены обо всех наших международных связях. Но они будут подвергать нас нападкам. Однако если они знают, что мы можем нанести ответный удар и подвергают нас нападкам, то это уже другой вопрос.

Помимо них, допустим, Филиппины могут воевать с Индонезией или с Вьетнамом, в чем я сомневаюсь, и что из того? Я не думаю, что индонезийцы будут воевать с бирманцами. В любом случае у них нет высококлассного оружия. Мы располагаем самым современным оружием среди всех стран АСЕАН. У нас самые высокообразованные трудовые ресурсы. Больше ни в одной стране АСЕАН нет такого населения, как у нас: хорошо образованного и обладающего компьютерной грамотностью. Почитайте журнал «Пионер» (Pioneer) о вооруженных силах Сингапура третьего поколения, это даст вам некоторое представление о том, к каким батальным сценариям мы готовимся.

Кто может сделать нечто подобное в этом регионе? Нужны не только люди наверху, которые создают систему, но и те, кто будет эту систему реализовывать на местах. Какие у вас лейтенанты, сержанты?

- Вы предвидите день, когда это оружие будет использовано на деле?

- Если только кто-то допустит ошибку в расчетах. Предположим, генерал скажет: послушайте, сэр, Сингапур - не легкая добыча. А он ответит: неважно, ударьте по ним. Что тогда? Они знают, что не могут оккупировать нас, и что мы нанесем ответный удар. Так что их генералы должны думать: Они нанесут ответный удар, и что произойдет тогда?

- Какова вероятность этого?

- Нулевая, если они будут рациональны. Однако, как вы знаете, не все лидеры в нашем регионе постоянны в своей рациональности.

- Как вы управляете отношениями в условиях, когда на вас давит большая сила, США отвлечены, а соседи могут проявить недружелюбие?

- Проявить недружелюбие - не значит напасть. У нас существует баланс сил. Американцы рассматривают нас в качестве очень мощной и стратегически важной логистической базы для размещения оружия и боеприпасов. Я недавно встречался с сенатором США, и он сказал: «Большое вам спасибо». Он входит в комитет по делам вооруженных сил. Мы помогаем им в Афганистане. Мы помогали им в Ираке. Они продают нам оружие, мы обучаем наши военно-воздушные силы на новых истребителях в Аризоне. Мы проводили совместные воздушные учения с их эскадрильями - мы обучаемся вместе с лучшими в мире пилотами истребителей.

ЕВРОПА - ЭТО 27 РАЗНЫХ СТРАН. ТОЧКА.

- Интересно, что, когда вы перечисляли страны, вы не упомянули Европу. Они по-прежнему являются одним из наших самых крупных торговых партнеров и одним из первых наших инвесторов.

- Что касается торгового партнерства, да. Но значимость их как стратегического партнера пропадает.

- Вы думаете, наши отношения с ними или их отношения с регионом будут носить исключительно экономический характер?

- Да, конечно. Они даже не могут урегулировать ситуацию на Балканах без помощи американцев. Они не тратят средства на оборону. У них нет единой оборонной политики. У них нет единой внешней политики. Это 27 разных стран. Точка.

- Нужно ли вообще иметь с ними дело?

- С ними нужно иметь дело, потому что у нас есть давние связи с Британией. Глупо было бы потерять их. Они являются членами Совета Безопасности.

Еще одним членом совета безопасности является Франция. Мы поддерживаем хорошие отношения с Францией, мы поддерживаем хорошие отношения с Германией. Но мы знаем, что их интересы по большей части концентрируются в Европе, Африке, Северной и Латинской Америке. Это их экономическое будущее. И они не видят себя в конкуренции с китайцами и американцами в этой части света. Вы бы на их месте тоже пришли к такому заключению. Какова ваша база затрат? Каков ваш стратегический интерес? Это жизненные реалии.

Отклонение от них было неумолимым, и британцы тоже это понимали. Вот почему они ушли с востока Суэца.

ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ИРАКА, ИРАН СТАЛ СИЛЬНЕЕ

- Мы можем обсудить Ближний Восток?

- А что вы хотите знать о Ближнем Востоке? Что там произойдет? Никто не знает наверняка. Ближний Восток объединен в такую структуру благодаря присутствию Америки. Кто будет доминирующей силой в отсутствие Америки? Сейчас это Иран, не так ли? После взятия Ирака, Иран стал сильнее. Поэтому Абу-даби создал альянс с Францией, и Франция ввела туда определенные силы - они придали уверенности Абу-даби и получают выгоду взамен. Но сможет ли Франция бросить вызов Ирану? В любом случае это присутствие обеспечивает определенное спокойствие, потому что, если Иран станет создавать проблемы до начала военных действий, им придется считаться с реакцией Франции.

Единственная сила, которая может уравновесить иранцев, - это американцы, и я не думаю, что американцы собираются уходить из этого региона. Нефтяной вопрос не даст им покинуть этот регион, потому что нельзя позволить, чтобы он перешел в руки Ирана. Так что они там надолго увязли.

Британия присутствовала там в роли защитного устройства. Когда они ушли с востока Суэца в 1971 году, эту нишу заполнили собой американцы. Если уйдут американцы, кто заполнит собой эту пустоту? Никто. Тогда к власти придет региональная сила. Кто? Иран. Все остальные государства - это бедуины, за исключением Ирака, они имеют самую длинную историю цивилизации из всех стран на реке Евфрат. Иранцы хорошо понимают, что они являются единственной цивилизацией такого масштаба в регионе. А у арабов, арабов-бедуинов, да, у них есть деньги и вся нефть, и они знают, что это очень большая сила. А иранцы растят у себя ученых-ядерщиков, это очень одаренный народ, более одаренный, чем арабы-бедуины. В конечном итоге, значение имеет качество людей, а не только количество.

«О БОЖЕ, ТЕПЕРЬ МЫ НАДОЛГО ЗАСТРЯНЕМ В АФГАНИСТАНЕ»

- Видите ли вы возможность крупной конфронтации Израиля и Ирана?

- Не могу сказать. Сомневаюсь. У Израиля нет военных технологий, позволяющих взрывать бункеры, чтобы попасть на ядерные объекты. Возможно, они и могут справиться с задачей, не потеряв все свои самолеты, но только у американцев есть сверхмощные авиабомбы. Американцы дадут их израильтянам, но, понимаете, тогда это будет действительно большая война. Поэтому, если это нужно сделать, пусть это делают американцы. Все открыто, я побежден. Поэтому в арабском мире не усилятся антиеврейские настроения. Другой вопрос, сделают ли они это? (Госсекретарь США) Хиллари Клинтон говорит, мы вооружим другие страны соответствующим образом. Как? Ядерным оружием и средствами противоракетной обороны? Но в любом случае они не собираются терять контроль над ними.

Таким образом, ошибкой было не сотрудничать с Ираном до вторжения в Ирак. Но что сделано, то сделано. В последние восемь лет картина мира сильно изменилась.

И каковы бы ни были грехи Саддама Хусейна, он был настроен против Ирана. Он совершил атаку на Иран и сделал ошибку. Он думал, Иран сдастся, атаковал его, а иранцы были готовы к этому: они отправили отряды смертников и продолжили военные действия. Тогда он применил биологическое оружие, что нарушает права человека. Просто он был смертельно испуган. Согласно материалам допроса (проводимого ФБР после его пленения в 2003 году), он сказал, что всегда неопределенно высказывался по поводу наличия у него оружия массового поражения, потому что, если бы он признал, что не имеет его, иранцы знали бы, что он слаб, и разгромили бы его. Поэтому он хотел заставить иранцев поверить в то, что у него есть оружие массового поражения. Таким образом, правильная, циничная стратегия, которой придерживался бы в этом случае такой человек, как Генри Киссинджер, - это поддерживать иракцев и ни при каких обстоятельствах не допускать распространения влияния иранцев на арабский мир. Но советники Джорджа Буша-младшего были не такой закваски. Демократия, Пол Вулфовиц (Paul Wolfowitz), бешеный пес! И это в стране с историей в 4000 лет, которая никогда не знала других

правителей, кроме диктаторов. Это полная катастрофа.

Теперь мы в Афганистане. В ходе своей предвыборной кампании Обама говорил об Афганистане - это война, имеющая поддержку народа, война в Ираке не имеет такой поддержки, мы будем воевать в Афганистане. Когда он сказал это, я вздрогнул: «О боже, теперь мы надолго застрянем в Афганистане». Как они уйдут из Афганистана, не потеряв лицо?

- Вы также говорили о Ближнем Востоке, как об очаге воинствующего ислама. Я помню, в ходе беседы с некоторыми из нас вскоре после 11 сентября вы высказывали очень пессимистическую точку зрения на мир и на то, как изменится лицо мира из-за всемирного терроризма. Стал ли ваш взгляд менее пессимистичным сейчас, когда вы видите, как повернулся ход событий?

- Я считаю, что боевики совершили ошибку, когда напали на Саудовскую Аравию и начали нагнетать события. Саудиты начали отрекаться от этого, поскольку оказались замешаны. Они надеялись, что все это будет происходить за пределами страны. Таков их договор с лидерами ваххабитов. Могут ли они полностью выйти из него? Нет. В этом случае их могут не поддержать религиозные лидеры ваххабитов, и власть королевской семьи может пошатнуться.

Я вижу, как этот маятник качается то в одну, то в другую сторону. Где он остановится, я не знаю. Они просто хотят выжить как династия и обладать своими богатствами. Поэтому они делят свое богатство с лидерами ваххабитов, а лидеры ваххабитов ведут свой поход.

ВЫ ДОЛЖНЫ ЗАПЛАТИТЬ ЭТУ ЦЕНУ. ВПЕРЕД!

- Кого из наших руководителей вы считаете лидерами высокого класса, и что вы делаете для того, чтобы «загрузить» свои знания в геополитике молодым министрам?

- Среди руководителей настоящего времени я бы назвал премьер-министра Ли Сянь Луна, Тео Чи Хина, Джорджа Бо. Среди тех, кто помоложе - Хау Бун Вана. Он говорит на китайском и английском языках, понимает направление нашей работы, разбирается - кто есть кто и что есть что. Он говорит на китайском, но без тени сомнения знает, что он не китаец, когда работает с ними. Кто еще? Не уверен, возможно, Нг Энг Хен, но, поскольку он не говорит на китайском, он не вполне соответствует этой группе. Но они не глупы, они наверстают упущенное.

- Что вы делаете для того, чтобы передать свои знания в геополитике молодым министрам?

- Мы садимся вместе, и нам нужно принимать решения. Я либо поддерживаю их, либо возражаю. Если я возражаю, я привожу доводы, если я поддерживаю, я тоже привожу доводы. И я говорю, смотрите, вот направление, в котором вам нужно идти.

Нам нужно идти в Афганистан. Должны мы это сделать или нет? Они хотят, чтобы мы направили медицинскую бригаду в помощь австралийцам и нидерландцам в опасный район Афганистана под названием Урузган (Uruzgan). Я сказал им, послушайте, это своего рода часть наших страховых выплат и мы должны платить. Если вы хотите, чтобы американцы оставались здесь, если вы хотите иметь с ними стратегическое базовое соглашение, о котором знали бы наши соседи, если вы хотите, чтобы здесь оставалась логистическая база, вы должны заплатить эту цену. Вперед!

Я имею в виду, что вы должны просчитывать ситуацию. Если бы американцы собирались уйти отсюда через пять-десять лет, стали бы мы платить эту цену? Нет. Что касается британцев, мы знали, что они собираются уходить. Но мы знаем, что американцы не могут уйти. Если они уйдут, они потеряют свое мировое влияние. Они знают, что тихоокеанский, а не атлантический регион - это самая крупная конфликтная зона этого века. Они собираются дойти до Японии, и, если получится, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии, и, если получится, до нас и

Филиппин. Филиппины будут играть на обе стороны. Китайцы оказывают филиппинцам большую поддержку.

Невозможно сказать: знаете, я предсказываю, что траектория будет такова. Нет. Я предвижу такую тенденцию. Тенденция может измениться, течение может измениться. Я не думаю, что американцы в ближайшие 20 - 30 лет выйдут из борьбы, которую они вели с того момента, как адмирал Перри (Perry) открыл Японию миру, и ведь они обладают самыми передовыми технологиями. Да, китайцы строят авианосец, но смогут ли они построить атомный авианосец? Сможут ли они пилотировать такие самолеты? У них уйдет на это 50 лет, а за это время американцы добьются других усовершенствований. Это не так просто.

ЭТО МЕЧТА КИТАЙЦА-ЭМИГРАНТА: Я ДОБЬЮСЬ УСПЕХА И ПОМОГУ СВОЕМУ РОДУ

- Ранее вы говорили о том, что очень четко представляете себе, что значит быть китайцем. Этнически вы китаец, но вы не являетесь таким китайцем, как китайцы с континента.

- Да.

- Насколько об этом осведомлены другие сингапурцы китайского происхождения, ведь в 1990-х, когда вы хотели вырастить второе поколение, вы говорили о гуанкси (связях) и ценности гуанкси. Как вы можете прокомментировать эти установки?

- Нужно рассматривать китайцев на разных уровнях. Представители старшего поколения являются романтиками, как мой дядя, который говорил: «Я хочу, чтобы мои кости покоились в Китае». Он женился на сестре моей матери. Полная чушь! Его кости сейчас находятся где-то в Куала-Лумпур. Им овладела эта романтическая идея, что, знаете, это страна его предков. Я не сомневаюсь, что страна моих предков низложила бы меня, если бы могла.

Поэтому он и приехал сюда, добился успеха, вернулся, купил себе мандаринат самого низкого класса, и его картина мира была выстроена. Он построил себе особняк, который теперь восстановлен и превращен в историческое место для туристов. Мне прислали CD-диск с информацией об этом. Я поблагодарил их. Сначала они хотели, чтобы я тоже принял участие в этом деле, но я сказал: нет, нет, я не китаец, я сингапурец. Я не собираюсь навещать это место, это может сделать мой брат. Он ездил туда, но я не собираюсь. Они сфотографировали жильцов, которые выглядели, как лапотники, и я был бы одним из них.

Так что у меня нет романтических представлений о том, откуда я родом. Я очень благодарен своей прабабушке, которая родилась здесь в семье китайцев, приехавших из Китая, и решила, что не вернется со своим мужем в Китай, потому что не знает его, и осталась здесь с детьми, среди которых был и мой дед. Поэтому и я здесь. Я - счастливчик. Да мы все счастливчики.

Но у старого поколения есть эти романтические идеи. Они говорят, что это их обязательство посылать деньги на родину. Так, Тан Ках Ки (Tan Kah Kee).

Кее) построил школы, университеты и вернулся на родину. Это была мечта каждого китайского эмигранта: я добьюсь успеха и помогу своему роду. Мало кто осуществил ее.

Возьмем теперь следующее поколение, которое имеет английское образование, с трудом учит китайский язык и испытывает сложности в общении с китайцами и другими. Я столкнулся с этим, когда учился в Англии, - я понял, что у меня больше общего с сингапурцами и малазийцами другого расового происхождения, чем с китайцами из Китая, потому что они совершенно другие. Их одежда, их манеры, их язык. Они просто абсолютно другие, и все. Они родом из другого общества. Конечно, по большому счету они китайцы. Если мой сын или моя дочь захотят вступить в брак с китайцами и даже остаться там на правах граждан, я дам свое согласие, потому что в их свойствах и чертах не произойдет внезапных перемен.

«Я ИЗ СИНГАПУРА, Я НЕ ВАША ПОДЧИНЕННАЯ, МОИ УСЛОВИЯ ТАКОВЫ»

- По мере того, как Китай делает свою мягкую власть все более гибкой, я могу предположить, что молодые китайцы, растущие в Сингапуре, начнут смотреть в сторону Китая.

- Если вы будете часто ездить в Китай, то поймете, что ошибаетесь.

Вы можете переехать туда, но, чем более они успешны, тем меньше они думают о вас, и тем более покровительственно они будут обращаться с вами.

Возьмите Лим Сау Хунг (Lim Sau Hoong) - она специалист по связям с общественностью, помогала им в организации Олимпийских игр, свободно владеет двумя языками. На самом деле китайский - ее первый язык, хотя она ходила в двуязычную школу. Она придумала запоминающийся логотип для Центрального телевидения Китая, она делала рекламу для Банка Китая, она участвовала в подготовке Олимпийских игр. Я думаю, Банк Китая платит ей гонорар за эксклюзивное оказание услуг, чтобы она не сотрудничала с другими китайскими банками. Ей предложили открыть филиал в Пекине. Она не хочет. Ее позиция такова: когда я вам нужна, звоните мне, говорите, что вы хотите, я нанесу вам специальный визит, и мы обговорим вопрос.

Никогда не открывайте там офис, вы станете одним из них, говорит она. Они будут командовать вами. Она осталась в Сингапуре. Когда я им нужна, говорит она, им приходится писать или звонить мне, а я, в свою очередь, решаю, браться ли мне за эту задачу. Она умна: я из Сингапура, я не ваша подчиненная, мои условия таковы. Если у вас есть там офис, их компания не делает различий между вами и китайцами из Китая и работает с вами по принципу ма шанг цуо, куаи диан («сделай это немедленно, поторапливайся»). Она говорит, нет, мне нужно несколько дней, мне нужно несколько недель, мне нужно это обдумать.

Эта романтическая идея возвращения в лоно своей родины - обыкновенная иллюзия. Мы стали очень разными. Вы можете вернуться в Китай, но вы все равно будете другими. Если ваши дети родятся и вырастут там, тогда они смогут сно-ва ассимилироваться. Их характерные качества станут типичными для Китая.

- Изменится ли такое отношение китайцев к Сингапуру по мере укрепления их силы и влияния?

- Конечно. Они ждут, что мы станем более почтительными по отношению к ним - ты должен уважать меня. Они говорят нам, что все страны равны: и большие, и маленькие, - мы не являемся гегемоном, бу чен ба. Однако когда мы делаем что-то, что не нравится им, они говорят, что мы сделали несчастными 1,3 миллиарда человек. Ши сан юи - 1,3 миллиарда. А когда их действиями недовольны мы? Знаете, это баи ван - недоволен миллион. Будьте любезны, знайте свое место.

ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ЕСЛИ ВЫ КИТАЕЦ, ТО ВОЛЬЕТЕСЬ В ИХ ОБЩЕСТВО, НО ЭТО НЕ ТАК

- Некоторые полагают, что можно быть гражданином мира, быть сингапурцем, но все равно вернуться к своим корням в Китае. Что вы думаете по этому поводу?

- В природе не существует такого понятия, как гражданин мира. Вы являетесь гражданином конкретной страны, и у вас есть выбор: вы можете быть гражданином Сингапура или Малайзии, выбор за вами. Либо вы можете вернуться к своим китайским корням, переехать в Гонконг или на Тайвань и, в конце концов, стать китайцем.

Если вы переедете в Китай, не думаю, что вы станете одним из них. Они скажут вам, хорошо, мы принимаем вас. Но взгляните хотя бы на малайских коммунистов, отправивших туда свои семьи и своих детей, чтобы развязать себе руки и продолжить борьбу в дебрях Малайи - несмотря ни на что, к ним было другое отношение. Их всех держали в городе Чанша (Changsha), столице провинции Хунань (Hunan), обособленной группой, они ходили в специальные школы, были отдельным элементом. Я встречался с сыном Плена (Plen) - Фаном Чуан Пи (Fang Chuang Pi), главой Коммунистической партии Малайи. Он был одаренным человеком, поступил в университет Цинхуа, женился на малайзийской китаянке. Он не женился на китаянке из Китая.

Вы думаете, что если вы китаец, то вольетесь в их общество, но это не так. Вы уже стали другим. Мы все уже стали другими. Так же как американцы и британцы или, если уж на то пошло, белые южноафриканцы, австралийцы, новозеландцы и британцы.

Тайваньцы материковой части и китайцы материковой части, которые не жили на Тайване, да, они относятся к одному роду, имеют одно и то же происхождение, но они испытывают разное внешнее воздействие, стоят на разных позициях, имеют разное видение мира. Являемся ли мы китайцами? Этнически, да. Можем ли мы объединиться с китайцами и действительно почувствовать себя их частью? Это невозможно. Только потому, что мы говорим на китайском? Нет. Главные предпосылки находятся у вас в голове.

**ВЕСЬ ОСТРОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ
ЧИСТЫМ И ЗЕЛЕНЫМ**

- С самого начала руководства вы были убежденным сторонником развития Сингапура с обязательным воплощением принципов чистоты и озеленения. Как вы пришли к таким взглядам?

- Наш город находится на небольшом острове. Избираемое правительство не может заботиться только о том, чтобы отдельные районы города были зелеными и чистыми, как во времена британцев, а остальные оставить гнить. А ведь они действительно загнивали: в лачугах самовольных поселенцев, малайских деревнях не было ни дренажной системы, ни канализации, ни туалетов, были стоки, вырытые прямо в земле, которые постоянно переполнялись.

Если бы мы не создали общество, живущее в чистых условиях на всей территории острова, то - я считал так тогда и по сей день в этом уверен - у нас бы было две категории людей: высший класс, высший средний и даже средний класс, живущий в благодатных условиях, и низший средний и рабочий класс, живущий в плохих условиях.

Общество такого типа никогда не будет процветать. Мы собирались создать обязательную военную службу. Ни одна семья не захотела бы, чтобы ее дети умирали за людей, живущих в больших домах и владеющих высокими башнями. Поэтому было так важно, чтобы весь остров был чистым, зеленым, и чтобы каждый человек имел собственность. Это был основополагающий принцип, на котором я построил всю политику, и он сработал.

Это была задача, стоящая первой в списке моих приоритетов. Помимо финансов и обороны, в обществе должно быть чувство равенства. Этого невозможно добиться, не подарив всем сингапурцам чистый, зеленый город. Сегодня неважно, где вы живете: в одно-, двух-, трех-, четырех- или

пятикомнатной квартире, кооперативном доме или в своих земельных владениях, - везде царит чистота. Пусть вы живете в неравных условиях, но вы не исключены из общественных мест, предназначенных для всеобщего пользования.

- Сингапур все это время подвергался процессу индустриализации, и некоторые новые отрасли промышленности способствовали загрязнению окружающей среды. Как вы поддерживали баланс между развитием и экологией? Существовали ли проекты, которые были отменены или отложены по соображениям вреда для окружающей среды?

- Мы продумывали меры противодействия загрязнению, применив которые можно было уменьшить последствия или совсем устранить их.

Когда мы начинали проект нефтехимического комплекса на острове Джуронг и нефтехимического завода с «Сумитомо» (Sumitomo), применялись японские стандарты. У нас с ними был ожесточенный спор, потому что мы хотели работать по немецким стандартам, самым высоким в Европе. Я был в городе Гаосюн (Kaohsiung) (на Тайване) - мы играли в гольф на их поле для гольфа, расположенном довольно далеко от нефтехимических заводов. Во время игры мы чувствовали запах газов, выделяемых этими заводами.

По этому поводу у нас был яростный спор, потому что стоимость резко возрастала. Мы настояли на том, чтобы «Сумитомо» делали проект по немецкому образцу, либо мы его прекратим. В обмен на установку необходимого оборудования и уменьшения уровня загрязнения мы предоставляли им трудовые уступки, такие как, например, отмена пошлин при получении разрешений на работу. Сделка была заключена, и они выполнили проект. Сейчас, находясь в Джуронг Кантри клуб (Jurong Country Club) или Раффлз Кантри клуб (Raffles Country Club), вы не почувствуете таких запахов. Если бы мы согласились на предложенные условия, реконструкция систем очистки вышла бы для нас гораздо дороже.

Немцы установили у себя самые жесткие стандарты, потому что их нефтеперерабатывающие и нефтехимические заводы расположены близко к городам. Американцы тоже со временем стали вводить больше ограничений, но у них есть огромные территории, такие, как Хьюстон, где ветра и ураганы сдувают выбросы. По мере того, как уплотнилась жилая застройка вокруг этих заводов, они ужесточили стандарты. Мы же находимся на небольшом острове. Загрязнить его нетрудно, стоит только начать.

ОАЗИС «ПЕРВОГО МИРА»

- Изменилось ли с годами ваше представление о том, каким образом необходимо озеленять Сингапур?

- Нет, мы должны меняться по всем направлениям. Мы должны соответствовать мировым стандартам. Если мы хотим быть оазисом «первого мира», мы должны обеспечивать условия, соответствующие уровню стран «первого мира», и это относится не только к окружающей среде, но и к материально-технической базе, нормам в области здравоохранения, услугам, средствам связи, безопасности. Мы просто должны соответствовать самым высоким эталонам, существующим в каждый конкретный период. Тогда мы будем в игре.

Нас называли «стерильным» и безжизненным, но безопасным и незагрязненным островом. Мы начали с основ. Теперь, когда мы закрепили основы, мы можем заняться «суетой»: заведениями, предлагающими выпивку ночь напролет, которые располагаются вдоль реки Сингапур и на побережье, ночными клубами, караоке-барами, дискотеками и тому подобным. Комплексные курорты с казино принесут с собой новые проблемы. Вон Кан Сен (министр внутренних дел с 1994 по 2010 гг.) и полиция после тщательного обсуждения сказали, что они уверены в наличии контроля над наркотиками, отмыванием денег и проституцией. Но они не властны над игроманией. Мы принимаем меры предосторожности. Если мы откажемся от комплексных курортов, большая часть состоятельных туристов не будет к нам приезжать.

Это как Формула 1. В 1970-х я не думал, что это хорошая идея устраивать автомобильные гонки, которые своим примером будут подстегивать молодежь лихачить на дорогах. Но, наблюдая за развитием Формулы 1 и тем, как они собирают вокруг себя сливки общества, я понял, что мы теряем, - к нам приезжали бы целые компании завсегдатаев модных курортов и за них платили бы банки, постоянными клиентами которых они являются. Поэтому я изменил свою точку зрения. Мы не собираемся строить специальную трассу. Мы просто огораживаем дороги, и гонка проходит по городу, как в Монако. Монако - это успех.

- На какие компромиссы пришлось пойти при выборе между экономическим развитием и экологическими соображениями?

- Мы сделали ошибку, когда разрешили строительство нефтеперерабатывающего завода (в Танджонг Берлэйер) около порта

Танджонг-Пагар. Я был против. Однако нам не хватало инвестиций. Японская компания («Марузен Тойо Оил Компании» - Maruzen Toyo Oil Company) сказала, что, если мы отдадим им это место около порта, они построят там нефтеперерабатывающий завод. Го Кен Сви уговорил меня согласиться. Это противоречило здравому смыслу. Он убеждал, что нам нужны инвестиции, нам нужно дать сигнал японцам о том, что мы их ждем с распростертыми объятиями, поэтому я дал согласие - 30-летняя аренда. Нам пришлось ждать, пока не истечет срок аренды. Они передали эстафету (транснациональной нефтяной компании) «Бритиш Петролеум».

- Существует мнение, что нефтехимическая промышленность Сингапура станет камнем преткновения, потому что она провоцирует высокий уровень выбросов углерода, в связи с чем раздаются призывы к принятию Сингапуром ряда протоколов по выбросам углерода. Согласны ли вы с этим мнением, и нужно ли будет Сингапуру отказаться от своей нефтехимической промышленности?

- Общее количество выбрасываемого нами углерода, или углеродный след, составляет 0,2% от мирового углеродного следа. Наши нефтеперерабатывающие заводы работают не на нас. На нашу долю приходится около 5 процентов продукции наших нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов. Все остальное предназначено для экспорта, бункеровки и использования другими странами Восточной Азии. Транснациональные компании инвестируют в Сингапур благодаря нашей политике обеспечения безопасности. Они поставляют конечные продукты во все страны региона до самой Аляски на севере и Новой Зеландии на юге.

Мы уже говорили Межправительственной комиссии ООН по вопросам изменения климата: «Посмотрите на проблему с этой точки зрения. Китай на все обвинения в загрязнении окружающей среды отвечает, что они производят все эти продукты для Запада, который переместил загрязняющие отрасли промышленности в Китай».

Но в случае с Китаем необходимо отметить, что они эксплуатируют угольные электростанции. Наши электростанции работают на газе. Мы сделали все возможное для того, чтобы свести загрязнение к минимуму.

Мы боимся того, что наши поставщики газа из Малайзии и Индонезии могут разорвать контракты, нарушить свои обязательства - они периодически говорят об этом и о том, что им газ нужен больше, чем Сингапуру, когда хотят продать его кому-то подороже, - поэтому сейчас мы работаем над установкой терминала хранения сжиженного природного газа, над закупками газа в Катаре и других местах.

Мы не позволим держать себя в заложниках. Мы должны постоянно приспосабливаться. Ничто не вечно.

МЫ ДОЛЖНЫ ГОТОВИТЬСЯ К РАЗНЫМ СЦЕНАРИЯМ

- Что конкретно вы имеете в виду, когда говорите, что мир должен приспосабливаться к последствиям нехватки мужества изменить что-либо?

- Австралия пережила это на юге. На севере выпадает больше дождей. Однако это только первая фаза. Если тенденция сохранится, думаю, это неплохо для нас, потому что больше дождей будет у нас. Но это вполне может закончиться тем, что течения изменят свое направление, у нас будет больше ураганов уровня «Эль-Ниньо», и в Сингапуре станет выпадать меньше осадков. Это проблема.

Мы должны готовиться к разным сценариям развития событий, и никто не может предсказать, каков будет исход для Сингапура. В настоящий момент тенденция такова, что наш климат становится более влажным. Юг Австралии становится более засушливым, север - более влажным. Им приходится перекачивать воду на юг. Но у них есть неистощимые запасы угля, газа и урана, и они могут опреснять и перерабатывать воду, как это делаем мы.

- Полностью ли вы разделяете мнение таких людей, как, например, Альберт Гор, которые утверждают, что изменение климата изменило мир? Убедительными ли для вас выглядят приводимые ими доказательства?

- Моя оценка такова: правительства стран не имеют силы воли сделать то, что необходимо, и потерять голоса на выборах. Мы должны быть готовы приспосабливаться к другому миру.

Американцы хотят, чтобы Китай перестал использовать уголь и снизил уровень производимых им выбросов. Китай отвечает на это: «В течение всех этих лет вы были самым крупным загрязнителем». Теперь участники переговоров со стороны Китая и Индии требуют, чтобы США снизили уровень загрязнения на 40 процентов по стандарту 1990 года. Однако американский Конгресс утвердил законодательный акт о снижении уровня выбросов парниковых газов всего на 4 процента от уровня, предусмотренного стандартом 1990 года. Китайцы не намерены уступать свои позиции. За глобальное потепление ответственность несут США, а не Китай.

Каждая страна стремится к экономическому росту, потому что при его

отсутствии возникают внутренние проблемы. Поэтому моя интуитивная позиция такова, что лучше готовиться к борьбе с последствиями. К тому моменту, когда Китай и Индия осознают разрушительное воздействие потепления на своей собственной шкуре, они начнут действовать решительно.

Наша проблема заключается в том, что, если начнут таять полярные льды, уровень моря, согласно прогнозам, поднимется как минимум на один метр.

Мы попросили нидерландцев изучить возможность строительства насыпей вокруг Сингапура. Но это неосуществимо. Они заключили, что нам нужно строить дамбу. Мы можем построить дамбу. Тогда наш порт окажется за ее пределами. А что произойдет с близлежащим архипелагом?

Мы станем центром уменьшенного архипелага. Последствия неочевидны.

Если уровень моря поднимется на метр, мы можем потерять часть пляжей, но при этом продолжим нормально существовать. Но если он поднимется, скажем, на 6 метров, тогда без дамбы пятая часть Сингапура окажется под водой.

- Какова вероятность того, что это произойдет?

- Я не являюсь экспертом по климатическим вопросам. Я не могу просчитать эти вероятности. Я могу только принять то, что говорят нам эксперты.

МЫ НЕ МОЖЕМ ИЗМЕНИТЬ СВОЙ КЛИМАТ

- Можем ли мы стать эталоном развитого тропического города и не зависеть в большой степени от кондиционирования воздуха?

- Мы не можем изменить свой климат. Реальность такова, что во всех городах становится жарче из-за тепловой инертности бетона и дорог. Если бы у нас постоянно дули ветра и была земля для строительства домов, может быть, мы могли бы обходиться без кондиционирования воздуха в таком объеме, но ветер доходит не до всех домов. Многие заблокированы другими высотками.

Как мы можем запретить кондиционирование воздуха в офисах, не потеряв при этом в продуктивности? В 19550, когда я работал адвокатом в компании «Лейкок энд Он» (Lauscock & Ong), кондиционеры воздуха были только у адвокатов из-за своей дороговизны. Клерки и прочие сотрудники работали в офисах с большим пространством. После обеда вентиляторы начинали работать на полную мощность, и все использовали пресс-папье, чтобы не дать бумагам разлететься. После обеда, с наступлением послеполуденного зноя возрастает количество опечаток. Продуктивность снижается.

Поэтому, когда я открыл свою адвокатскую контору в 1955 году, я установил кондиционирование воздуха во всех помещениях офиса. Это была небольшая контора на первом этаже дома номер 10 на Малакка стрит. Продуктивность нашей работы не снижалась после полудня.

На предприятиях по производству интегральных схем и в других областях, требующих тонкой работы, где все носят халаты и полиэтиленовые головные уборы, предохраняющие продукцию от попадания волос и других твердых частиц, невозможно обойтись без кондиционирования воздуха.

Из этой ситуации просто нет другого выхода. У нас есть единственная альтернатива - строить высотные здания. Мы не можем возобновить строительство двух- или трехэтажных домов. Эта резиденция Истана, построенная в 1860 году, ориентирована так, чтобы встречать лицевой стороной северо-восточные и юго-западные муссоны. Ее длинные коридоры препятствуют проникновению солнца.

Когда в начале 1950-х меня приглашали правители, были распространены опахала в индийском стиле. Опахало представляло собой длинную палку и натяжку из ткани, которую индийский «опахальщик»

привязывал к пальцу своей ноги и двигал ею вперед-назад, создавая движение воздуха. В Индии в жаркие месяцы мусульмане устанавливали сетки на окнах и верандах. Их обливали водой, и, когда горячий воздух проходил сквозь них, вода охлаждала помещения.

Наша территория не овеивается ветрами естественным образом, за исключением приморской зоны. Как жили люди раньше? Как справлялись малайцы? Они строили дома на сваях с крышей из пальмовых листьев и деревянными конструкциями, открывали двери и окна. Крыша из пальмовых листьев лучше крыш из цинка или черепицы. Вам не нужен потолок, и она не проводит тепла. Но если не было ветра, чувствовалась неподвижность воздуха. И мужчины, и женщины носят саронг. Это позволяет воздуху подниматься по ногам. Мужчины надевают его на рубашку или на голое тело. Таков наш климат.

ЭЛЕКТРОМОБИЛИ ХОРОШИ ПО ПАРАМЕТРАМ УСКОРЕНИЯ И СКОРОСТИ

- Что вы думаете о таких новых идеях, как электромобили и электрификация транспортной системы? Поможет ли это нашему городу?

- Это наступит. Внедрение начинается с гибридных автомобилей. Компании провели глубокие исследования и разработки в сфере электромобилей. По параметрам ускорения и скорости они почти так же хороши, как бензиновые и дизельные машины. Проблема заключается в том, чтобы определять время, когда нужно заряжать аккумуляторы. Автобусы могут работать на газе. Даже автомобили могут работать на газе. Необходимо изучить эти альтернативы.

- А как насчет солнечной энергии? Видите ли вы потенциал в этой области для тропического города, каким является Сингапур?

- С 1992 года я являюсь членом консультативного совета компании «Тоталь» - крупнейшей французской нефтегазовой компании. Каждый раз на протяжении 17 лет, когда они представляют свои гистограммы - нефть, уголь и ядерная энергия составляют столько (поднимает руку), а ветер, солнце, приливы и возобновляемые источники энергии - столько (опускает руку).

Немцы проводили исследования панелей с солнечными элементами. Одно из предложений заключалось в том, чтобы установить их в пустыне Сахара, где солнце светит круглый год, и они удовлетворяют потребность ЕС в электричестве. Но (*смеется*) сколько это будет стоить? А потом начнутся песчаные бури, и все панели будут занесены песком. Кто будет их очищать?

Если бы у нас были солнечные панели на крышах, мы бы могли заряжать аккумуляторы для галогенных ламп и нагрева воды, но если начнутся дожди и будет облачность, энергии может и не хватить.

Но со временем и это придет. Китайцы делают чипы из солнечных элементов дешевле и лучше немцев. Можно также использовать вентиляторы, работающие на энергии ветра.

- А что вы думаете по поводу использования ядерной энергии для нужд Сингапура? Является ли это хорошей альтернативой?

- Существует возможность установки небольшого атомного энергоблока, что вполне безопасно с точки зрения специалистов. Это как энергетическая установка на атомной подводной лодке. Но ни одна атомная

установка не является абсолютно безопасной. Мы можем установить ее на плавучей платформе и испытать самую маленькую из всех существующих. Если она будет работать, мы перейдем на установку средних размеров. Потом можно будет увеличить число небольших блоков. Наша проблема будет заключаться в том, что делать с энергией по вечерам, когда заводы, офисы и дома не нуждаются в электричестве. В случае с гидроэлектростанцией, можно перекачивать воду обратно для производства электричества.

Я видел такую в (бывшей) Югославии. Ночью, когда падало потребление энергии, они закачивали воду обратно в верхний резервуар. Так они увеличивали количество воды для выработки электричества турбогенераторами. Но нам для этого нужно иметь перепад высот между резервуаром и землей. Мы обделены энергией.

ВЫСОКАЯ ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИНЕСЕТ С СОБОЙ ДИСКОМФОРТ

- Наблюдая за современным Сингапуром, чувствуете ли вы удовлетворение от соотношения, достигнутого между тем, насколько он удобен для жизни и экологически сбалансирован, и его глобализацией?

- Я не сторонник большого населения, потому что высокая плотность населения ведет к стесненным условиям жизни. Какими бы мы ни были умелыми в создании парковых зон, зеленых насаждений, освоении земель, если мы увеличим население, скажем, до 6,5 миллионов человек, включая тех, кто находится здесь по рабочим визам, а они нужны нам для стимулирования экономического роста, высокая плотность принесет с собой дискомфорт. Когда я приезжаю в Гонконг, мне он не нравится, даже не принимая в расчет вопросы загрязнения окружающей среды, из-за высокой плотности людей на его территории. Или возьмем Шанхай в прошлом. В 1976 году мы останавливались там в лучшей гостинице. Я спустился вниз, чтобы немного пройтись, а все улицы были запружены людьми, как река во время разлива. Приходилось постоянно двигаться или меня бы просто снесло потоком. А еще там было темно. Магазины были не освещены, уличные фонари работали очень слабо.

Дома в Гонконге настолько тесны, что почти все свое свободное время они проводят вне дома, развлекаются в других местах. В Сингапуре у людей есть большие телевизоры, все самые современные технические новинки, украшающие их комфортабельные дома. Большинство гуляющих поздно ночью - иностранные туристы.

Лично я предпочитаю меньшую плотность населения. Но не я принимаю решение. Правительство пойдет по пути, который сочтет наилучшим для Сингапура.

ЭТО БУДЕТ ПАНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА

- Возвращаясь к высказанным вами ранее комментариям по поводу глобального потепления, а именно к вашему мнению о том, что мировая общественность не имеет мужества прямо разобраться с этой проблемой: значит ли это, что вы с пессимизмом смотрите на исход в отдаленной перспективе?

- Да. Как я уже говорил, мы должны готовиться к тому, чтобы адаптироваться, а не надеяться на то, что приспособливаться не придется. Что нам нужно будет для этого делать, зависит от того, насколько силен будет эффект потепления.

- Что должно произойти, чтобы изменился мировой менталитет и появилась решимость всерьез разобраться с этой проблемой?

- В тот момент, когда китайцы и индийцы обнаружат, что сотни миллионов фермеров, живущих вдоль бассейнов рек, и мелкие торговцы в городах испытывают нехватку воды, о, это выльется в огромные проблемы. Куда направятся все эти люди, когда воды станет недостаточно? Где они будут искать пропитание? Они мигрируют в любое место, где смогут выжить. Это будет паника международного масштаба.

- Судя по такой пессимистической позиции, вы не верите, что мир может прийти к какому-то реализуемому много-стороннему соглашению?

- Нет, не думаю. Возьмите, к примеру, Копенгагенский сам-мит. Китайцы заявили: «Если вы хотите, чтобы мы снизили количество выбросов, дайте нам экологически чистые техно-логии безвозмездно. У вас они есть, дайте их нам и сами со-кратите количество вредных выбросов на 40 процентов относительно стандарта 1990 года». А Конгресс принял законодательный акт о снижении уровня выбросов на 4 процента.

- Не является ли это следствием отсутствия мирового лидерства?

- Не думаю, что это вопрос отсутствия мирового лидерства. Что может сказать лидер любой большой страны или даже такой маленькой страны, как Сингапур? «Хорошо, мы пожертвуем своим экономическим ростом, готовы пойти даже на экономический спад, чтобы избежать глобального потепления»? Не думаю, что правительство Сингапура может позволить себе прислушаться к такому мнению. Каждый лидер, каждое правительство думает о своих проблемах.

ОНИ БУДУТ ШЕВЕЛИТЬСЯ, ТОЛЬКО ЕСЛИ НА КАРТУ ПОСТАВЛЕНО ИХ БЛАГОПОЛУЧИЕ

- Станем ли мы страной, ратифицировавшей приложение 1 (промышленно развитой страной или страной с переходной экономикой, взявшей на себя обязательство по уменьшению выбросов парниковых газов) рамочной конвенции ООН по изменению климата? Если да, то когда это произойдет и как повлияет на Сингапур?

- Нет, мы ответим им, что не можем соответствовать всем заявленным стандартам. Все эти выбросы являются следствием производства продукции, предназначенной для вашего же использования, для потребления мировыми авиакомпаниями.

Мы являемся центром торговли, логистики и заправочной станцией для морских и воздушных судов. Как мы можем выполнить эти требования только потому, что они призывают к этому?

Мы ориентированы на экспорт, мы не производим продукты для внутреннего потребления. У нас заправляются воздушные суда, морские суда. Как мы можем снизить количество выбросов и при этом не уничтожить свой статус центра торговли, являющийся смыслом существования Сингапура?

Мы скажем им: послушайте, а кто является конечным пользователем этой энергии? Как я могу уменьшить углеродный след и при этом продолжать зарабатывать себе на хлеб? Это невозможно. Все равно, что попросить меня умереть. Тогда принимайте на себя ответственность за 5 миллионов человек. Вы согласны?

- Они могут разве что отделить импортируемые компоненты от компонентов внутреннего производства.

- Они должны это сделать. Конечно, да.

- У нас есть давняя проблема, связанная с пожарами и задымленностью региона. Основная причина - дым от подсечно-огневого земледелия в Индонезии. Неужели ничего нельзя сделать для решения этой проблемы?

- Даже если бы у них и было такое намерение (Джакарта была задымлена, а аэропорт Джакарты закрыт), они будут шевелиться, только если на карту поставлено благополучие Джакарты. Если аналогичная

проблема касается Джамби, островов Риау, города Баликпапан, все в порядке - надевайте маски и живите дальше.

- Не разочарованы ли вы лично в том, что в этом вопросе произошло так мало подвижек?

- Нет. Я вижу, что они не могут расчищать территории под плантации и фермерские угодья другим способом, кроме сжигания лесов.

КАКОВ УГЛЕРОДНЫЙ СЛЕД ГОСПОДИНА МИНИСТРА-НАСТАВНИКА?

- Возьмем ваш образ жизни. Насколько вы экологически ответственный человек? Стараетесь ли вы уменьшить свой углеродный след? Спите ли вы при включенном кондиционере воздуха?

- Сплю, но что с этим можно поделать? Без кондиционирования воздуха невозможен полноценный ночной сон.

- Занимаетесь ли вы вопросом переработки отходов?

- У нас нет системы использования разных мусорных контейнеров для разных отходов. Наш народ еще только должен прийти к пониманию этого и пока не готов сортировать бутылки, жестянки, пищевые отходы по разным мусоропроводам и мешкам. Рано или поздно мы к этому придем.

- Еще одной составляющей экологической ответственности является отказ от чрезмерного потребления. Вы не являетесь большим потребителем, не так ли?

- Нет, не являюсь. Я мало ем, мало путешествую. Я сомневаюсь в том, правильно ли я сделал, когда купил свою машину. Даже если бы я ездил на самом лучшем такси - лимузине «Мерседес Бенц», это стоило бы дешевле той суммы, в которую мне обходится ежедневное содержание моего «Лексуса». Кроме того, я не знаю, во сколько я проснусь и когда проделаю километр до офиса и обратно. Моей машине пять лет, а ее пробег составляет всего 20 000 км.

- Судя по фотографиям, ваш гардероб, рубашки не обновляются годами, а то и десятилетиями. Вы не выбрасываете свои вещи?

- Почему я должен выбрасывать что-то, что дает мне чувство комфорта? Я не стремлюсь к тому, чтобы производить на кого-то впечатление.

У меня был куратор, который преподавал мне уголовное право. Раньше он был лектором, но, знаете, он постарел, поэтому осуществлял только общий контроль. У него был камин, которым совсем не пользовались, потому что во время Первой мировой войны куратор был отравлен газом и получил болезнь легких. У него была большая семья. На локтях пиджака и коленях брюк у него были кожаные нашивки. Один из студентов довольно дерзко спросил его: «Сэр, вам не хватает на одежду?» Он воспринял это очень мягко, рассмеялся и сказал: «Швейцар, стоящий у

ворот колледжа, должен быть хорошо одет. Он носит цилиндр, чтобы всегда выглядеть щеголем. Мне нет нужды наряжаться, чтобы произвести впечатление».

Услышав это, я сказал: «Это снобизм, вывернутый наизнанку». Но в этом есть смысл. Я не вижу смысла в том, чтобы производить впечатление на людей наличием большой машины или тем, что постоянно меняю костюмы, чтобы не отставать от последних веяний моды.

Проблема с моим гардеробом в том, что сейчас он набит битком. У меня есть много новых костюмов в прекрасном состоянии, потому что я редко их надеваю. Я не каждый день надеваю костюм в офис, исключение составляют официальные события и поездки за рубеж. Все мои костюмы сшиты из тончайшей шерсти. На самом деле, чем старше я становлюсь, тем меньше мне хочется тратить время на облачение в костюмы и галстуки. Я просто надеваю блузон или китайскую блузу, застегнутую на все пуговицы, и это избавляет меня от проблем. Они служат мне уже много лет, и мне в них очень удобно.

- Впрочем, может это добродетель?

- Нет. Вы можете считать это добродетелью, другие недоумевают, почему этот парень такой бережливый. Посмотрите на других премьер-министров. На них всякий раз новые галстуки, новые рубашки и пиджаки, чтобы хорошо выглядеть на экранах телевизоров.

Возьмите нашего премьер-министра. Каждый год на митинг по случаю Дня Нации праздник он надевает новую рубашку. Знаете, мне нет нужды производить впечатление на кого бы то ни было.

- Могу я спросить, сколько лет вашему пиджаку?

- Этому? Это очень удобный пиджак. Портной, сшивший его для меня, уже умер.

- И сколько же ему лет?

- Я уже и не вспомню. Около двадцати или пятнадцати лет. И он действительно очень удобен.

- Это относится и к вашему дому. Я хочу сказать, господин министр-наставник, что сам я там не был, но люди, которые бывали у вас, говорят, что вы особенно его не ремонтируете и не обновляете.

- Я дал указание кабинету министров, чтобы после моей смерти дом снесли.

- Почему?

- Я видел дома других известных людей: Неру, Шекспира. Через какое-то время они превратились в развалины. По ним бродят утомленные люди. Из-за моего дома по соседству нельзя строить высотные здания. Если

снести мой дом и изменить правила планировки, можно строить вверх, и ценность земли увеличится.

- Но ведь ваш дом является частью истории Сингапура, разве не так?

- Нет, нет, нет. Вы знаете, во что обойдется его сохранение? Это старый дом, построенный больше ста лет назад. У него нет фундамента. Его очень затратно поддерживать в хорошем состоянии, из-за отсутствия фундамента по стенам расползается сырость. Из-за забивания свай на участках по соседству в стенах появились трещины. Но, к счастью, колонны не пострадали.

- Вы не считаете важным сохранять старые здания? Например, здание старой Национальной библиотеки не представляло архитектурной важности, и его снесли, но, думаю, многие до сих пор оплакивают его утрату.

- Не думаю, что моя дочь, жена или я сам, жившие в этом доме, или мои сыновья, выросшие в его стенах, будут оплакивать его утрату. У них есть старые фотографии, которые будут напоминать им о прошлом.

**НЕ МЫ РЕШАЕМ СВОЮ СУДЬБУ. ЭТО
ТЯЖЕЛО, НО ТАКОВА ЖИЗНЬ**

- Позвольте спросить для начала, как чувствует себя миссис Ли, и насколько вам тяжело бороться с ее болезнью?

- Что ж, поначалу было тяжело. Когда это произошло в мае 2008 года, были большие последствия, потому что у нее произошёл второй инсульт. Она оправилась от первого инсульта в 2003 году почти без потерь. Мы сразу же увезли ее в больницу - Национальный неврологический институт (НИИ). Там обнаружилось новое кровоизлияние (в мозг), на этот раз более сложного характера, которое затронуло область, отвечающую за движения. Но при этом оставалась надежда на то, что она сможет поправиться при помощи физиотерапии, хотя, возможно, качество жизни уже не будет прежним. Потом, когда она проходила терапию, в первые две недели один за другим последовали еще два инсульта. Врач сказал, что теперь физиотерапия бесполезна, потому что мозг получил слишком много повреждений. Мы привезли ее домой, и мне пришлось переехать в кабинет около спальни, потому что у ее постели круглосуточно дежурили сиделки. Шок от всей ситуации привел к тому, что у меня развилась бессонница. Началась аритмия и проблемы, которые могли бы прийти на несколько лет позже, но из-за стресса начались сейчас.

Через какое-то время мысленно приспосабливаешься к ситуации. Я не в силах ничего сделать, только обеспечить ей хороший уход, поэтому я смирился. Так же поступили и дети. Она постепенно утрачивает свои физические и умственные способности. Наверняка были еще небольшие

кровоизлияния. Сейчас она в сознании, но не может говорить. Такова жизнь. Недавно, когда я упал с велосипеда, я подумал: если бы я разбил себе голову об пол, я мог бы быть в таком же состоянии. Не мы решаем свою судьбу. Это тяжело, но такова жизнь. Поэтому я смирился и принял неизбежное. Врачи говорят, что даже если вы ожидаете смерть, когда она приходит, это всегда удар. Я могу только ждать и наблюдать, а мысленно я себя уже подготовил.

Это напомнило мне о том, что я тоже смертен, и что все может измениться за долю секунды, случись у меня внутреннее кровоизлияние. Такова жизнь. Я не могу изменить свою судьбу. Я просто живу свою жизнь, только и всего. Если начать думать об этом, то все покатится под гору. Каждый день - это подарок, поэтому стоит просто жить дальше.

- Понимает ли она, что происходит вокруг нее? Узнает ли она людей?

- Меня она узнает больше других. Когда она слышит мой голос, она знает, что это я. Конечно, причиной тому - 62 прожитых вместе года, однако от этого же труднее и мне, и ей. Она все понимает - когда я рассказываю ей, что наша дочь лежит в больнице с какой-то проблемой, она начинает тревожиться и внимательно слушает. Но часов понимания становится все меньше и меньше, потому что она все больше спит. Ее энергия идет на спад.

ЖИЗНЬ ПОДРАЗУМЕВАЕТ ПОСТОЯННОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

- Как вы в итоге подстроили свои ежедневные дела?

- Раньше мы вместе обедали, ужинали и совершали прогулки. Теперь я решил сконцентрироваться на других вещах, например, я совершенствуюсь в мандаринском наречии. Теперь, когда я прогуливаюсь, я чаще разговариваю с сотрудниками службы безопасности на мандаринском, набирая отсутствующий словарный запас: простые бытовые слова, такие, как «стол», «стул», «ящики». Раньше я учил только политические, экономические и социальные слова и фразы. Сиделки тоже говорят на мандаринском. Когда я обедаю или ужинаю, я говорю с ними на мандаринском, если жена спит. В результате мое знание языка стало гораздо лучше. Я даже смог провести две встречи с лидерами Китая без переводчика. Одна встреча была с государственным советником Лиу Тай Кар (Liu Yandong), единственной женщиной, входящей в состав Государственного Совета. Вторая встреча была с господином Хао Пин (Hao Ping), заместителем министра образования. Это позволяет мне сконцентрироваться на чем-то другом, иначе это было бы совсем пустое, ничем не заполненное время.

Необходимо приспосабливаться психологически, и я приспособился. Но придется еще много работать над собой, когда она окончательно покинет нас. Тогда этот большой дом опустеет. К счастью, я могу сконцентрироваться на работе, поэтому жизнь продолжается. Я путешествую и занимаюсь всем, чем занимался и раньше. Если я не буду продолжать жить, я деградирую. Если вы думаете, что вы будете сидеть и читать романы или играть в гольф, вы сильно ошибаетесь - ваша жизнь просто покатится под откос. Каждый день бросает нам вызов. Каждый день приносит с собой проблемы, которые надо решать.

- А как ваше собственное здоровье?

- После того, как у меня началась аритмия, мне был установлен кардиостимулятор, и я начал принимать плавикс, теперь передо мной стоят другие риски. Плавикс - это антикоагулянт, поэтому в результате падения можно получить внутреннее кровотечение. Это очень опасно, потому что врачи иногда даже не могут определить очаг кровотечения. Если очаг в мозгу, то это полная катастрофа. Если кровотечение началось где-то внутри тела, они прекратят прием плавикса, и останется надеяться на то, что оно

прекратится. Очень важно не падать, чтобы не спровоцировать внутреннее кровотечение. Поэтому я поменял свой велосипед на модель, которую нелегко опрокинуть.

Жизнь подразумевает постоянное приспособление по мере того, как меняются физические кондиции. До 30 лет вы бодры и энергичны, в 40 ваши ритмы начинают замедляться, а в 50 они замедляются еще больше. Я решил бороться с этим и занялся аэробикой. Сначала лет 15 - 20 я бегал трусцой, пока бедра не начали доставлять мне неприятности. Тогда я переключился на езду на велосипеде, которой занимаюсь и по сей день.

- Продолжаете ли вы заниматься плаванием?

- Да, каждый день. Это позволяет сделать разминку суставов. В конце дня это еще и освежает перед ужином и вечерней работой, чувствуешь себя отдохнувшим. Нужно как можно лучше прожить оставшуюся часть жизни. Если начать жалеть себя и причитать, что невозможно вернуться в прошлое и снова стать таким, каким был, то вы сами доставите себе страдания.

- Можете описать свой обычный день?

- Теперь?

- Да, теперь.

- Я работаю допоздна. Я всегда был склонен к тому, чтобы бодрствовать после наступления темноты и даже в поздние часы я работаю. В 1959 году я приходил на работу в здание городского совета к 8 часам утра. Потом постепенно это время сместилось на 9 часов, потом на 10. Теперь я прихожу после обеда, а если у меня назначена физиотерапия, то - ближе к вечеру. У меня только что был полуторачасовой сеанс физиотерапии, обед, душ, переодевание, проверка электронной почты, и вот я сижу перед вами. Не знаю, что будет лежать на моем подносе после того, как мы с вами закончим, но я должен буду разобрать всю сложенную на него корреспонденцию, ответить еще на некоторое количество электронных писем, самому написать и отправить несколько, потом велосипед, плавание, возвращение домой, ужин, беседа с сиделками, практика мандаринского и работа. Я не теряю времени даром.

СЕЙЧАС Я НА ПОЛПУТИ МЕЖДУ ВОЗРАСТОМ МОЕЙ МАТЕРИ И ОТЦА

- Многие скажут, что для человека вашего возраста вы делаете за день слишком много дел. Возьмем, например, вашу недавнюю поездку в Малайзию.

- Отчасти причина кроется в моих генах: мне кажется, что от 70 до 80 процентов предопределяется генами. Мой отец дожил до 94 лет. Моя мать дожила до 74 лет, затем ее сердце дало сбой. Тогда еще не было ангиопластики. В 72 года у меня были проблемы с сердцем. Но мне сделали ангиопластику, и закупоривание коронарной артерии было преодолено. Сейчас я на полпути между возрастом моей матери и отца. Не знаю, насколько меня хватит. Я просто продолжаю жить. Такова жизнь.

Все мои друзья в Сингапуре и все мои коллеги по политике уже или в инвалидном кресле, или ушли в мир иной, или на пути туда. Мне не на что жаловаться. Что касается моих ровесников в Англии, большинство из них уже покинули нас. Теперь я иногда встречаюсь только с одним из них, который служил послом в Пекине. Это Перси Крадок (Percy Cradock), очень одаренный человек. У него диабет, и он потерял обе ноги. Я навещал его - у него выдающийся, мощный ум. Мы общались со времен учебы в колледже и возобновили контакт, когда он был членом Верховного Комиссариата Британии в Куала-Лумпур. Там он освоил мандаринское наречие, переехал в Китай и стал послом. Вместе с Маргарет Тэтчер он занимался урегулированием проблемы Гонконга с Дэном Сяопином в 1984 году. Когда я был в Китае, я часто заходил к нему, и он провел со мной ликбез на тему, кто есть кто и что к чему. Он был очень информированным человеком.

Когда он возвращался после поездки домой, он останавливался здесь на несколько дней, и мы встречались. Когда я езжу в Англию, я захожу его навестить, а он раньше приходил пообедать или поужинать со мной. Когда я последний раз навещал его, весь дом был переоборудован. Я воспользовался его туалетом, в котором были установлены специальные брусья, ведь для него посещение туалета - главное гимнастическое упражнение. Кроме жены у него никого нет. Никаких помощников. Может быть, один-два раза в неделю приходит владелец дома и делает уборку. И все. Так что, думаю, я счастливый человек. Мы с ним одного возраста. Насколько я помню, это единственный, кто еще жив из моего поколения

(сэр Перси Крадок умер в январе 2010 года).

- К каким еще факторам, кроме генов, вы можете это отнести? Например, еда, которую вы едите?

- Я всю жизнь регулярно делаю упражнения. Раньше я играл в гольф, но понял, что это не прибавляет мне жизненных сил, это очень медлительная игра. Дочь принесла мне книгу главного врача военно-воздушных сил США (доктора Кеннета Купера) под названием «Аэробика», в которой приводится количественное соотношение упражнений, времени их выполнения в минутах и получаемой аэробной нагрузки. Однажды она застала меня на лужайке Шри Темасек, где я пытался глубоко дышать, и спросила: «Чем ты занимаешься?» Я ответил: «Я пытаюсь дать легким как можно больше кислорода». Она сказала: «Это неправильно. Нужно или быстрее ходить, или бегать». Она сама этим занимается. Я прочитал книгу, которую она мне дала, и сказал: «Что ж, давай попробуем». Так между ударами в гольфе я стал ходить быстрее и обнаружил, что самочувствие мое улучшилось. Потом между ударами в гольфе я начал бегать. В конце концов, я сказал: зачем я трачу время на гольф? Надо просто бегать! Прохождение девяти лунок в гольфе занимает полтора-два часа. Я бегаю 20 минут, и чувствую себя гораздо лучше. Таким образом, подсчет затрат и результатов заставил меня бросить гольф.

Я ВСЕГО ЛИШЬ КРОШЕЧНАЯ КРУПИНКА

- Что еще вы делаете для того, чтобы полностью расслабиться? Что позволяет вам выбросить все из головы?

- После того, как у Йео Гим Сена (Yeoh Ghim Seng) нашли рак, доктор по имени Тан Кенг Кху (Dr. Tan Kheng Khoo), буддист, навестил Йео Гим Сена в больнице и научил его медитации. На вас снисходит умиротворение, и вы перестаете мучиться и повторять про себя одно и то же: «я скоро умру, я скоро умру». Я сказал: «Это интересно. Сможете научить и меня тоже?» И вот доктор Тан пришел в офис и дал мне около шести уроков. Поначалу я испытывал некоторые трудности. Потом, некоторое время спустя, я обнаружил, что, если концентрироваться на дыхании и постепенно замедлять его ритм, неважно произносите вы мантру или нет, на вас внезапно снисходит умиротворение. Пульс и давление падают. Я чувствую, как замедляется мой пульс. У меня до сих пор где-то хранятся записи. Успокой свой ум... освободи свой ум, расслабься. Посмотри на себя третьим глазом сверху и осознай, где ты находишься в космосе - ты просто маленькая частичка. Надо развить чувство меры, понять, что ты всего лишь маленькая пылинка в огромной вселенной. Не обращай внимания на свое лицо. Не обращай внимания на свое тело, а когда погрузишься в медитацию, забудь обо всем.

Я не достиг его уровня, но я могу достичь определенного уровня, когда я в стрессовой ситуации, и если чувствую, что становлюсь брюзгливым, я сажусь в тихом уголке. Через двадцать-тридцать минут мои ритмы замедляются. Он обучил медитации и моего сына Сянь Луна, когда тот страдал лимфомой.

Однажды я встретился с (бывшим премьер-министром Бирмы) Не Вином (Ne Win). Он приезжал сюда, чтобы пройти медицинское лечение. Я сказал: «О, вы прекрасно выглядите!» - последний раз, когда мы виделись в Бирме, он выглядел так, будто вот-вот умрет. Он ответил: «Да, я все время провожу в медитации». Я спросил: «Неужели? А как вы медитируете?» И добавил: «А если, предположим, умрет ваша дочь (дочь в это время сидела в другой комнате вместе с зятем), расстроит ли это вас? Будет ли это угнетать вас?» Он ответил: «Конечно, какое-то время будет, но я медитирую и задаюсь вопросом, что значит наша жизнь. Я всего лишь крошечная крупинка. Другая крупинка ушла от нас». То есть он мысленно занимает более отрешенное положение. Не скажу, что в этом есть какой-то фокус.

Это обычный психологический метод.

Я считаю, что это полезно. Посмотрите на себя глазами другого человека, а затем вы внезапно начнете думать, что должны увидеть вещи в истинном свете. Я считаю, что надо учить медитации в школах, потому что это убережет людей от походов к врачам, приема валиума и тому подобных напастей.

- Может быть медитация дается вам легче, потому что вы больше предрасположены к буддизму? По-моему, как-то вы говорили, что являетесь номинальным буддистом.

- Да-да, я номинальный буддист. В большинстве буддистских храмов есть монахи и ученики, которые сидят в позе лотоса, сложив руки чашеобразными ладонями вместе, и глубоко дышат, при этом глаза их широко открыты, но они ничего не видят перед собой, они расслаблены. Так я не могу. Я закрываю глаза и получаю похожий эффект, правда, не такой, как у монахов. Бывший премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ раз в неделю проводил целый час в храме, сидя в позе лотоса и медитируя. Давным-давно, когда я устраивал для него ужин в Сингапуре, он рассказывал мне: «Я просто сижу в покое и отрешаюсь от всего мира». Я не могу сидеть в позе лотоса. Когда я попробовал, я получил дисплазию тазобедренного сустава.

ОН ОСОЗНАЛ, ЧТО СИНГАПУР МОЖЕТ ВСТАТЬ С НОГ НА ГОЛОВУ

- Что еще вы делали для того, чтобы расслабиться, особенно раньше?

- Играл в шахматы с детьми.

- О, замечательно. А вы позволяли им выигрывать или всегда побеждали сами?

- Нет, я не позволял им выигрывать. Поначалу я давал им некоторую фору, но когда они выросли, нужда в этом отпала. Через некоторое время я сказал: знаете, давайте закончим с этим! *(Смеется)*.

- А вы ставили перед собой цель проводить много времени с детьми, когда они росли?

- Да, раньше я обязательно как минимум один раз в год, а иногда и два раза, вывозил всю семью в Камерон Хайлендс (Cameron Highlands) или Фрейзере Хилл (Fraser's Hill) на две недели отдохнуть и поиграть в гольф. Мы с женой и дети обычно гуляли по полю для гольфа. Мы общались с ними. Поскольку я занимался политической деятельностью, я спрашивал их: «Хотите ли вы пойти по моим стопам?» Мой старший сын заявил: «Я последую за тобой».

Поэтому, когда я собрался на фанг вен (общение с избирателями) в 1963 году, он был со мной практически все это время. Он был уже достаточно взрослым и запомнил восстания в июле 1964 года (ему было около 12 лет и он учился тогда в Католик Хай Скул. Я помню, что за ним в школу отправили машину (когда разразились эти восстания), но его не смогли найти, потому что кругом царил хаос. Он пошел домой один. Двое младших детей были тогда совсем маленькие, поэтому та ситуация не затронула их так, как его.

- Как вы думаете, почему в политику пошел наш премьер-министр (ваш старший сын), а не ваш младший сын?

- Наш младший родился в 1957 году, он на пять лет моложе премьер-министра.

- Могло ли ваше общение с избирателями также повлиять на него, пусть и в меньшей степени?

- Нет, он не ездил со мной. Он был еще слишком молод.

- Даже в 70-е? В конце 60-х?

- Нет, в 70-е он уже готовился к выпускным экзаменам.

- То есть вы думаете, что основным фактором было влияние внешних обстоятельств, а не характер?

- Это было влияние внешних обстоятельств и, в частности, восстание, в ходе которого Сянь Лун застрял на повергнутых в хаос улицах. Тогда младшие сын и дочь учились в Наньянской начальной школе. Она находится за городом на Кингс Роуд (King's Road), поэтому машина беспрепятственно забрала их оттуда. А Сянь Лун учился в Католик Хай Скул на Брас Басах Роуд (Bras Basah Road), где действующим премьер-министром То Чин Чаем был внезапно объявлен комендантский час. Все тотчас же покинули школу, на дорогах начались заторы, потому что все офисы тоже закрылись. Это оставило глубокий след в его душе, потому что он осознал, что Сингапур может встать с ног на голову. Он запомнил события 1965 года, когда ему было 13 лет. Он осознавал все происходившее. Помню, той ночью 8 августа мы были в Шри Темасек, это было за день до объявления отделения, которое произошло 9 августа. Мы не знали, как отреагируют малайцы. Из крикливого большинства они превратились в запуганное меньшинство, особенно важные шишки Малайской национальной организации, которые верховодили всем населением. Внезапно они оказались в весьма уязвимом положении.

- В какой момент внутри вас впервые зародилось предчувствие того, что ваш сын пойдет в политику?

- Впервые я задумался об этом, когда Тринити-колледж Кембриджа предложил ему стипендию научного сотрудника, чтобы он стал математиком и остался преподавать там этот предмет. Он написал своему руководителю: «Я должен вернуться домой. Я прохожу службу в Вооруженных Силах Сингапура, мой отец - премьер-министр, и, если я не вернусь домой и не исполню свой долг, это будет плохо и для меня, и для страны». Поэтому я знал, что он собирается вернуться, во что бы то ни стало. Его не привлекала слава великого математика. Он сказал, что собирался заниматься математикой для себя. Он удовлетворил свою потребность, и этого было достаточно, поэтому он решил вернуться.

Это было очень убедительное письмо. Я встретил его руководителя (доктора Дэниса Марриана) много лет спустя на свадьбе принца Чарльза, и тот сказал мне: «Знаете, ваш сын написал мне письмо, которое очень меня впечатлило, оно было очень убедительным». Я попросил его: «О, покажите мне, пожалуйста, это письмо». На что он ответил мне: «Я не могу. Вы должны получить на это его разрешение». Британцы очень соблюдают корректность. Я написал сыну и спросил его: «Могу я взглянуть на твое письмо?» Он подтвердил это, и его руководитель прислал мне письмо,

написанное Луном от руки. Его приверженность Сингапуру была абсолютной. «Я намереваюсь вернуться, - писал он. - Я не желаю быть простым зрителем. Я хочу принимать участие в жизни Сингапура». Восстания, избирательные кампании, возвращение домой из Камерон Хайлендс за день до провозглашения независимости, время, проведенное в Шри Темасек, - все это оставило свой след в его душе.

ПУСТЬ ОНИ ЗАНИМАЮТСЯ ТЕМ, К ЧЕМУ У НИХ ЕСТЬ СПОСОБНОСТИ

- Если ваш младший сын был слишком молод для того, чтобы знакомить его с политикой, то что вы скажете о своей дочери? Она находится как раз между ними.

- Я никогда не брал ее с собой, потому что она девочка. Как я могу присматривать за ней, когда она бежит среди толпы людей? Дочерей нужно защищать.

- Как бы вы описали свои отношения с премьер-министром тогда и сейчас? Оправдал ли он ваши ожидания или, может быть, даже превзошел их?

- Это два разных вопроса. Наши отношения выросли по мере того, как выросл он. К тому моменту, когда ему исполнилось 16 или 17, он уже решил, чем хочет заниматься. Я не заставлял его получать стипендию Вооруженных Сил Сингапура, он решил это самостоятельно. Годом раньше он уже выиграл президентскую стипендию. Но я думаю, что раз он решил вернуться домой, то в случае, если придется воевать, он мог бы делать это в офицерском чине, а не как гражданское лицо. Поэтому он выиграл стипендию Вооруженных Сил Сингапура и каждые каникулы приезжал сюда на обучение.

- Обсуждали ли вы с ним, что он собирается делать после того, как сдаст выпускные экзамены?

- Нет, мы обсуждали то, что он не может поступать в университет сразу после сдачи выпускных экзаменов в Католик Хай Скул, которые проходили на китайском языке. Я сказал ему: «Нет, лучше не уезжай. Лучше проведи здесь еще один год, занимайся экономикой и математикой на английском, а потом можешь ехать». И вот за тот год он снова сдал выпускные экзамены теперь уже в Нэшнл Джуниор Колледж, учил русский язык, к которому у него обнаружили способности. Не думаю, что он его хорошо помнит, но его вполне можно восстановить. Он пытался выучить классический вен ян китайский язык, но это было слишком сложно для него. В тот год, если я не ошибаюсь (бывший профессор экономики) Лим Чонг Ях (Lim Chong Yah) давал ему частные уроки два или три раза в неделю, что очень пригодилось ему сейчас.

Кембридж - очень снобистское место, особенно Тринити-колледж, потому что там учился Исаак Ньютон. Я знал, что Айэйн Маклеод, который

тогда являлся «теневым» ректором, был близким другом Рэба Батлера, заместителя премьер-министра и главой Тринити. Он помог моему сыну поступить в университет. Сянь Лун сказал, что хотел бы заниматься математикой. Ему ответили: «Прежде чем мы определим тебя на факультет по математике, тебе нужно сдать экзамены». Он сдал экзамен, по результатам которого ему сказали: «Можешь пропустить первый курс и пойти сразу на второй». Таким образом, ему нужно было чем-то заполнить еще один год, так как, чтобы получить ученую степень, необходимо проучиться в колледже три года. Он решил заняться вычислительной техникой. По его прогнозам, это должна была быть быстро развивающаяся наука. Год спустя, когда (еще один стипендиат Вооруженных Сил Сингапура) Тео Чи Хин получил степень бакалавра с отличием первого класса в Манчестере по инженерному делу, я поговорил с Комиссией по вопросам государственной службы, чтобы его тоже направили в Лондон для изучения вычислительной техники. Это было целесообразно. В нашем Кабинете министров было два человека, которые были в курсе того, что происходит в мире компьютеров, и внедряли это в правительстве и Вооруженных Силах Сингапура.

- Вас бы разочаровало, если бы никто из ваших детей не пошел в политику?

- Нет. Почему это должно меня разочаровать? Они занимаются тем, к чему у них есть способности и чем они интересуются. Заставлять их идти в политику тогда, когда они не испытывают к ней никакого интереса, было бы катастрофой. Зачем мне это делать? В чем смысл?

С самого начала мы с женой договорились. Пусть они занимаются тем, к чему у них есть способности, что им нравится, что обеспечивало бы им достойное существование. Моя дочь хотела быть ветеринаром, но мать сказала ей: «Думаешь, ты будешь ухаживать за кошками и собаками? Ты будешь работать на скотобойне, осматривая туши свиней, крупного рогатого скота и овец!» Пойди и посмотри на это, сказала ей мать. Она посмотрела, вернулась и сказала: «Я буду заниматься медициной». Бывают времена, когда она говорит: «Лучше бы я стала ветеринаром, потому что они зарабатывают огромные деньги, гораздо больше врачей».

МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ У РУЛЯ СТОЯЛИ ЛУЧШИЕ

- Надеетесь ли вы на то, что ваши внуки разделят страсть к политике, которую испытываете вы и премьер-министр?

- Пока они не проявляют таких признаков. Они - это они. Ответственность за них несут их родители, а не мы с женой. Я не заинтересован в том, чтобы кто-то из них пошел в политику. Если они все же захотят, надеюсь, они сделаны из подходящего для политики теста, иначе они опорочат имя Ли! *(Смеется)*. Да, конечно, вы же читали о (британских политиках) Питте Старшем и Питте Младшем. У младшего Питта не было последователей. Нет, меня это совсем не интересует, не интересуют династии. Это не нужно и для Сингапура. Мы хотим, чтобы у руля стояли лучшие. Тогда наши шансы на успех будут самыми высокими.

- Как вы оцениваете Сянь Янга, и насколько оправдываются его карьерные и жизненные планы?

- Он решил последовать по стопам своего брата и тоже хотел поступать в Кембридж. Я сказал ему: «Знаешь, твой брат показывал исключительные результаты, и, если ты поступишь в тот же колледж, от тебя будут ожидать соответствия установленным им стандартам». Он ответил: «Хорошо, я не буду заниматься математикой, я буду заниматься инженерным делом». Он не пришел в замешательство. Он не жил в тени своего брата. Он поступил и получил степень бакалавра с отличием первого класса. Он претендовал на высшую степень отличия, но не получил ее. Еще он хотел заниматься электроникой. Пройдя половину обучения, он решил, что к тому времени, как он закончит службу в Вооруженных Силах Сингапура, электроника уже устареет. Поэтому он освоил проектирование и строительство гражданских объектов, которое всегда востребовано. Он разумный и практичный человек.

Во время прохождения службы в Вооруженных Силах Сингапура он пошел в бронетанковую бригаду. В конце концов, он захотел перейти в «СингТел». Министр обороны сказал Го Чок Тонгу: «Смотри, этот парень может возглавить государственную службу». Они предложили ему это, но он сказал: «Я не хочу идти в государственную службу, не хочу отдавать ей всю свою жизнь. Я планирую уйти в коммерческий сектор». И он ушел.

У него способности к инвестициям, он очень проницателен. Мать доверила ему инвестирование своих собственных средств. В большинстве

случаев он очень мудро распорядился вложениями. После работы с «СингТел» он сказал: «Достаточно с этим, я добился всего, чего хотел». Джеймс Вул-фенсон из «Всемирного банка» знал его и его способности к инвестированию. Он попросил меня уговорить его стать партнером двоих его детей, которые собирались открыть небольшой инвестиционный банк. Я передал ему эту просьбу, но он возразил: «Нет, они просто хотят воспользоваться моими контактами в этой части света»>. Вместо этого он устроился на работу в компанию «Фрейзер и Нив». Я сказал ему: «Это же не работа с полной занятостью». А он ответил мне: «Да, но мне нужно делать портфолио». И он пошел в компанию «Фрейзер и Нив» и создал себе это портфолио.

- Бытует мнение, что он имеет своего рода бунтарский характер. Вы согласны с этим?

- Нет, нет, нет. Почему он должен быть бунтарем? Против чего ему бунтовать? Мы не пытаемся заставлять его делать то, что хочется нам. Как я уже говорил, мы решили это к 17 - 18 годам, у детей своя голова на плечах. Они очень интеллектуально развитые люди. Они читают, встречаются с людьми и сами принимают свои решения.

Мы с младенчества заложили в них несколько базовых основ. Мы называли их базовыми ценностями. Не делай этого, это плохо. Даже если это приносит тебе деньги, так поступать неправильно. Поэтому они выросли с крепким моральным стержнем. Мы с женой гордимся тем, какими они стали. Они не избалованы, не мошенничают. Они будут приносить пользу. Они хорошие честные люди.

ТЕПЕРЬ ЭТО МЕСТО НАВОДНЕНО ТУРИСТАМИ И ПРИХОДИТ В УПАДОК

- Когда вы вспоминаете свою жизнь, политическую карьеру, личную жизнь, от чего вы испытываете наибольшее удовлетворение?

- От того, что я жил полной жизнью. С учетом обстоятельств я сделал в политике все, что мог. Я приложил все силы для того, чтобы создать крепкую семью, но одному мне, конечно, это бы не удалось. Львиная доля забот по воспитанию легла на плечи моей жены. Каждый день она приезжала домой пообедать. Тогда движение еще не было таким плотным, поэтому дорога от ее офиса на Малакка стрит (Malacca Street) до дома занимала пять-семь минут. Наши дети росли так же, как обычные нормальные дети.

Если машина была на выезде, они ездили в школу на автобусе. Они росли, чтобы стать такими же, как другие. Это было очень важно для них. Оба сына проходили обязательную военную службу без всяких привилегий и особого отношения. Мы старались делать так, чтобы они познали все, с чем им предстоит столкнуться в жизни. Большого я сделать и не мог.

В 1967 году после изнурительной поездки в Америку, мы поехали в Пномпень, а потом в Сим Рип, где Сианук разрешил мне остановиться на его вилле. У нас до сих пор сохранились фотографии, на которых мой сын Сянь Янг стоит позади статуи, а его голова находится как раз на том месте, где она отсутствует у статуи, - и он, и его сестра! Они катались на слонах. Это были преимущества, которыми они пользовались, и которые мало кому были доступны в то время, потому что Сим Рип, в отличие от сегодняшних дней, был закрыт для туристов. Тогда еще не было украдено так много статуй, и барельефы не были вырублены со стен. Я не хочу снова видеть это место. Это очень огорчит меня. Теперь это место наводнено туристами и приходит в упадок.

МНЕ НЕ НУЖНЫ БЫЛИ РОЗГИ, И У МЕНЯ ИХ НИКОГДА НЕ БЫЛО

- Считаете ли вы себя строгим родителем в вопросе воспитания детей?

- И да, и нет. Дисциплиной в основном занималась жена. У нее были розги, у меня нет. Я никогда их не бил.

- Вам не нужны были розги, чтобы навести дисциплину?

- Нет, мне не нужны были розги, и у меня их никогда не было. Жена нечасто прибегала к ним, но все-таки иногда стегала их. Дети знали, что есть определенные вещи, которых делать нельзя. Я всегда поддерживал жену, поэтому между нами не было пререканий, когда дети говорят: «Вот, отец прав!» *(Смеется)*. Я всегда оказывал жене полную поддержку, был ее тылом. По большому счету, я могу сказать, что у нас очень гармоничная семья.

- Часто ли вы обсуждали с женой вопросы воспитания детей?

- Да, конечно. Первое, что мы решили, отправить их в китайские школы. Тогда это было очень важное решение, потому что мы боялись, что пострадает их знание английского языка. Но мы посчитали, что это слишком важная часть их жизни, а знание китайского языка необходимо с прицелом на будущее. А английский они учили дома, так как мать говорила с ними по-английски. Я практиковался с ними в мандаринском, пока они не закончили начальную школу. После этого вопросы, которые мне хотелось с ними обсудить, стали сложными, и мне пришлось перейти на английский. Мой старший сын 12 лет отучился в китайской школе вплоть до сдачи выпускных экзаменов. Двое младших детей - только 10 лет до экзаменов по программе средней школы на обычном уровне. Дочь хотела заниматься медициной, сын - инженерным делом. Невозможно учить медицинскую лексику на китайском, а потом каждый раз переводить на английский. Поэтому в старших классах перед выпускными экзаменами они перешли на англоязычное обучение. Но благодаря изучению китайского сызмальства, он глубоко укоренился в их памяти.

Была такая миссис Дэннис, преподававшая в школе вооруженных сил, кажется, в казармах в районе Танлинь (Tanglin). Она приходила к нам домой, чтобы научить их ритму английской речи. Потом, когда она вернулась в Англию, я нанял британского офицера-добровольца - сначала молодого человека, а потом молодую девушку, - чтобы они приходили и

читали стихи и прозу. Благодаря этому дети овладели ритмом и плавностью языка, научились говорить правильно, а не на сингапурском английском. В итоге они без проблем поступили в университет, где преподавание велось на английском. В конце концов, английский стал их основным языком, потому что именно его они постоянно используют в жизни. Китайский стал их вторым языком, но они легко его вспоминают.

Возвращаясь к прошлому, думаю, что, если бы сингапурские родители были смелее, я бы мог создать специальную программу обучения, где на начальной стадии приоритет в изучении отдавался бы китайскому, а не английскому, чтобы китайский язык был прочно усвоен детьми, особенно из англоговорящих семей. Тогда он бы отпечатался в их памяти. В том виде, в каком это существует сейчас, китайский является постоянным препятствием в школе, в карьере и в жизни. Но сингапурские родители и ученики хотят изучать английский, потому что нацелены на то, чтобы преуспеть. В каком-то смысле они правы, потому что можно владеть китайским на самом высоком уровне, но, если английский не так хорош, вы находитесь в ущемленном положении.

ДУМАЮ, ЧТО СЫНУ ДОСТАЛАСЬ НАИЛУЧШАЯ КОМБИНАЦИЯ НАШИХ ДНК

- Были ли у вас с миссис Ли определенные ожидания, связанные с детьми, или вы в целом решили позволить им стать тем, кем они хотят сами?

- Нет, как я уже говорил, мы не старались определять их будущие карьеры. Мы оба были адвокатами, но посчитали, что это было бы неправильно навязывать им работу в этой же области. Вместо этого мы задавали им вопросы. Что у вас получается особенно хорошо? Чем вы интересуетесь? Что принесет вам наибольшее удовольствие и удовлетворение из того, к чему у вас есть способности?

Мой сын имел способности к математике. Я спросил его: «Что ты собираешься делать в будущем? Преподавать?» Он любил математику. У него к этому ярко выраженная склонность - логический склад ума. Когда он учился на последнем курсе, Оксбридж Университи Клуб (Oxbridge University Club) Сингапура попросил университет назвать имя лучшего студента Кембриджа, которому должен быть вручен приз, и их руководитель ответил: «Ли Сянь Лун ответил на 12 альфа-вопросов больше, чем следующий за ним по количеству отличных ответов студент при сдаче экзамена на степень бакалавра с отличием. Никогда раньше в истории этого экзамена разница не составляла 12 ответов». Один засчитанный альфа-вопрос соответствует одной решенной задаче. Лун решил на 12 задач больше студента, занявшего второе место, который тоже отличился на экзамене по математике (получил высшие степени отличия). Позже я встречался с его профессором Питером Свиннертоном-Дайером (Peter Swinnerton-Dyer), который сказал мне: «Ваш сын обладает незаурядными способностями, потому что, как правило, математик концентрируется на математике, а его интересы разнообразны». Мы знали, что он исключительно одарен. Думаю, что ему досталась наилучшая комбинация наших ДНК. Я преуспевал в математике. Жена имела склонность к литературе. Ему досталось и то, и другое. Другие дети тоже имеют способности в обеих областях, но не в такой ярко выраженной форме, как он. Тут уж как повезет. Кости брошены, два ДНК смешались, и ему досталось все лучшее от каждого из нас. Это удача.

- А что касается характера? Вы считаете, что Сянь Лун тоже взял все самое лучшее от вас с миссис Ли?

- Я читал британского психолога Ханса Айзенка (Hans Eysenck), который утверждает в своих книгах, что мальчики склонны к тому, чтобы перенимать все у матерей, потому что ген Х больше гена Y, мужского гена. Поэтому они наследуют больше материнских качеств, чем отцовских. Девочки имеют два гена Х от отца и от матери, поэтому они, как правило, наследуют больше отцовских качеств. Исходя из своего опыта, могу сказать, что это недалеко от истины. Возможно, различия невелики, но, мне кажется, что они есть. Характер Луна очень отличается от моего. Он более, как бы это сказать, уравновешенный, не такой пылкий, как моя дочь, которая унаследовала это от меня. У Линь очень живой характер. У нее нет детей, поэтому она пишет и занимается многими вещами помимо неврологии. Она всегда тяготела к роли активистки. Ее кипучая энергия заставила ее возглавить центр «Приют» (The Tent), работающий с девочками-подростками, сбившимися с пути. Она собирает деньги для реализации своих программ. Ей надо было выйти замуж и родить пару детей, тогда все было бы по-другому. *(Смеется)*. Но что поделать? Она счастлива от того, как живет, вот так. Они сами распоряжаются своей жизнью.

«ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ УЙТИ В КИНО?»

- Было ли у вас, как у других родителей, эмоциональное восприятие их друзей, любимых и супругов?

- Когда детям исполняется 17 - 18 лет, их уже невозможно контролировать, но до этого родители стараются привить им определенные ценности. Я всегда говорил им, что, когда они вступят в брак, им необходимо почитать Джорджа Бернарда Шоу. Если вы думаете, что ваш ребенок будет таким же симпатичным, как ваша жена, и таким же умным, как вы, это заблуждение. Он будет представлять собой какую-то комбинацию вас обоих - это закон Менделя (теория, лежащая в основе генетики как науки).

Так что, если хотите, чтобы в жизни было меньше проблем, особенно что касается дополнительного обучения детей и беспокойства о том, сдадут ли они экзамены, нужно просто выбирать себе пару из той же категории, к которой принадлежите вы сами, и тогда шансы, что ваши дети тоже попадут в эту категорию, возрастут, и вам не придется волноваться. Кого они в итоге выберут, зависит от того, кто входит в их круг общения. Мой старший сын встретил девушку малайзийского происхождения, которая была доктором в Кембридже. Второй сын женился на дочери Лим Чонг Яха, потому что Чонг Ях преподавал ему экономику, и он познакомился с его дочерью. Это его выбор, но в результате, как я уже сказал, нам с женой не приходится волноваться!

- Что вы думаете о своих внуках?

- Дочь Луна очень талантлива. У нее талант к музыке, живописи, гуманитарным наукам, и она пишет. Раньше она писала для женского журнала в холдинге «Стрэйтс таймс». Однажды я прочитал один ее очерк о чемодане. Никогда не подозревал, что о чемодане можно так захватывающе писать! Она мастер слова. Потом она сменила род деятельности, занялась архитектурой. Она могла делать дизайн интерьера. Поскольку ей нет необходимости зарабатывать себе на жизнь, она ставит шоу. Еще она сняла успешный фильм о регионе Селетар, который теряет свое очарование старины. В настоящий момент она проходит интенсивное трехлетнее обучение, организованное здесь (известной школой искусств) Тиш Скул. Она уже отучилась один год и просто выбилась из сил. Сейчас она должна подготовить сценарий фильма, который сама будет продюсировать. Я

спросил ее: «Ты действительно хочешь уйти в кино после всего этого или переключишься на что-то другое?» Она очень многогранная личность, но, думаю, она продолжит заниматься кино. Я уточнил: «Ты собираешься снимать фильмы на английском или на китайском? Потому что, если ты хочешь снимать их на английском, то где ты видишь свой рынок? На Западе придется конкурировать с Болливудом и Голливудом, так что ты будешь аутсайдером. Лучше снимать их на китайском, потому что есть Тайвань, Гонконг, Китай и вся Юго-Восточная Азия». Она сказала: «Нет, нет, я буду снимать их на английском». Хотя она неплохо говорит по-китайски, она предпочитает английский. И я сказал: «Хорошо, продолжай в том же духе».

Их мальчик - альбинос. У отца и матери были определенные гены. К сожалению, в нем объединились они оба, и он родился близоруким альбиносом. Однако он хорошо проявил себя. Он медленно успевал в школе, потому что плохо видел, что написано на доске, и тому подобное. Ему приходилось использовать бинокль, это отнимало время. Но он окончил Национальный университет Сингапура. Он мог получить максимальную оценку, набрать пять баллов, но набрал четыре. Что ж, неплохо.

Двое других мальчиков, дети от Хо Чин, оба одаренные ребята. Один выиграл стипендию Массачусетского технологического института (МТИ). Второй не захотел получать стипендию, хотя с легкостью мог ее выиграть. Он собирается заняться информационными технологиями и решил остаться там, чтобы получить опыт и следующую степень. После этого он вернется. Это другой мир, потому что его отец может платить, и деньги не являются важным вопросом. Я бы на месте его отца сказал: нет уж, лучше получай стипендию, а потом возвращайся. Почему я должен отдать 300 000 или 400 000 долларов ни за что? Я могу внести для тебя первый взнос за дом в размере половины его стоимости! Но за них я не отвечаю. Моя жена давно уже решила, что не будет ссориться с родственниками и со своими невестками. Они сами несут ответственность за своих детей. Мы просто иногда куда-нибудь с ними выезжаем.

Я ДРУЖУ С НИМИ НЕ РАДИ ВЫГОДЫ

- У вас много друзей?

- У меня есть друзья, с которыми мы дружим всю жизнь. Это Чиа Чви Леонг (Chia Chwee Leong), с которым мы вместе учились в Раффлз-Колледж и институте Раффлз. Он стал химиком, а впоследствии и главным химиком государства. Мы делили с ним комнату в Раффлз-колледж, комнату на двоих, обращенную окнами к закату, из-за чего в ней было очень жарко. Поэтому мы выехали из нее через семестр, но остались друзьями. Он сингапурец. Во время японской оккупации мы встречались и много беседовали. Мы до сих пор видимся. Он поссорился с То Чин Чаем, который тогда руководил министерством здравоохранения. То Чин Чай в какой-то мере спровоцировал его отставку. Я не вмешивался. Я не хотел делать этого, потому что это было министерство То Чин Чая. Так что он ушел в отставку и пошел работать на химический завод Лим Су Пэна (Lim Soo Peng) в Джуронге («Кемикал Ин-дастрис Фар Ист» - Chemical Industries Far East). Он является другом (бывшего председателя Комиссии по вопросам государственной службы) Фэй Сенг Уотта (Phay Seng Whatt), который был инвестором этого химического завода. Мы до сих пор наносим друг другу визиты. Мне было интересно, как поживают его дети: двое сыновей и дочь. Его дочь не замужем и держит 50 кошек. Я спросил его, зачем это ей. Он ответил: знаешь, она любит кошек! Один из его сыновей преподает в Национальном университете Сингапура, второй - адвокат.

Знаете, что интересно. Жена рассказывала мне, что Чви Леонг ждал, не пойдет ли моя дочь в школу на год раньше. Она ведь родилась в январе, поэтому ей пришлось ждать еще 11 месяцев, чтобы ее зачислили. Чви Леонг следил за этим, потому что, если бы она пошла, а его сын туда не попал, он собирался устроить скандал. Что ж, Линь не была зачислена. Она выждала еще один год, зато потом, когда пошла в школу, она перескочила через класс. По-моему, после первого класса ее перевели сразу в третий. Мы дружим и по сей день.

С Перси Крадоком мы тоже до сих пор дружны, и я как раз собираюсь писать ему. Возможно, я увижу его в последний раз, не знаю, потому что и он, и я уже вступили в такой возраст, когда каждый из нас может в любой момент покинуть этот мир. Так что мы еще встретимся (Перси Крадок умер в январе 2010 года).

- Тяжело ли в вашем положении поддерживать отношения со старыми друзьями?

- Со своими старыми друзьями я до сих пор поддерживаю отношения. Я дружу с ними не ради выгоды. Они мои друзья, потому что мы вместе проводим время, мы приятны друг другу и поддерживаем нашу дружбу.

Еще один из моих друзей - доктор Фонг Ким Хенг (Fong Kim Heng), которого я привел в политику, и который стал заместителем спикера в 1960-х годах. Вы можете посмотреть информацию о нем в официальном отчете о заседаниях парламента Великобритании. Он пристрастился к наркотикам, начал принимать петидин (болеутоляющее). У него были боли, но закончилось тем, что он не смог отказаться от приема препаратов. Как врач, он не должен был делать себе инъекции, но все-таки колол себе лекарство. Он заплатил за это большую цену, это очень печально. Я поддерживаю связь с его братом, который взял на себя опеку над двумя его сыновьями. В течение нескольких лет моя жена встречалась с ними (и консультировала их) по поводу имущества и тому подобным вопросам. Я привел его в политику, потому что мне нужны были надежные способные люди. Он был одаренным человеком, мы учились на одном курсе в Институте Раффлз. Он выбрал медицину и стал врачом.

НО УЗНАЛИ МЫ ДРУГ ДРУГА БЛАГОДАРЯ ПОЛИТИКЕ

- Согласны ли вы с тем, что после того как становишься премьер-министром, труднее заводить хороших друзей?

- Не обязательно, но меняется уровень друзей. Я дружу с Генри Киссинджером, Джорджем Шульцем, Тони Блэром... Они мои друзья не только в политическом смысле. Но узнали мы друг друга благодаря политике.

Я познакомился с Киссинджером в 1968 году в Гарварде - он все еще там преподавал, а я приехал туда на два месяца. Мы выяснили, что у нас схожие взгляды на Вьетнам. Потом его назначили советником президента по вопросам национальной безопасности, и он оставил Гарвард. Под конец моего визита в США я отправился в Нью-Йорк, где мы снова встретились. Там я изложил ему свои взгляды на Вьетнам, и он предложил поддерживать контакт. Как потом выяснилось, Никсон был обо мне хорошего мнения, и поскольку он записал все, что я ему говорил, когда он прошел всю президентскую гонку, наша дружба с годами только окрепла. Даже после того, как Киссинджер ушел с поста госсекретаря в правительстве Форда, он продолжал поддерживать со мной контакт. Мы встречались один-два раза в год. В настоящее время мы оба входим в международный консультативный комитет «Джи Пи Морган Чейз» (JP Morgan Chase).

Во время поездок в США я обычно останавливался в его загородном доме в Коннектикуте. Он мой друг. Когда моя жена перенесла инсульт, он звонил мне несколько раз и спрашивал о ее здоровье. Однажды вечером он приезжал ко мне с Шульцем, и я угощал их ужином. Он спросил: «Могу я повидать твою жену?» Я ответил ему: «Нет. Ей будет очень неловко встречаться с тобой в ее положении». Когда жена Шульца умерла от рака, а они жили в Стэнфорде, в одном из преподавательских кварталов, потому что тогда он там преподавал, мы с женой навещали ее. Они тоже близкие друзья.

- Получается, что у вас много друзей по всему миру. А кто является вашим душевным другом, близким человеком? К кому вы обращаетесь, когда чувствуете упадок сил, или когда хочется, чтобы кто-то посочувствовал?

- Я бы сказал, что это моя жена.

- А сейчас? Вы садитесь у ее постели, чтобы поговорить с ней?

- Я делаю это каждый вечер. Я читаю ей, рассказываю, чем занимался днем, пересказываю новости из «Стрэйтс таймс», «Интернэшнл геральд трибюн» (International Herald Tribune) и «Уолл Стрит Джорнэл». Потом я читаю ей ее любимые стихи, которые она отмечала для себя много лет.

- Она не может говорить. Как она дает вам знать о том, как себя чувствует?

- Она моргает. Один раз значит «да», два раза - «нет».

- Какие периоды вы считаете самыми лучшими в жизни вашей пары?

- Больше всего я радовался, когда жена выиграла королевскую стипендию, и мне сразу после этого удалось помочь ей поступить в Кембридж, ведь это значило, что ей не придется ждать меня в Сингапуре три или четыре года. Если бы она не получила эту стипендию, я бы вернулся (в Сингапур) через три года и постарался как можно быстрее сдать экзамен на право заниматься частной юридической практикой. Перед моим отъездом она сказала, что через три года мы станем чужими друг другу. Я уверил ее, что этого не произойдет. Это был риск, потому что наши пути могли разойтись. Она получила стипендию, я выбил для нее место, и мы тайно поженились тогда же в декабре в Стратфорде-на-Эйвоне. Потом мы вернулись и еще раз поженились в 1950 году. Не думаю, что это преступление (*смеется*), жениться дважды на женщине, на одной и той же женщине!

ВЕСЬ ЕГО МИР РУХНУЛ ТОГДА. НЕБО УПАЛО НА ЗЕМЛЮ...

- Какой период своей жизни вы считаете самым трудным, не считая болезни жены?

- *(Длинная пауза)* Думаю, это было, когда умерла жена моего сына. Весь его мир рухнул тогда. Небо упало на землю. У него на руках остался второй сын, который родился за две или три недели до ее смерти в октябре 1982 года - он остался без жены с малышом-альбиносом и горничной-филиппинкой. Мать и теща изо всех сил помогали ему. Теща была так добра, что переехала к нему в его квартиру на Кэирнхилл (Cairnhill). Моя жена постоянно приходила туда, чтобы помочь. Мы брали их с собой на прогулки по резиденции Истана. Первый год был самым трудным. Он был в полном оцепенении. Я увещевал его, чтобы он смотрел в будущее, ведь нельзя горевать всю жизнь. Мы приносили ему книги о том, как справляться со страданием, среди которых была очень хорошая книга одного кембриджского философа. Я сказал ему, что, в конце концов, придется жить дальше. Жить дальше - значит жениться на женщине, которая взяла бы заботу о двоих детях, которые у него есть. Я видел, что случилось в семье моего дяди (брата матери), который женился на сестре моего отца. У них родилось трое детей, а потом она умерла. Он снова женился. Его вторая жена, мачеха детей, плохо обращалась с ними. Поэтому моя жена часто кормила их досыта и заботилась о них. Это была ужасная история.

Когда-то здесь жил торговый представитель с Тайваня (генерал, который уже ушел в отставку и вернулся на Тайвань), с которым мы были дружны. Он предложил свою помощь в поисках жены для моего сына. Он рассказал, что после смерти своей супруги женился второй раз - он понял, что нужно продолжать жить и создал вторую семью. И он нашел нам девушку. Мы встретились с ней в Тайбэй и привезли сюда. Сын сказал, что она ему не подходит. В конце концов, он решил остановиться на коллеге по работе. Хо Чин работала в министерстве обороны в отделе шифрования. Лун был в компьютерном отделе. Какое-то время он тоже проработал в отделе шифрования. Думаю, что тогда они и познакомились. Они возобновили дружбу. Я посоветовал ему: «Убедись, что она примет твоих детей, иначе у ваших отношений будет печальный исход. Всем будет плохо: и тебе, и твоей матери, и мне». Хо Чин вступила с ним в отношения,

полностью осознавая, что приходит в семью. Она стала детям хорошей матерью. На самом деле она выворачивалась наизнанку ради них, и в результате моя внучка разбалована в плане дисциплины. Она порхает от одной интересной работы к другой. Если бы ее выставили из отцовской гостиницы, и ей пришлось зарабатывать на жизнь, она бы сконцентрировалась на том, чем действительно хочет заниматься. Но она не моя дочь. Отец дал ей зеленый свет, заплатил за ее обучение в школе «Тиш» 250 000 долларов за три года, купил ей поддержанную машину.

ОНА ЗНАЛА МОИ СТРАННОСТИ, А Я ЗНАЛ ЕЕ ПРИЧУДЫ

- В чем, по-вашему, секрет долгой и счастливой семейной жизни?

- Во-первых, мы подходили друг другу. Между нами не существовало никаких фундаментальных разногласий. Она знала мои странности, а я знал ее причуды. Жена ненасытна в чтении. Она читала Горация, «Илиаду» и Гиббона («История упадка и разрушения Римской империи»). Она читала книги о рыбе, кулинарии - книги, которые стояли на полках в доме. Мне, в отличие от нее, совсем не интересны эти темы. Меня интересует то, что я делаю. Когда я писал мемуары, она читала черновики и упрощала мой английский, чтобы их было легче читать и понимать. Как юрист, занимающийся составлением документов по оформлению перехода права на недвижимость, она очень придирчива к значению слов: они должны быть простыми и понятными. В итоге она очень повлияла на мой стиль письма. Раньше я писал сложными, закрученными предложениями так, как я говорю. А она учила меня: «Нет, нет, когда ты говоришь, это нормально, потому что можно повторяться или начинать с того места, где ты не закончил мысль. Но на бумаге ты должен написать предложение и двигаться дальше. Тогда мысли будут понятными и живыми». Если проанализировать то, что я писал до мемуаров, вы увидите, что мой стиль был очень витиеватым. Жена отучила меня от этого. Она сказала: «Ты же хочешь, чтобы это читали ученики средней школы. Не используй многосложные слова, если можешь сказать односложным - так советует (автор стилистического справочника из Британии) Эрнест Гоуэрс (Ernest Gowers). Это хороший совет». Один из моих врачей сказал, что прочитал мою книгу, и она показалась ему очень простой. Так что моя жена добилась успеха. Мы подстраиваемся друг под друга.

- В чем еще она повлияла на вас?

- Почти во всем. Она делала всю работу по дому: вела домашнее хозяйство и руководила прислугой. Теперь у меня появились проблемы. Я нанял человека, который занимается починкой и смотрит за горничными. Результат оставляет желать лучшего, потому что он не знает, что именно должны делать горничные в спальне, и все уже не так чисто, как раньше. Это проблема. Мне пришлось попросить сестру давать указания кухарке, потому что дочь не интересуется этими вещами. Ей интересно только работать, писать статьи и копаться в своем «Блэкберри» (Blackberry). Все ее

кулинарные способности ограничиваются тем, чтобы засунуть сырую лосось в микроволновку. Жена отлично готовит, и она всегда давала указания кухарке, что и как приготовить.

Она всегда знает, когда что-то сделано не так. У нее очень чувствительные вкусовые рецепторы и нос. Она может сразу сказать кухарке: ты положила слишком много лэнгкуас (травы калгана), убери часть. Я никогда не знаю, что именно не так. Я просто чувствую, что блюдо имеет неправильный вкус. А она всегда все знает точно. Мне очень этого не хватает. Но жизнь продолжается. Теперь моя сестра помогает мне обучать кухарку. Она тоже хорошо готовит. Жизнь диктует нам умение приспосабливаться. Со временем мы учимся обходиться тем, что имеем.

Я УШЕЛ С ДОРОГИ, ЧТОБЫ НЕ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОДВИЖЕНИЕ СЫНА

- Вы сожалеете о чем-нибудь в личной жизни?

- Я считаю, что это непродуктивно. Это все праздные игры. О чем можно сожалеть? Я принимал решения с учетом обстоятельств и знаний, которые были у меня на тот момент, и я делал выбор, дающий мне максимальный простор для маневров и позволяющий решить вопрос по-другому в случае, если он окажется неправильным. Что сделано, то сделано. Если бы на тот момент передо мной (в том же возрасте и с тем же багажом знаний) снова встала одна из тех проблем, я бы принял такое же решение.

О чем мне сожалеть? Сожалею ли я о союзе с Малайзией? Нет. Я уверен, что попробовать было необходимо. Сожалею ли я о том, что сделал из этого проблему во время Конфронтации? Верховный комиссар Британии сказал тогда: подожди, пока не закончится Конфронтация, потом мы урегулируем все вопросы. Я думал иначе. К тому времени, как закончится Конфронтация, Тунку перестанет зависеть от британских, австралийских и новозеландских войск и просто применит силу. Я принял решение лоббировать этот вопрос незамедлительно: «малайзийская» Малайзия или ничего. О чем здесь сожалеть? Если бы я не попытался, это было бы поводом для сожаления. Однако мы попытались. Это было в 1965 году. Сейчас идет 2009 год, а проблемы стоят те же самые: является ли государство малайской Малайзией или малайзийской Малайзией? Наджиб говорит, что это «единая Малайзия», но это не то же самое, что «малайзийская» Малайзия. Единая Малайзия подразумевает, что все расы живут в одной стране. Но это приносит очевидные дивиденды, потому что Малайская национальная организация, по всей видимости, вернула себе часть поддержки в Кота-Бару на дополнительных выборах.

- Ранее вы говорили, что вас не интересует увековечивание своей династии. Тем не менее, именно в этом вас обвиняют уже много лет. Не огорчает ли это вас?

- Нет. Существуют определенные стереотипные темы, которыми активно пользуются журналисты, чтобы осадить меня. Я не позволяю этого. Так и запишите - Лун не поставлен на этот пост моей волей или

потому что я все это устроил. Я ушел с дороги, чтобы не нести ответственность за его продвижение. У меня нет ни тени сомнения в том, что он в любом случае добился бы своего положения. Подумайте сами, кто может превзойти его по интеллекту, политическому опыту, лингвистическим способностям? Никто.

Проблема в том, что следующий премьер-министр не будет говорить на трех языках. Возможно, он даже не будет хорошо знать двух языков, что, конечно, является недостатком. Я заставлял учить языки не только Луна, чтобы подготовить его к будущей работе. Я заставлял учить языки всех своих детей, потому что, как я говорил им, вы живете в этой части света, и вам потребуется знание английского, китайского и малайского, поэтому учите их. Они учили их с детства. Им нечасто приходилось использовать малайский, потому что сейчас, по большому счету, нужны только английский и мандаринское наречие в определенном объеме, поскольку современные малайцы понимают английский. При необходимости они смогут восстановить свои знания. Это легко восстанавливается. По крайней мере, они понимают малайский и могут поехать в Индонезию или Малайзию и понимать, о чем там говорят, а это, конечно, преимущество. Помимо этого, Лун еще читает на яванском. У него невероятно мощный ум. Я говорю это не для того чтобы похвастать его способностями. Он действительно освоил русский алфавит, яванский и китайские иероглифы, а также музыкальные ноты. Покажите мне человека, который тоже все это умеет. Знаете, если бы я не был премьер-министром, он занял бы этот пост еще раньше. Так я и говорил.

Ни один из министров не сомневается в том, что Лун может взяться за проблемы, над которыми они работают, со всеми нюансами и тщательно, со всех сторон их проработать, будь то финансы, торговля или что-то другое. Это талант. Он унаследовал мои математические способности и видит варианты решений. А от матери у него хорошая память на слова и мысли. Можете проверить его. Гарри Ньюман младший (Harry Newman Jr), американец из Гарварда, отправившийся получать степень доктора наук в Кембридж, издавал студенческую газету «Гранта» (Granta), и там мы с ним и подружились. С 1950 года, когда я вернулся домой, наши пути разошлись, но мы продолжали переписываться. Он переехал с восточного побережья на западное, в окрестности Лос-Анджелеса, в район одного из местных курортов. Когда американец говорит вам «приезжай ко мне в гости», он действительно имеет это в виду. Поэтому, когда в 1967 году я совершал свою поездку, я сообщил госдепартаменту, что хочу повидаться с ним, и дал его адрес. Они организовали нашу встречу. Когда Лун отправился в США

на артиллерийские учения, на обратном пути он поехал на западное побережье, чтобы поработать с Артуром Дулитлом (Arthur Do-ittle). Ньюман пригласил Луна остановиться у него. Потом он писал мне о том, что, по его мнению, Лун - выдающийся человек. Ньюман - это человек, который любит слово. Он занимался недвижимостью и заработал на этом свое состояние, но его настоящая любовь - это язык и поэзия. Он сам пишет стихи. У меня есть три его книги. По-видимому, ему трудно было подобрать слово, и Лун с лету выдал ему ответ. Он был изумлен. А ведь Лун не занимается английской литературой, он - математик. У меня не было ни тени сомнения в том, что он станет выдающимся человеком. Он таков, какой он есть, ему не нужно прилагать каких-то сверхусилий. Он просто делает то, что нужно.

ЕСЛИ У МЕНЯ ЕСТЬ ВАЖНОЕ ДЕЛО, Я ПРИЕЗЖАЮ К НЕМУ, А НЕ ОН КО МНЕ

- Опишите, пожалуйста, ваши ежедневные профессиональные взаимоотношения с премьер-министром.

- Наши профессиональные взаимоотношения с премьер-министром носят очень корректный характер. Он пишет мне, как министру-наставнику, я пишу ему, как премьер-министру. Если у меня есть важное дело, я приезжаю к нему, а не он ко мне. Иногда, когда он заканчивает заседания кабинета министров, я говорю, что заеду к нему в офис пообщаться. Это неформальная часть. Но я строго слежу за тем, чтобы наши отношения поддерживались на официальном уровне на официальных встречах. Я разговариваю с ним не как отец с сыном, а как министр с премьер-министром. Это правильный подход.

Я не пекусь о церемониях. Люди встают, организуют для меня почетные караулы, но я не придаю этому большого значения. Если не будет почетного караула, я не стану возражать. Возьмите к примеру (бывшего канцлера казначейства, члена лейбористской партии Британии) Роя Дженкинса. Президент Франции знал, что тот любит почетные караулы. Когда Дженкинс в качестве председателя Европейской Комиссии делал что-то на благо Франции, они выставляли почетный караул. Если он делал что-то, что шло вразрез с их интересами, караула не было. Никто не ждет его, специальный помощник провожает его на встречу с президентом Миттераном или Жискарром д'Эстеном... Думаю, это проявление слабости. Вся эта учтивость меня не интересует. Помню, я ездил в Пакистан на встречу с (бывшим президентом) Мухаммедом Зия-уль-Хаком (Muhammad Zia ul-Haq), и из Дели до Исламабада мы летели на самолете «Индиан Эйрлайнз» (Indian Airlines). Когда самолет пересек границу, за нами в хвосте пристроились шесть истребителей F16. Я думал, что на нас началась атака! Как выяснилось, это был почетный караул в мою честь. Несмотря ни на что, мне это понравилось. Я поблагодарил его за это.

По сути, это ничего не меняет. Мировые лидеры встречаются со мной, потому что я даю им пищу для размышления. Они получают от меня нужную им информацию и извлекают из этого какую-то выгоду. Вот и вся история. Они встречаются со мной не ради развлечения. У них есть более важные занятия.

- Бывают ли у вас разногласия? Как вы с премьер-министром

выходите из положения, когда у вас случаются разногласия по какому-то вопросу?

- Нет, если мы не сходимся во мнениях, он сам принимает решение, потому что ответственность лежит на нем. Когда я был действующим премьер-министром, я сказал всем министрам Кабинета, что буду руководствоваться своим собственным мнением о возможной реакции населения, потому что я контактирую с людьми. Я беседую с ними и посещаю государственные жилые районы, особенно новые, чтобы понять, каковы населяющие их жители. Это были молодые люди, добившиеся определенных успехов, родители которых остались жить в старых районах. Я настроился на их волну. Я посмотрел, что лежит у них в холодильнике, увидел разницу между красиво обставленным малайским домом и китайским домом со спартанской обстановкой, позволяющей, впрочем, накапливать деньги. Малайские семьи обычно меняют полы и занавески, ставят огромный телевизор и тому подобное. Я заметил все эти различия в характере их расходов, в том, что они считают важным.

В настоящее время я просматриваю фотографии и видео, слушаю радио и смотрю телевизор. Да, я встречаюсь со своими избирателями во время таких событий, как «Оранжевая лента» и других, но это огромные собрания людей. Я встречаюсь с избранными группами людей, которые уже являются сторонниками этого движения, будь то лидеры профсоюзов или избирателей. Поэтому я говорю молодым министрам, что, откровенно говоря, я уже не держу руку на пульсе, как раньше. Значит, вам судить о настроениях в обществе.

То же и с малазийцами. В их отношении я руководствуюсь своим старым мнением о том, кому я доверяю, кому не доверяю, кого я внимательно выслушаю. Но я нечасто встречаюсь с представителями молодого поколения (малайзийских политиков). Эти встречи не носят глубокого характера, этого недостаточно, чтобы оценить их. Поэтому я сказал (молодым министрам Сингапура), чтобы они решали сами, серьезна эта политика (Малайзии) или нет.

Я читал очерки Роя Дженкинса о Жане Монне (Jean Monnet). Жан Монне был председателем «Европейского объединения угля и стали», который мечтал о создании Европейского союза и хотел, чтобы Германия и Франция преодолели свои войны. Он был движущей силой. Рой Дженкинс писал, что, когда Монне состарился, он уже не мог путешествовать. Поэтому он приглашал к себе людей, чье мнение считал здравым, и вытягивал из них информацию. Что ж, сейчас я пытаюсь заниматься тем же самым. Но получить можно только субъективную информацию. А многие

из них сейчас не говорят на малайском, поэтому их чувство ситуации несколько иное. Да, у нас есть министры-малайцы, которые говорят на малайском, но это не одно и то же, когда человек не является малайцем и понимает, о чем они говорят друг с другом, а о чем с тобой. Думаю, разница есть.

В ТОТ ИЛИ ИНОЙ МОМЕНТ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА ПЕРЕХОДИТЬ В ДРУГИЕ РУКИ

- Возвращаясь к жене премьер-министра, не обеспокоены ли вы некоторыми мнениями, высказываемыми в отношении мадам Хо Чин о ее работе в качестве генерального и исполнительного директора компании «Темасек» и ее отношениях с премьер-министром?

- Нет, меня это совершенно не беспокоит, потому что все посвященные люди в Сингапуре знают их высокие качества. За то время, что Хо Чин возглавляла «Темасек», она изменила позиционирование компании на рынке.

Я вчера разговаривал с Онг Бенг Сенгом, и он поднял этот вопрос. Мы обсуждали проблемы развития Десару как курорта. Он очень хорошо в этом разбирается. Он сказал: «Знаете, уход из «Темасек» был ошибкой. Она может развивать компанию. Нам не нужен этот американец». Я ответил ему: «Я не знаю причин всего этого. Она говорит, что пришло время двигаться дальше, меняться». Но он возразил: «Она изменила «Темасек» и полностью его модернизировала».

Если она не будет соответствовать своей должности, даже если это не будет произнесено вслух, люди будут знать, что это кумовство, и что премьер-министр рискует будущим страны, продвигая свою жену. Он не хотел нести ответственность за ее назначение. Она была назначена Данабаланом (Dhanabalan) и Чок Тонгом (Го Чок Тонгом, который на тот момент занимал пост премьер-министра). И она проделала хорошую работу. Она ушла с должности не из-за больших убытков в связи с инвестициями в «Меррилл Линч» (Merrill Lynch). Она считает, что для ухода пришло время и, вероятно, хочет заниматься чем-то другим. Но она оставалась в правлении до октября, по-прежнему выполняя функции генерального и исполнительного директора и передавая дела своему преемнику. В тот или иной момент власть должна переходить в другие руки.

Так же говорит и Сянь Янг: «Все, я сделал достаточно. Я доказал себе, на что способен, вывел «СингТел» на международную арену». Он купил акции индийской компании «Бхар-ти» (Bharti), и это приносит прибыль. Он инвестировал в Австралию, и многие думали, что «СингТел» потеряет деньги, но этого не произошло. У него нюх на инвестиции. Меня не волнует (что говорят люди), но я не буду подтверждать эти голословные

обвинения в кумовстве до тех пор, пока такое мнение не сложится на международном уровне.

- Люди спрашивают, чем теперь собирается заниматься мадам Хо. Ходят слухи, что ее готовят к политической карьере...

- Нет, никогда об этом не слышал. Нет смысла идти в политику в ее возрасте. Придется осваивать целый ряд абсолютно новых навыков, как это сейчас говорят, не так ли? Политик должен ходить и стучать в двери, разговаривать с людьми, встречаться с ними и многое другое. Это не ее сильная сторона. Если бы она занялась этим в 30 с небольшим, даже в 40 лет, тогда да. Но теперь уже не получится. Если бы у нее было такое намерение, я бы посоветовал ей воздержаться. И муж посоветовал бы ей не идти в политику, потому что он знает, что уже слишком поздно учиться работать с нуля. Он ищет людей в возрасте под 40 или чуть за 40, которые могут приспособливаться и меняться.

Мы приглашали к сотрудничеству Ко Бун Хви (Koh Boon Hwee), когда ему было около 40 лет, но он отказался. Он сделал карьеру в частном секторе, но, несмотря на то, что сейчас он говорит, у него появилось желание, уже слишком поздно, потому что в своем возрасте он не сможет адаптироваться. Поэтому мы попросили его помочь с «Банком развития Сингапура» (DBS), «Сингапур Эйрлайнз» (SIA), «СингТел», то есть в том, в чем он может помочь.

МОЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ - ЭТО МОЕ ДЕЛО

- Вы говорите, что Хо Чин - хорошая жена и мать, которая способна вывернуться наизнанку, которая приняла двух детей премьер-министра от первого брака как своих. Но, судя по всему, общественность не знает ее с этой стороны.

- А почему они должны об этом знать? Это никого не касается. Я всегда придерживался мнения, что моя личная жизнь - это мое дело так же, как и личная жизнь любого политика. Я не одобряю американский или британский стиль агитацион-ных компаний. Не знаю достоверно, лезут ли в современной Европе в семейные дела, но в Америке они это делают точно. Они поднимают шум вокруг Мишель Обама, детей, собак и прочего. Возможно, это дает им лучшее представление о семье, но как это помогает им определить, является ли он хорошим президентом и концентрируется ли он на необходимых для развития экономики вещах?

- Однако это бы совершенно точно улучшило бы ее имидж в глазах общественности в тот момент, когда она стала объектом для критики.

- Это не имеет никакого значения. Меня всегда оценивали по тому, что я сумел сделать и что обещал людям. Гармонична ли моя семейная жизнь или наполнена ссорами - это может быть интересно журналистам, которые любят проводить расследования и выносить все это в печать, но это не имеет отношения к делу. Вопрос заключается в том, в состоянии ли я концентрироваться на работе. Клинтон смог выдержать все эти передеряги. Вероятно, он был очень зол и чувствовал себя униженным, но он продолжал делать свое дело. В Америке считается неподобающим для президента поступать так, как это сделал он. Тем не менее, делать все это достоянием общественности и подвергать его за это импичменту было дурным вкусом. Также грязной политической игрой было принижать его и всю систему. Французы бы так не поступили. После смерти Миттерана на первый план вышла женщина, с которой у них была незаконная связь и общий ребенок. Я уверен, что французские газеты уже знали об этом, его жена знала об этом, но таковы французы. У них иное отношение к личной жизни своих политических лидеров.

- Что ж, немного жаль, что общественность почти незнакома с этой стороной жизни Хо Чин. На страницах писем читателей в газетах часто можно встретить мнения, что ей следовало бы лучше выполнять свои супружеские обязанности по отношению к премьер-министру.

- Эти люди в меньшинстве. Она хорошо выполняет свою работу? Он хорошо справляется со своими обязанностями? Он покровительствовал ей в получении этой работы? Нет.

Тогда давайте руководствоваться их достижениями. Давайте не будем делать скидку на то, есть ли у вас проблемы дома, чтобы оправдать для себя невозможность что-либо сделать. Если у вас в семье столько проблем, вам нужно или взять отпуск, или вовсе уйти с должности.

Как-то я слушал передачу о болезнях лидеров, в ходе которой брали интервью у нескольких человек. Под конец они спросили у Дэвида Оуэна, бывшего министра иностранных дел: «Имеет ли это значение? Должно ли здоровье лидера быть достоянием общественности?» Он ответил утвердительно. Его спросили, почему? Он пояснил: «Если вы серьезно больны, то становитесь более нерешительным». Он привел пример: «В течение 11 лет Миттеран и его врач держали в секрете его рак простаты, тогда как в действительности все это время шла битва за его жизнь. После его смерти врач сказал: «11 лет я вынужден был держать это в тайне». Но говорили также, что были случаи, когда от Миттерана требовались решительные действия, а он был не в состоянии, потому что проходил курс лучевой терапии или химиотерапии, что, конечно, влияло на него. Думаю, это справедливо. Если вы страдаете от затяжной или хронической болезни, люди должны это знать, потому что это влияет на качество выполняемой работы.»

БЫЛО ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО КНОПОК, И ТОЛЬКО Я ЗНАЛ, НА КАКИЕ НАЖИМАТЬ

- Вы больше не стоите у руля. Было ли это трудно для вас?

- Нет. Это произошло в 1990 году, когда я передал бразды правления Го Чок Тонгу. Я всегда оставался поблизости, так как весь административный аппарат был создан под меня. Было великое множество кнопок, и только я знал, на какие нажимать. Поэтому я какое-то время находился возле Чок Тонга, чтобы помочь ему перестроить систему под него. Знаете, это как с машиной: вы настраиваете руль, положение сидений и тому подобное, чтобы было удобно именно вам. Вам приходится делать это, поскольку вы, наверняка, отличаетесь от предыдущего водителя. Я сказал ему, какие вещи имеют особую важность - необходимо знакомиться с их состоянием раз в неделю и быть в курсе. Необходимо продолжать «зеленую» кампанию. Вы должны доказать комитету, что это важно, и министерство национального развития должно понять, что это неотъемлемая составляющая нашей стратегии - не просто поддерживать зеленое движение, но сделать его частью общей стратегии развития Сингапура.

Однако три министра быстро подали в отставку один за другим, потому что не смогли адаптироваться к его стилю работы. Это были Тони Тан, Йео Нинг Хонг (Yeo Ning Hong) и Данабалан - три лидера-тяжеловеса. Я позвал их к себе и сказал: послушайте, дайте ему немного времени, он сбавит обороты и войдет в колею. Если через 18 месяцев вы поймете, что ничего не изменилось, тогда сможете уйти с чистой совестью. И они вернулись. Я помог уладить эту проблему и, в конце концов, они остались на своих постах. Думаю, если бы я не остался ему помогать, он бы лишился ряда очень авторитетных министров, и те проблемы, которые они решали, легли бы на его рабочий стол. Я ушел в тень, но помогал ему. Лун тоже не пытался превзойти его, он просто оказывал ему поддержку. Через 14 лет он решил уйти в отставку. Я никогда не предлагал ему уйти. Он решил, что настало время уходить, потому что, когда он вступил в должность, ему было 50 лет. Лун сменил бы его на этом посту в возрасте 50 с небольшим. А ведь Луну необходимо будет еще найти преемника. Поэтому он ушел в отставку. Лун попросил Чок Тонга остаться на некоторое время, потому что в первую очередь ему предстояло сконцентрироваться на внутренних вопросах, тогда как (Чок Тонг) выстроил систему взаимоотношений с молодым поколением европейских

лидеров на заседаниях АТЭС и других мероприятиях. Мои связи уходят в прошлое. У меня нет таких связей с Романо Проди и новым президентом Европейской Комиссии Баррозо.

Они ценят меня как базу данных. Моя задача - помогать Сингапуру процветать независимо от того, кто стоит у руля. Укреплять то, что уже достигнуто. Есть вещи, которые в состоянии делать только я, благодаря многолетнему опыту и связям с лидерами мирового масштаба как в регионе, так и во всем мире. Я могу снять трубку и позвонить Киссинджеру или Джорджу Шульцу, а они могут позвонить любому ответственному лицу. Так, во время финансового кризиса 1997 года я позвонил Джорджу Шульцу, и он сказал: «Я поговорю с Рубином». Он поговорил с ним, а потом с Рубином разговаривал я, потому что Рубин знал, что я друг Шульца, то есть он имел дело с человеком, заслуживающим доверия. Теперь Рубин является моим другом через Джорджа Шульца. Так вы и строите свои связи: через хорошие рекомендации, через людей, которым вы доверяете.

У меня было преимущество в том, что я подружился с важными людьми. Они пришли сюда из-за войны во Вьетнаме, особенно американцы. У Луна не было такого преимущества. Ему приходится создавать с ними отношения, но у него хорошие исходные позиции. После встречи с Луном Обама сказал своему сотруднику: «Это хороший человек». Тот сотрудник передал эти слова Хену Чи (Heng Chee) (послу Сингапура в Соединенных Штатах). Так что хорошее начало было положено. Конечно, с молодым поколением (мировых лидеров) у меня нет такой связи, но некоторые из них, такие, как Клинтон, хотели встретиться со мной, несмотря на то, что его команда воспрепятствовала ему. Или Тони Блэр, хотя мы знали друг друга еще до того, как он стал премьер-министром.

С Саркози у нас было шапочное знакомство до того, как он вступил в должность. Через месяц или два после того, как он занял свой пост, он встретился со мной только для того, чтобы побольше узнать от меня об этой части света и Китае. Но у него есть свое собственное мнение, и он сам решит, как ему выстраивать отношения с китайцами. Я также встречался с Дэвидом Кэмероном (David Cameron), и у нас запланирована еще одна встреча на сентябрь (2009 года). Почему он ищет встреч со мной? Потому что я был знаком со старыми лидерами Консервативной партии, и они, наверняка, сказали ему, что с этим человеком стоит поговорить. Поэтому он приехал встретиться со мной вместе с Уильямом Хейгом (William Hague) и еще тремя своими доверенными лицами.

- Как вы принимаете решение о том, что хотите сделать публичное

заявление по какому-либо вопросу? Раньше вы проявляли больше активности.

- Я не проявляю больше активности, чтобы противопоставить что-то современной политической картине или отклониться от политического курса, потому что это не мое дело усложнять жизнь молодым министрам. Моя задача - помогать им. Для этого я и нахожусь здесь, а не для того, чтобы умалять их заслуги или возвышать себя. Это было бы неправильно.

Они понесут факел вперед, а не я.

СТАЛО БОЛЬШЕ ОДИНОЧЕСТВА

:В ноябре 2010 года, после кончины миссис Ли, мы попросили провести еще одно интервью, чтобы книга соответствовала действительности. Ли согласился ответить на наши вопросы по электронной почте.

- Во время нашей последней беседы вы говорили, что внесли изменения в свою жизнь с учетом состояния вашей жены. Теперь, когда ее больше нет, какой стала жизнь в этом «большом, пустом доме», о котором вы говорили?

- Стало больше одиночества. Не с кем поговорить после того, как закончился рабочий день.

- Что вы можете сказать о реакции сингапурцев на смерть миссис Ли? Вас удивило, что ее так любили?

- Отчасти. Но ведь она сердечно относилась ко всем вместе взятым и к каждому в отдельности, никогда не использовала свое положение.

- В течение года вы дали несколько интервью для западной прессы: «Нэшнл джеографик» (National Geographic) и «Нью-Йорк таймс», давших необычайно интимное представление о вашей личной жизни. Многие сингапурцы были потрясены такими откровениями, особенно что касается вас и миссис Ли. Что изменилось в вас, благодаря чему вы стали способны раскрыться перед общественностью подобным образом?

- Не произошло ничего особенного. Я стал свободнее общаться с прессой, зная, что жена этого не прочтет. Она была человеком, рьяно оберегающим свою частную жизнь, и я с уважением к этому относился.

- Многие сингапурцы были удивлены тем, что вы медитируете, и что вас этому научил католик. Переосмыслили ли вы свою веру со времени ухода миссис Ли? Примете ли вы какую-либо веру под конец жизни?

- Нет. Так получилось, что медитировать меня научил католик, но он не пытался обратить меня в свою веру. А в моем возрасте вряд ли меня уже можно обратить.